

Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

На правах рукописи

Динисламова Оксана Юрисовна

**ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
МАНСИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент В. Н. Соловар

Ханты-Мансийск – 2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1. ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	13
1.1. Исследование фразеологических единиц разносистемных языков в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах.....	13
1.1.1. Изучение фразеологических единиц в русском языке.....	14
1.1.2. Изучение фразеологических единиц в финно-угорских языках.....	19
1.1.3. Категория межъязыковой фразеологической эквивалентности.....	27
1.2. Антропоцентрический и аксиологический аспекты фразеологии.....	30
1.3. Фразеологическая единица в системе языковых знаков.....	39
1.4. Коды культуры как средство интерпретации фразеологизмов.....	55
Выводы.....	78
Глава 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАНСИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА	80
2.1. Фразеологическое представление качеств <i>характера</i> человека.....	80
2.1.1. Фразеологическое представление образа <i>доброго</i> человека.....	81
2.1.2. Фразеологическое представление образа <i>злого</i> человека.....	96
2.2. Фразеологическое представление <i>умственных</i> способностей человека.....	114
2.3. Эмоциональная картина мира и её фразеологическое представление в мансийском и русском языках.....	135
2.3.1. Фразеологическое представление эмоции <i>гнев</i>	136
2.3.2. Фразеологическое представление эмоции <i>страх</i>	151
Выводы.....	177
Заключение	179
Список литературы	185
Приложения	227
Приложение I. Список условных сокращений.....	227
Приложение II. Список информантов.....	228
Приложение III. Фразеологизмы мансийского языка.....	230
Приложение IV. Фразеологизмы русского языка.....	254

Введение

В период стремительного развития межкультурной коммуникации неисчерпаемый интерес для лингвистов представляет идиоэтнический колорит конкретного национального языка. Изучение его сквозь призму отражения национально-культурного опыта позволит понять историю народа, традиционные духовные ценности, мировоззрение. Важное значение в этой связи приобретает анализ фразеологического фонда языка как источника сведений о культуре в целом. Настоящая работа посвящена исследованию языкового образа человека в мансийской фразеологической картине мира (ФКМ) на основе сопоставления с русской в русле современной лингвоантропологии.

Необходимость проведения подобного рода изыскания обусловлена теоретической и практической необходимостью фиксации, систематизации, описания фразеологических единиц (ФЕ) мансийского языка и их сопоставления с ФЕ иной языковой системы (в данном случае русской) для выявления универсальных и специфических национальных черт языкового сознания народов.

Мансийский язык вместе с хантыйским и венгерским относится к угорской ветви финно-угорской языковой семьи. Численность манси по переписи 2002 г. составляет 11 432 человека¹, по данным переписи 2010 г. – 12 269 человек², родным языком владеют менее 1000 человек. Места расселения: Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ (частично), Ивдельский район Свердловской области, Пермская область (верховья рек Тыпыл, Вишера, Чусовая) [Диалектология мансийского языка 2012: 6]. Исторически поселения манси были расположены по берегам больших и малых рек, изолированы друг от друга либо соединены путями сообщения. Подобная

---

¹ По данным Всероссийской переписи населения 2002 года (perepis2002.ru)

² По данным Всероссийской переписи населения 2010 года (rosstat.gov.ru)

территориальная разобщённость мансийского населения стала главной причиной диалектной раздробленности.

Актуальность выбранной темы обусловлена следующими причинами.

Во-первых, необходимостью фиксации, сбора, систематизации и описания ФЕ мансийского языка, весьма богатого в отношении фразеологического состава, но в виду неблагоприятной социо-лингвистической ситуации находящегося под угрозой исчезновения³.

Во-вторых, ввиду практически полного отсутствия до нашего времени научных работ по фразеологии мансийского языка, фрагментарного характера её изучения не выработаны подходы к более или менее общепринятому определению и пониманию границ фразеологии и ФЕ, отсутствует единый понятийно-терминологический аппарат, открытым остаётся вопрос о соотношении паремиологии и фразеологии мансийского языка.

В-третьих, сопоставительный анализ ФЕ с точки зрения определения характеристик лица в таких генетически и типологически различных системах, как мансийский и русский языки, даёт возможность исследовать проблему взаимоотношения культуры и языка, выявить в сопоставляемых ФКМ универсальное (общекультурное) и уникальное (национально-культурное), восполнить пробелы научного знания в исследованиях антропоцентрического, лингвокультурологического и лингвокогнитивного характера.

Объектом настоящей работы являются ФЕ, репрезентирующие некоторые аспекты феномена *человек* в их диалектической связи с представлениями о внутреннем и целостном в пределах феномена *язык в человеке – человек в языке*. В этой связи в качестве объекта изучения отобраны группы ФЕ, описывающих образы *доброго* и *злого* человека, умственные способности в дихотомии *глупый – умный*, а также эмоциональные чувства, испытываемые человеком в состояниях *гнева* и *страха* как наиболее ярких и экспрессивных отрицательных эмоций.

---

³ По данным проекта «Исчезающие языки» – Northern Mansi (endangeredlanguages.com).

Предметом работы являются лингвокультурные и лингвокогнитивные особенности мансийских и русских фразеологизмов, репрезентирующих языковой образ человека.

Цель данной работы – выявить инвентарь ФЕ сравниваемых языков, описывающих рассматриваемые аспекты образа человека, на основании сопоставительного анализа исследовать их в контексте лингвокультурологического и лингвокогнитивного содержания национальных картин мира.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1) выявить и систематизировать инвентарь ФЕ мансийского и русского языков рассматриваемых групп, определить их семантику;

2) представить обзор существующих подходов к изучению и описанию ФЕ в русской и финно-угорской фразеологии с целью выработки понятийно-терминологического аппарата в мансийском языке, определения места ФЕ в системе языковых знаков мансийского языка;

3) установить различные типы межъязыковой эквивалентности ФЕ мансийского и русского языков;

4) рассмотреть роль метафоризации как процесса декодирования образов, выявить модели метафорических переносов;

5) исследовать коды культуры, заключённые в образных основаниях ФЕ сопоставляемых языков;

6) выявить общекультурные и национально-культурные свойства ФЕ сравниваемых языков.

Гипотеза диссертации заключается в предположении, что 1) лингвокультурологический анализ образа человека позволяет выявить универсальные (общекультурные) и уникальные (национально-культурные) фрагменты сопоставляемых языковых картин мира (ЯКМ); 2) фразеологизмы, репрезентирующие данный образ, отображают некоторые аспекты языкового сознания и мышления этносов, структурирующихся под влиянием их социально-

исторического развития (внешний фактор) и когнитивных механизмов восприятия окружающего мира (внутренний фактор); 3) формирование части фразеологизмов мансийского языка складывалось под влиянием языковых контактов, в частности, с русскоязычным населением, т. е. связано с ареалами межъязыкового взаимодействия.

Цель и поставленные в диссертации задачи обусловили использование следующих **методов** исследования: метод полевого исследования, метод опроса информантов (анкета, интервью, беседа), метод сплошной выборки языкового материала, метод компонентного анализа (при выявлении концептуальных признаков в значениях ФЕ), описательно-аналитический метод (при описании полученных результатов), метод семантического определения (при толковании значений ФЕ), количественно-статистический метод (при установлении номинативной плотности элементов); интерпретативный метод (при анализе значений ФЕ, метафор), метод лингвокультурологического анализа, сравнительно-сопоставительный метод (на основании которого для определения общекультурной и национально-культурной специфики фразеологизмов производится выделение межъязыковых соответствий: полных и частичных эквивалентов, фразеологических аналогов и безэквивалентных фразеологизмов).

Материалом для работы в общей сложности послужили **544** фразеологизма северного наречия мансийского языка и **543** русских ФЕ, из них **329** мансийских и **363** русских ФЕ, репрезентирующих образы *доброто* и *злото* человека, умственные способности в дихотомии *глупый* – *умный*, а также эмоции *гнева* и *страха*.

Основой диссертационной работы является языковой материал верхнесосьвинского (пп. Няксимволь, Хулимсунт), среднесосьвинского (пп. Кимкъясуй, Сосьва), сыгвинского (ляпинского) (пп. Ломбовож, Саранпауль) говоров северного наречия, принятого за основу мансийского письменного языка.

Исследуемый материал извлечён методом сплошной выборки преимущественно из картотеки автора диссертации, созданной в процессе работы с носителями языка в период 2003–2021 гг.

Источниками фразеологизмов являются также мансийские фольклорные тексты А. Каннисто [Каннисто 2016; Kannisto 1906–1908, 1936, 1938, 1951, 1955, 1956, 1958a, 1958b, 1959, 1963, 1982], Б. Мункачи [Munkácsi 1892, 1893, 1896, 1910, 1963, 1986], иные фольклорные и публицистические источники [Сказания-рассказы людей Сосьвы 2004; Фольклор манси Северной Сосьвы 2004; Мифы, сказки, предания манси (вогулов) 2005; Героический эпос манси (вогулов) 2010; Мансийская (вогульская) народная поэзия 2016; Медвежьи эпические песни манси (вогулов) 2012; Мансийские «Песни о судьбе» 2013; Старинные песни народа манси 2015; Общественно-политическая газета «Лӯимā сәрипос»].

Фразеологизмы русского языка извлечены методом сплошной выборки из фразеологических, лексикографических, энциклопедических и толковых словарей А. И. Фёдорова [Фёдоров 2008], А. И. Молоткова [Молотков, 1986], А. Н. Тихонова [Тихонов 1987], А. К. Бириха [Бирих 1998, 2007, 2009], Р. И. Яранцева [Яранцев 1997], В. П. Жукова [Жуков 1987, 2005], А. Н. Булыко [Булыко 2007], Ю. А. Ларионовой [Ларионова 2014], С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1999], «Ассоциативный фразеологический словарь русского языка» [1994], «Большой фразеологический словарь русского языка» [2006], «Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» [2008], «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» [2009], «Академический словарь русской фразеологии» [2015], «Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты» [2018], Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Научная новизна работы определяется тем, что впервые: а) в мансийском языке выявлен, систематизирован и введён в научный оборот обширный пласт фразеологизмов, описывающих различные аспекты языкового образа человека, определена их семантика; б) на основе проведённого обзора существующих

подходов к изучению и описанию фразеологии в русском и финно-угорском языкознании выработан понятийно-терминологический аппарат, определено место ФЕ в системе языковых знаков мансийского языка, представлена классификация ФЕ на основании семантической слитности компонентов; в) для определения общекультурной и национально-культурной специфики мансийских и русских ФЕ произведено выделение типов межъязыковых соответствий: полных и частичных эквивалентов, фразеологических аналогов и безэквивалентных ФЕ; г) при анализе ФЕ сопоставляемых языков в русле лингвокультурологии и лингвокогнитологии рассмотрена роль метафоры в процессе декодирования образов, выявлены различные модели метафорических переносов; д) исследованы коды культуры, заключённые в образных основаниях ФЕ сравниваемых языков, представлена их система; е) в сопоставительном аспекте с применением антропоцентрического, лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов исследован языковой образ человека в языках разного строя – мансийского и русского.

Теоретическая значимость работы определяется тем вкладом, который она вносит в изучение особенностей мансийской фразеологии, а также ЯКМ сопоставляемых языков, отраженной во фразеологизмах. Материалы и выводы предпринимаемой работы, наряду с подобными материалами других исследований послужат необходимой базой для целостной реконструкции ЯКМ носителей сопоставляемых языков.

Практическая значимость. Материалы работы могут быть использованы в прикладных целях при составлении пособий по проблемам фразеологии, учебно-методических разработок, выработке стратегии и тактики различных видов межкультурной коммуникации, в переводческой деятельности, составлении фразеологических, лексикографических, идеографических, коннотативных словарей различного типа, теоретических курсов по общему и частному языкознанию, проведении дальнейших научных сопоставительных описаний лингвокультурологического и лингвокогнитивного плана.

Теоретико-методологической базой диссертации являются классические труды, посвящённые связи философии, языка и культуры В. Гумбольдта [Гумбольдт 1985], А. А. Потебни [Потебня 2000], Ю. С. Степанова [Степанов 1997, 1975, 2007], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], Э. Сепира [Сепир 1993]; ключевые работы по общему языкознанию В. В. Виноградова [Виноградов 1969, 1977, 1999], Э. Бенвениста [Бенвенист 2002], С. И. Ожегова [Ожегов 1974], В. М. Алпатова [Алпатов 2005], Б. А. Ларина [Ларин 1956, 1977], Ю. А. Гвоздарева [Гвоздарев 1977, 2008], А. И. Ефимова [Ефимов 1952, 1957, 1969]; научные труды по общей фразеологии Н. М. Шанского [Шанский 1985, 1996, 2010], А. М. Мелерович [Мелерович 1979], В. М. Мокиенко [Мокиенко 1989, 2005], В. П. Жукова [Жуков 1986, 2006], Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко 2005, 2005а, 2008а], А. И. Молоткова [Молотков 1977], М. М. Копыленко, З. Д. Поповой [Копыленко, Попова 1978, 1989], С. Г. Гаврина [Гаврин 1974], А. В. Кунина [Кунин 1970, 1996], А. И. Фёдорова [Фёдоров 1973], Л. И. Ройзензона [Ройзензон 1973, 1977], А. Г. Назаряна [Назарян 1987], А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского [Баранов, Добровольский 2008, 2013], А. М. Бабкина [Бабкин 1970], О. С. Ахмановой [Ахманова 1957], В. Л. Архангельского [Архангельский 1964], Н. Н. Амосовой [Амосова 1963]; работы по контрастивной лингвистике И. А. Стернина [Стернин 1989, 2004], Е. Ф. Арсентьевой [Арсентьева 1993, 2006], В. Г. Гака [Гак 1977, 1983, 1988], А. Д. Райхштейна [Райхштейн 1980], Д. О. Добровольского [Добровольский 1990, 2011], Ю. А. Долгополова [Долгополов 1973], Э. М. Солодухо [Солодухо 1977, 1982, 1989], Ю. П. Солодуба [Солодуб 1985], Л. К. Байрамовой [Байрамова 2004], Н. Н. Кирилловой [Кириллова 1986, 1991], А. В. Егорова [Егоров 2010, 2011]; лингвокультурологические исследования В. Н. Телия [Телия 1966, 1981, 1986, 1996, 1999], В. А. Масловой [Маслова 2001, 2004], М. Л. Ковшовой [Ковшова 1996, 2007, 2009, 2013], Д. Б. Гудкова [Гудков 1999, 2007], В. В. Красных [Красных 2002], В. В. Воробьева [Воробьев 2008]; работы по лексической семантике А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996, 1999, 2001, 2001а], Ю. Д. Апресяна

[Апресян 1974, 1995], Д. Н. Шмелёва [Шмелёв 1973], концептуальные и когнитивные исследования Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1991, 2004], Л. Б. Никитиной [Никитина 2006], Т. В. Леонтьевой [Леонтьева 2003, 2008], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф 2004; Лакофф, Джонсон 1990], Б. Л. Уорфа [Уорф 1960; Whorf 1956]; труды по лингвистической аксиологии В. И. Карасика [Карасик 2005], Г. А. Багаутдиновой [Багаутдинова 2007], С. В. Максимца [Максимец 2015]; работы по эмотивной лингвистике В. И. Шаховского [Шаховский 2008], Н. А. Красавского [Красавский 2008], Е. П. Ильина [Ильин 2008] и др. Опираясь на существующую научную литературу, мы стремились представить целостную картину феномена *человек* в языковедческих изысканиях и создать характеристику его образа во фразеологии разных культурных сообществ.

По результатам работы на защиту выносятся следующие **положения**:

1. Выявленный инвентарь ФЕ сопоставляемых языков, репрезентирующих рассматриваемые аспекты языкового образа человека, насчитывает **329** мансийских и **363** русских фразеологизмов.

2. Ядром фразеологии мансийского языка являются идиомы, к которым относятся фразеологические сращения и единства; фразеологические сочетания, отличающиеся друг от друга степенью семантической слитности входящих в их состав компонентов; фразеологические выражения номинативного характера. В качестве ФЕ мансийского языка рассмотрены устойчивые парные слова, устойчивые словосочетания с изобразительными словами, устойчивые сравнительные обороты.

3. Большая часть соответствий в мансийском и русском языках представлена безэквивалентными фразеологизмами (49,5%), являющимися, с точки зрения этнолингвистики и лингвокультурологии, знаками национальной культуры и одними из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Полными эквивалентами являются всего 2% фразеологизмов.

4. Одинаково характерным для рассматриваемых языков является метафорический перенос наименований различных объектов, явлений и предметов на человека.

5. Внутренние образы ФЕ мансийского и русского языков отражают способ мировосприятия в следующих базовых культурных кодах: а) антропного; б) биоморфного (зооморфного и фитоморфного); в) природного; г) артефактивного; д) соматического; е) временного; ж) пространственного; з) числового; и) гастрономического; к) цветового; л) мифологического; м) духовного, а также их разнообразных субкодов.

6. В сопоставляемых ФКМ наблюдается тематическое распределение ФЕ по трём обширным группам – *естественный мир*, *искусственный мир* и *мир общественный*, при этом в обоих языках отмечается преобладание ФЕ группы *естественный мир* (77,7% ФЕ в мансийском и 75% ФЕ в русском). В пределах ФЕ данной группы обнаруживается преобладание *соматических* ФЕ (61,1% в мансийском и 43,9% в русском). При этом их образы представлены как универсальным, так и уникальным набором соматических компонентов. Наиболее продуктивными в мансийском языке являются соматизмы *сым* ‘сердце’ (18,8%), *пунк* ‘голова’ (8,8%), *сам* ‘глаз’ (8,2%); в русском языке – *сердце* (8,8%), *голова* (8,5%), *душа* (5,6%). Повышенной продуктивностью в мансийском языке обладают ФЕ, содержащие компоненты *природного* кода культуры, в русском языке зоонимические, фитонимические ФЕ, фразеологизмы с компонентами артефактивного кода.

Апробация работы. Основные положения настоящего исследования опубликованы в двадцати статьях, в том числе, четыре статьи в журналах, входящих в перечень ведущих периодических изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, четыре статьи в изданиях, входящих в международную реферативную базу данных Web of Science, три статьи в научных журналах, входящих в систему цитирования Scopus. По результатам исследования изданы глава в коллективной монографии и картинный фразеологический словарь

мансийского языка. Общий объём опубликованных статей составляет 17,7 п. л.

Теоретические положения диссертации апробированы на научно-практических конференциях регионального, всероссийского, международного уровней: «Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера» (Ханты-Мансийск, 25 ноября 2016 г.), «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и дальнего Востока: традиции и инновации» (Ханты-Мансийск, 20 декабря 2016 г.), «Проблемы внедрения результатов инновационных разработок» (Стерлитамак, 21 сентября 2017 г.), «I Шесталовские чтения» (Ханты-Мансийск, 20–23 сентября 2017 г.), «XVIII Югорские чтения» (Ханты-Мансийск, 28 ноября 2019 г.), «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, 8–11 октября 2019 г.), «XIX Югорские чтения» (Ханты-Мансийск, 1 декабря 2020 г.), «II Шесталовские чтения» (Ханты-Мансийск, 20–24 июня 2021 г.), «Этнокультурное пространство Югры: опыт реализации проектов и перспективы развития» (Ханты-Мансийск, 28–29 марта 2021 г.).

Структура диссертации определена её целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений. Общий объём работы – 267 страниц, основной текст – 184 страницы.

Глава 1. ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая глава посвящена рассмотрению различных направлений в изучении интересующего нас языкового феномена: проводится обзор исследований фразеологизмов разносистемных языков в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах; рассматриваются антропоцентрический и аксиологический аспекты фразеологии; определяется понимание природы фразеологизма и его места в системе языковых знаков, обуславливающее отбор конкретного фразеологического материала; изучается понятие кода и субкода культуры и представляется их классификация; осуществляется когнитивно-культурологическая адаптация базовых для работы понятий: фразеологизм, межъязыковые фразеологические параллели (соответствия), антропоцентризм, аксиология, аксиологическая фразеологическая диада, код и субкод культуры и др.

1.1. Исследование фразеологических единиц разносистемных языков в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах

В предлагаемом параграфе даётся обзор актуальных научных работ по русской и финно-угорской фразеологии сопоставительного и не сопоставительного характера, посвящённых лингвокультурологическому и лингвокогнитивному направлениям исследования человека; характеризуются основные направления изучения человека в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике.

Отмечается, что фундаментальной в теории сопоставительного языкознания является категория *межъязыковой фразеологической эквивалентности*, в пределах которой следует рассматривать различные типы межъязыковой

эквивалентности. Анализируются традиционно выделяемые типы межъязыковой эквивалентности – *полные и частичные эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологизмы.*

1.1.1. Изучение фразеологических единиц в русском языке

Каждый язык обладает специфическими чертами и особенностями, отличающими его от других. Тем не менее любой из них обладает общими для всех или ряда языков свойствами, которые проявляются в родственных и неродственных, в языках одинаковой структуры и разноструктурных языках. Таким образом, научный интерес представляют исследования общего и специфического, особенно в языках различных систем. Основным элементом лингвистического сопоставления является выявление тождественных и различающихся признаков сравниваемых фактов языка, в том числе изучение фразеологизмов.

В отечественной лингвистике проделана большая работа по сопоставительному изучению фразеологии, в том числе, языков различных систем. Исследование вопросов сопоставительной фразеологии нашли отражение в трудах В. М. Мокиенко [Мокиенко 1989, 2005], Б. А. Ларина [Ларин 1956], А. Д. Райхштейна [Райхштейн 1979, 1980а, 1980б, 1982], И. А. Стернина [Стернин 1989, 2004, 2006], В. Г. Гака [Гак 1977, 1983], Д. О. Добровольского [Добровольский 1988, 1990, 1997, 1998, 2011], Ю. П. Солодуба [Солодуб 1985], Э. М. Солодухо [Солодухо 1977, 1982, 1989], Е. Ф. Арсентьевой [Арсентьева 1993, 2006], Л. К. Байрамовой [Байрамова 2004], Г. А. Багаутдиновой [Багаутдинова 2007], Н. Н. Кирилловой [Кириллова 1986, 1991], А. В. Егорова [Егоров 2010, 2011], Ю. А. Долгополова [Долгополов 1973], С. В. Максимца [Максимец 2015], У. К. Юсупова [Юсупов 1980] и мн. др.

На сегодняшний день опубликовано достаточное количество работ антропоцентрической направленности, представляющих интерес для данного

диссертационного исследования, в которых в качестве системообразующего элемента изучается *человек / образ человека / концепт «человек»* в различных ипостасях.

Для определения теоретико-методологической основы настоящей работы рассмотрим положения, разработанные в научных трудах по *сопоставительно-фразеологическому* направлению при описании образа человека.

Среди центральных направлений во фразеологических исследованиях выделяется сопоставительный аспект, предлагающий изучение фразеологии по семантическим группам, а также структурно-типологический, исследующий особенности формирования образов фразеологизмов в родственных и неродственных языках [Райхштейн 1979, 1980а, 1980б, 1982]. Сопоставление ФЕ двух или более языков считается большим потенциалом для раскрытия специфики их плана содержания, своеобразия внутренней формы и самобытной образности [Леонидова 1986].

На основании комплексного (лингвокогнитивного и лингвокультурологического) подхода к исследованию номинаций человека выделяются лексико-семантические блоки *человек – живое существо, внутренний мир человека, человек – социальное существо, человек в системе социальных отношений* [Катермина 2005: 11].

При исследовании универсального концепта «человек» в аспекте антропоцентризма и аксиологизма во фразеологических системах русского, английского и татарского языков «устанавливается парадигма универсальных и уникальных образов антропоцентрических ФЕ, определяются их культурные коды, вводится понятие аксиологической фразеологической диады» [Багаутдинова 2007: 10].

Опыт сопоставительного изучения фразеологизмов татарского и русского языков, относящихся к тематическому блоку «человек», отражён в работе Л. А. Мирсаетовой, выявляющей образно-мотивационные основы ФЕ, культурологические источники формирования их значения, общие,

универсальные и национально-маркированные черты, а также типы межъязыковых фразеологических параллелей [Мирсаевова 2004].

На основе структурно-семантического и антропоцентрического подходов при анализе фразеологизмов, входящих в семантическое поле *человек*, вырабатывается единый понятийно-терминологический аппарат, рассматриваются вопросы адекватного сопоставления языковых феноменов, а также, отмечается, что рассмотрение функционирующих в разнотипных и разнотипных, генетически неродственных языках ФЕ способствует объяснению особенностей мировосприятия народов и мотивов их поведения [Гайдарова 2010: 8].

Среди существующих в лингвистике основных подходов к изучению языкового человека как базисного концепта лингвокультуры предлагается анализ его представления в терминах *внутренний* и *внешний* человек, а также определение универсальных и специфических признаков исследуемых ЯКМ [Гергокова 2004: 4].

Результаты исследования экспрессивных имён и экспрессивных словосочетаний, характеризующих человека, на основе когнитивно-антропоцентрического и лексико-семантического подходов, отмечают роль этнопсихологического портрета народов, формирующегося под влиянием условий жизни, быта, исторических событий, климатических особенностей и др. [Анна 2021: 6].

На основе предлагаемой теории семантических соответствий Е. Ф. Арсентьевой выявляются типы и подтипы фразеологических эквивалентов и аналогов в английском и русском языках, рассматриваются возможные способы перевода безэквивалентных фразеологизмов [Арсентьева 1993: 17].

Детальное изучение семантических полей ФЕ, репрезентирующих состояния человека, выявляет общие закономерности процесса формирования и развития находящихся в диалектической взаимосвязи мышления и языка,

и специфические, обусловленные отсутствием между ними прямой зависимости [Хабибуллина 2010: 170].

В работе, посвящённой изучению ценностей русского и французского лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии языков, С. В. Максимец осуществляет исследование лингвистического инструментария, с помощью которого становится возможным извлечение аксиологической информации из их фразеологических фондов [Максимец 2015: 136].

В сопоставительном исследовании, посвящённом выявлению специфических и универсальных характеристик субстантивных ФЕ и сложных слов, репрезентирующих *характер* в английском и русском языках, анализируется их структурно-грамматическая организация и семантика, сопоставительный анализ их контекстуальных трансформаций, выявляются черты их сходства и различия, свидетельствующие как об общности интеллектуальных концептосфер, так и об уникальности изучаемых языков [Семушина 2004: 8–9].

Уточнению и развитию основных положений лингвокультурологического подхода способствуют результаты исследования концепта *женщина* по данным фразеологии русского и английского языков. В объективации концепта отмечается особая роль ФЕ, отражающих ценностные установки народа и транслирующих культурные стереотипы [Чибышева 2005: 5], что вносит вклад в поиски ответа на вопрос о том, как культура воплощается в языке, какую культурную информацию несут языковые единицы.

Стереотипы народного сознания отражены в исследовании по фразеологии английского, русского, татарского и таджикского языков антропоцентрической направленности, отмечается значительное сходство пословиц и поговорок языков на семантическом уровне [Сакаева 2009].

Лексико-семантический и лингвокультурологический подходы применены в отношении систематизации и описания соматических ФЕ калмыцкого языка и языка ойратов Китая. Отмечается, что ЯКМ формируется на принципах антропоморфности, поэтому представления об интеллектуальных и внутренних

свойствах человека, его эмоциях и чувствах отражаются посредством определённых частей его тела [Лиджиева 2021: 181].

В диссертационных работах, посвящённых изучению различных аспектов языкового образа человека русской ФКМ в сопоставлении с ФКМ неродственных языков, исследовались: сопоставительный этимолого-генетический анализ соматических ФЕ [Долгополов 1973], образные репрезентации внутреннего мира человека [Афанасьева 2006], аксиология концепта *возраст* в русской, британской и американской лингвокультурах [Любина 2006], концепт *старость* в русской и немецкой лингвокультурах [Блинова 2009], концепт *детство* в немецкой и русской лингвокультурах [Калюжная 2007], человек как объект фразеологической репрезентации в русском и китайском языках [Юй 2010], концепт *женщина* в русской и китайской ЯКМ [Лю 2010], ФЕ со значением *характер* человека в русском и китайском [Ли 2018], русском и вьетнамском языках [Динь 2001], соматические ФЕ английского и вьетнамского языков [Фам 2005] и др.

Представляется важным отметить ряд работ по изучению образа человека в русской ЯКМ не сопоставительного характера.

Исследование собирательного языкового образа-концепта «внешний человек» обобщает репрезентации носителей русского языка, воплощённые в вербальном и текстовом материале и является их лингво-антропологической моделью-интерпретацией. При описании образа-концепта, параметризуется и оценивается множество элементов его облика, отмечается, что восприятие внешности сопровождается национально-культурными коннотациями, проявляющимися в языках посредством своеобразия метафоризации, стереотипизации, оценивания [Коротун 2002].

Анализ этнолингвистической интерпретации поля *интеллект человека* демонстрирует, что оно отличается содержанием значительной доли образных слов, высоким уровнем экспрессивности, сохранением количественного преимущества за словами с *живой* мотивацией [Леонтьева 2003: 3]. Изучению

национально-культурного своеобразия ФЕ, описывающих интеллект и особенности его функционирования в различных контекстах, посвящены также работы, объектом которых являются языковые и речевые репрезентации интеллектуальных проявлений и характеристик человека [Мазаел 2014; Никитина 2006, 2013].

Обращение к вопросу отражения нравственности, обусловленной мировоззрением человека, осознанием им смысла жизни, выбором направлений деятельности осуществлено на материале фразеологических наименований нравственных качеств человека в русском языке [Николюкина 2007].

Комплексное исследование проблемы представления образа человека способствует выявлению уникальных фрагментов диалектной ЯКМ, обусловленных их региональной маркированностью, архаичностью, особенностью межкультурного диалога [Файзуллина 2017: 7].

Изучению языкового образа человека в разнообразных его сущностях посвящены диссертационные работы по исследованию человека в образных репрезентациях космической темы в русской ЯКМ [Фролова 2009], образа пожилого человека в русской ЯКМ [Салимьянова 2011], образа внутреннего человека в русской ЯКМ [Коськина 2004], концепта *возраст* в русской ЯКМ [Литвиненко 2006], соотношения образов частичного (частей) и целостного человека в русской ЯКМ [Седова 2000], языкового образа среднего человека в русской ЯКМ [Федяева 2003] и другие.

1.1.2. Изучение фразеологических единиц в финно-угорских языках

В предлагаемом параграфе акцент ставится на обзоре публикаций по паремиологии и фразеологии финно-угорских языков.

Исследование *прибалтийско-финской* фразеологии XX века, в частности, финской, связано непосредственно с собиранием и публикацией материалов, систематизированных преимущественно в рамках паремиологического фонда

в виде сборников пословиц и поговорок, структурированных по различным принципам и дополняемых комментариями и объяснениями, словарей крылатых выражений и ФЕ [Laukkanen, Hakamies 1984; Virkkunen 1974, 1981; Kari 1993, Kari 1993a; Kokko 2008; Храмцова 2012]. Изучение пословичных фондов прибалтийско-финских языков способствовало созданию международной системы пословичных типов [Kuusi 1972, 1985; Lauhakangas 2000, 2001].

На современном этапе изучается история финской фразеологии в контексте развития лексикографии, её теоретические и методологические проблемы [Егоров 2011; Храмцова 2011]; проводится сопоставительный анализ ФЕ в русском, финском и английском языках, обосновывается место финской фразеологии в системе других лингвистических наук, исследуются системные связи финских номинативных ФЕ [Petrova 2011: 40–43], на основании психолингвистического подхода исследуется идиоматика финского языка [Nenonen 2002, 2007].

К трудам по сопоставительной фразеологии относятся публикации по сравнению идиоматики немецкого и финского [Huvärinen 1992; Korhonen 1995a, 1995b, 2007], английского и финского [Penttilä 2011], финского и русского языков [Hakamies 1986; Храмцова 2011, 2012], финской и марийской зоосемической фразеологии [Соколова 2015].

В истории изучения *эстонской* фразеологии впервые в финно-угорском языкознании был введён термин *соматический* при анализе структурно-семантических и грамматических особенностей ФЕ эстонского языка [Вакк 1964].

Анализу эстонских пословиц и поговорок посвящены труды по исследованию их межъязыковой эквивалентности с привлечением материала других, в том числе, финно-угорских языков [Krikmann 2001a].

Весомый вклад в развитие эстонской сопоставительной фразеологии и паремиологии внесён систематизирующими фразеологизмы словарями: «Немецко-эстонский словарь фразеологизмов и выражений» [Liiv, Haberman, Paivel 1973], «Избранные русские фразеологизмы с эстонскими соответствиями» [Reitsak 1975], «Англо-эстонский идиоматический словарь» [Hanko, Liiv 1998],

«Фразеологический словарь» [Õim 1993].

В некоторых работах по финно-угорской лингвистике кратко изложена история изучения фразеологии ряда прибалтийско-финских (ижорского, вепсского, карельского, ливского, водского) языков [Kuusi 1972, 1985; Nakamies 1986; Lauhakangas 2000, 2001; Krikmann 2001, 2001a; Глухова 2009]. Лексикографические сборники, содержащие фразеологический и паремиологический материалы данных языков, представлены единичными изданиями [Федотова 2000, 2001]. Семантическая и грамматическая структуры ФЕ исследованы в монографии П. Федотовой по карельской диалектной фразеологии [Федотова 1977].

Среди публикаций по сопоставительной финно-угорской фразеологии необходимо отметить труды О. Б. Ткаченко, объектом исследования которого являются типологически общие с неславянскими (в том числе, финно-угорскими) наиболее устойчивые ФЕ славянских языков [Ткаченко 1976, 1979].

В первой комплексной работе по мордовской фразеологии анализируются структурно-семантические особенности мокшанских и эрзянских ФЕ [Ширманкина 1970].

В сопоставительном аспекте исследуются финно-угорская лексика в мордовских и прибалтийско-финских [Мосин 1985], диалектная фразеология русских говоров Мордовии [Человек и его мир 2015], соматические ФЕ немецкого и эрзянского языков [Денисова 2003].

Богатейший пласт устойчивых сочетаний и выражений, употребляющихся в литературных языках, представлен во «Фразеологическом словаре мордовских (мокша и эрзя) языков» [1973], «Фразеологическом словаре эрзянского языка» [1998] Р. С. Ширманкиной, сборнике мордовских пословиц, присловиц и поговорок К. Т. Самородова [1986], «Фразеологическом словаре мокшанского языка» Н. А. Кулаковой, В. Ф. Рогожиной [2013], сборнике эрзя-мордовских идиом под редакцией Мартти Кахла [2010] и др.

В последнее время в мордовском языкознании появляются статьи, в которых на материале диалектной речи рассматриваются отдельные семантические группы ФЕ [Рогожина 2013], структурно-семантические особенности именных ФЕ в шокшанском диалекте эрзянского языка [Натуральнова 2019].

Несколько более разработана фразеология *марийского* языка. В середине XX века на основе семантического и контекстуального видов анализа производится первая систематизация ФЕ, выделяются их классы и группы [Васильев 1948].

Посредством корректно подобранных методов и приёмов исследования марийской фразеологии установлены её границы, определены основные понятия, сформулированы основополагающие принципы систематизации, описаны семантические и структурные характеристики ФЕ [Грачёва 1977; Якимова 1975].

В частности на основе использования методов семантических исследований изучаются особенности марийских ФЕ, анализируются их вариативность и многозначность, определяются основные источники пополнения языка устойчивыми словосочетаниями, рассматриваются заимствованные ФЕ с определением их этимологии и роли в обогащении фразеологического фонда языка [Грачёва 1977].

В результате комплексного изучения лексико-семантической группы ФЕ марийского языка с соматическим компонентом было получено подробное аналитическое описание как их отдельных компонентов, так и целостно-переосмысленных комплексов. Установлено, что для соматических ФЕ характерным является переносно-образное значение, возникающее на основе наблюдения человека над самим собой и поведением животных [Якимова 1975].

Сопоставительному исследованию паремиологии марийского языка посвящены труды выдающегося фольклориста А. Е. Китикова [Китиков 1989, 2004]. В его монографии с целью установления исторического развития малых жанров изучается фольклор мари, мордвы, коми и удмуртов [Китиков 1989].

Морфологический и структурный анализ паремий марийского языка в синхронном плане с целью определения их языкового статуса на основе метода сопоставительного анализа проводится Э. Н. Лебедевой [Лебедева 1995]. Анализ системы национальных ценностей финно-угорских народов на паремиологическом материале осуществлён Н. Н. Глуховой [Глухова 2009]. Результаты проведённого исследования свидетельствуют, что главными ценностями народов являются труд, знание и этика, на основании чего устанавливается единство суперэтноса.

С позиций лексико-грамматической соотнесённости описываются типы ФЕ марийского языка, устанавливаются различные характерные виды их сочетаемости, определяются критерии фразеологичности, на основании культурно-исторического и лингвогенетического подходов определяются источники возникновения ФЕ, рассматриваются способы функционирования фразеологической полисемии [Барцева 1997, 2000]; впервые в марийской фразеологии подвергаются анализу синтаксические ФЕ [Абукаева 2005: 3].

Среди исследований лингвокультурологического и лингвокогнитивного характера опубликованы работы по сопоставительному изучению структурно-семантической характеристики зоосемических ФЕ финского и марийского языков [Соколова 2015]; ФЕ с компонентом *голова* в марийском, русском и английском языках с целью определения их семантической структуры, разделения на тематические группы, выявления внутренней формы [Фокина 2016]; ФЕ, репрезентирующих концепт *семья* в ЯКМ мари [Казыро 2013], его метафорических моделей в паремиологии мари и финнов [Яковлева, Казыро 2014].

Начало теоретической разработки *удмуртской* фразеологии положено К. Н. Дзюиной, изложившей основные положения и понятия фразеологии [Дзюина 1967]. В первом комплексном исследовании, посвящённом удмуртской фразеологии, изучаются источники происхождения ФЕ, подвергаются анализу

семантические и структурно-грамматические аспекты функционирования [Лесникова 1994].

Теоретические основы фразеологии детально разработаны И. В. Таракановым [Тараканов 1971, 1992]. Помимо изучения особенностей ФЕ исследователем выявляется их грамматический состав с выделением восьми их различных групп.

Сопоставительному анализу посвящены отдельные вопросы по исследованию типологии ФЕ русского и удмуртского языков [Осипов 1994, 1995], средствам образного выражения [Дзюина 1996], исследованию специфики русской и удмуртской ЯКМ по данным фразеологии [Зверева 1999], представление эмоций во ФКМ русского и удмуртского языков [Зверева 2002, 2002а], анализу соматической фразеологии [Хайдарова 1997, 1998]. В работах А. В. Егорова анализируется многообразие соматических элементов в структуре ФЕ, все их возможные структурные и лексико-грамматические типы [Егоров 2010, 2011].

Богатый и разнообразный материал по различным жанрам удмуртского фольклора (фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы) представлен в «Кратком удмуртско-русском фразеологическом словаре» [Дзюина 1967], сборнике «Удмуртский фольклор» [Перевозчикова 1987], «Удмуртско-русском словаре синонимов» [Вахрушев 1995], «Удмуртско-венгерском словаре» [Kozmács 2002], сборнике «Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужъюрттос» [Лесникова 2003], «Удмуртско-русском словаре» [Удмуртско-русский словарь 2008], сборнике «Удмурт синоним кыллюкам» [Кельмаков 2009] и др.

В *коми-пермяцкой* фразеологии, основываясь на принципах ранее предложенной классификации ФЕ, впервые описывается их лексический состав, семантика, грамматическая структура, намечаются тенденции последующих исследований [Кривощёкова-Гантман 1962].

Изложению основных положений фразеологической системы коми языка, анализу семантики, этимологии ФЕ, диалектной соматической фразеологии

посвящены публикации А. Н. Кармановой [Карманова 1979, 1985]. С точки зрения системных свойств и признаков, структуры ФЕ коми-пермяцкого языка производится их систематизация, выявляются источники пополнения ФКМ [Гагарина 1999].

Достаточно полный объём паремий и идиом коми-пермяцкого языка опубликован в «Кратком коми-русском фразеологическом словаре» И. И. Тарабукина [1959], «Коми-пермяцко-русском словаре» Р. М. Баталовой и А. С. Кривощёковой-Гантман [1985]. Значительное количество коми ФЕ с примерами их контекстуального использования систематизировано в словаре Ф. В. Плесовского [Плесовский 1986]. На сегодняшний день наиболее разработанным является «Коми-пермяцкий фразеологический словарь» О. А. Поповой (Гагариной) [Попова 2010].

Наиболее выдающимися трудами по фразеологии *венгерского* языка являются работы О. Нады по изучению истории исследований венгерских ФЕ [Nagy 1977], поговорок и пословиц [Nagy 1999], происхождения идиом [Nagy 1979].

Весомым вкладом в венгерскую фразеологию последних десятилетий стали труды по исследованию грамматической структуры ФЕ [Zékány 1975], фразеологии с точки зрения грамматики и стилистики [Hadvics 1995], когнитивных метафор [Kövecses 2005], коммуникативных ФЕ с точки зрения их межъязыковой семантической эквивалентности [Krikmann 2001a], а также труды по составлению словарей паремий и идиом [Paczolay 1987, 1987a, 1997; Szemerényi 2009; Litovkina 2005; Bárdosi 2004; Újváry 2001].

Работы сопоставительного характера представлены трудами по исследованию межъязыковой фразеологической полисемии и омонимии в русско-венгерской фразеологии [Дьёрке 1991, 1991a], сопоставлению немецкой и венгерской фразеологии [Hessky 1985], безэквивалентной лексики в русских и венгерских ФЕ [Миски 1997], сравнению ФЕ венгерского, немецкого и русского

[Földes 1987, 1987a; Фёльдеш 1985], сербскохорватского и венгерского [Somhegyi 1994], голландско-фламандского и венгерского языков [Mollay 1994] и др.

Семантический и лингвострановедческий анализ русских и венгерских соматических ФЕ с целью выявления их национальной специфики проводился Т. Чэтэ [Чэтэ 1999]. А. Дэнги, анализируя русские и венгерские ФЕ с анималистическим компонентом, приводит доказательства, что на уровне фразеологии языки обладают фондом общих устойчивых выражений [Дэнги 2002]. Сопоставительному изучению удмуртской и венгерской соматической фразеологии посвящена диссертация А. В. Егорова [Егоров 2010, 2011].

Фразеология *обско-угорских* языков по сей день остаётся малоизученной и до настоящего времени не нашла комплексного освещения в научной литературе.

Исследования по *хантыйской* фразеологии, представленные рядом работ статейного характера, посвящены анализу соматической и диалектной фразеологии и семантики ФЕ [Соловар 1997, 1999, 2001, 2009, 2013, 2014, 2015, 2017; Сязи 2008, 2008а; Серасхова 2007, 2010, 2013; Каксин 2010, 2011, 2011а, 2011б; Рябчикова 2008], номинаций человека [Молданова 2011], исследованию зоонимической фразеологии [Серасхова 2007, 2010, 2013], фразеологии самодийских и обско-угорских языков в диахроническом аспекте [Кузнецова 2001], национально-культурной специфики ФЕ хантыйского языка [Миляхова 2013], описанию научных исследований в области фразеологии хантыйского языка [Возелова 2017].

В 2011 г. опубликован словарь образных слов и выражений на материале казымского и шурышкарского диалектов хантыйского языка [Рябчикова, Рачинская 2011].

Наиболее выдающейся фигурой *мансийского* языкознания является финно-угровед Е. И. Ромбандеева, являющаяся автором множества фундаментальных для мансийского языка трудов [Ромбандеева 1973, 1979, 1982, 1989, 1993, 1995, 2005, 2017, 2017а, 2017б]. Опубликованные ею фольклорные и этнографические

издания стали источниками для выборки некоторого количества устойчивых выражений [Ромбандеева 2005, 2010, 2010а, 2012, 2016].

Первые попытки сопоставительного изучения русско-мансийских фразеологических соответствий были предприняты Д. В. Герасимовой в соавторстве с Н. В. Богдановской [Герасимова Д. В. 1997; Герасимова Д. В., Богдановская 1999, 2001, 2001а]. Сопоставительный анализ ФЕ мансийского и коми языков с компонентом-зоонимом осуществлён М. С. Дежуровой и В. С. Ивановой [Дежурова, Иванова 2015]. В течение последних лет автором исследования опубликован ряд статей по исследованию мансийской ФКМ, образа «внутреннего» и «внешнего» человека, сопоставительному анализу антропоцентрических ФЕ мансийского, русского, хантыйского языков.

Обзор научной литературы показал, что по сравнению с другими языками, в том числе, финно-угорскими, фразеология мансийского языка отличается слабой изученностью, существует необходимость ставить и решать задачи, связанные с лексической семантикой языковых единиц.

1.1.3. Категория межъязыковой фразеологической эквивалентности

В теории сопоставительно-типологического языкознания фундаментальной является категория *межъязыковой фразеологической эквивалентности* (МФЭ). Основным её признаком применительно к многоязычному сопоставительно-типологическому анализу считается совпадение содержательной стороны соотносимых фразеологизмов [Солодухо 1977, 1982, 1989].

Одной из задач сравнительного изучения фразеологии является разработка общих параметров, с помощью которых ФЕ разных языков могут быть осмысленно сопоставлены или противопоставлены [Добровольский 2011: 242–243].

Дискуссионным вопросом сопоставительного анализа на протяжении долгого периода оставалась классификация и описание типов МЭФ [Солодухо

1977, 1982, 1989; Райхштейн 1979, 1980, 1980a; Mellado Blanco 2007; Арсентьева 1993, 2006; Добровольский 1990, 2008, 2011, 2013; Dobrovol'skij 1999, 1988; Korhonen 2007, 1995, 1995a]. В контексте задач, ориентированных на сопоставление фразеологических систем, в данной работе мы ограничимся рассмотрением четырёх традиционно выделяемых типов МЭФ: полные и частичные эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологизмы [Добровольский 2011: 221].

Полные эквиваленты – идентичные с точки зрения актуального значения, внутренней формы, лексической и синтаксической структуры фразеологизмы, например:

манс. *сōрниң сым* ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’, рус. *золотое сердце*,

манс. *сōвыр сым* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: заячье сердце)’, рус. *заячье сердце*.

В некоторых полных эквивалентах допускается незначительное морфологическое и лексическое варьирование, не оказывающее влияние на переносное значение ФЕ, например: манс. *акв ѓвлэ сѓил сульги* ‘старый человек (букв.: с одного конца песок сыплется)’ *заим.*, *нѓлѓныл ѓлаль ат кѓсалы* ‘глупый, недалновидный человек (букв.: от носа=своего дальше не видит)’, рус. *песок сыпется (сыплется), не видит дальше своего носа*. Встречаются также различия в выборе глагольного компонента между ФЕ: манс. *нѓлме тув тосас (янтыс)* ‘онемел (от страха) (кто-либо) (букв.: язык=его высох)’ – рус. *язык отсох*; манс. *сыме хаңра паттан хояс* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его пяток коснулось)’ – рус. *сердце в пятки ушло*.

Частичные эквиваленты – это ФЕ, значения которых практически совпадают, а лексический состав и образные основы различаются, например:

манс. *тѐлп аю҅кве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: кровь пить)’,
рус. *высасывать кровь*,

манс. *вѝльттѧл патыс* ‘лица нет (у кого-либо) (от страха, потрясения)
(букв.: безликим стал)’, рус. *лица нет*,

манс. *пасан ёлы-пѧлт и҅ ѓми* ‘ребёнок маленького возраста (букв.:
под столом ещё ходит)’ *заим.*, рус. *под стол пешком ходит*,

манс. (*аквтоп*) *мѐт лѧглѧтыл нѐх-лѧлис* ‘проснулся не в духе (кто-либо)
(букв.: (будто) другой ногой вверх встал)’ *заим.*, рус. *вставать не с той ноги*
и др.

Следовательно при частичной эквивалентности сравниваемые ФЕ обладают существенным, но не полным сходством в лексическом составе и синтаксической структуре.

Фразеологические аналоги имеют сходное смысловое значение, но различаются по внутренней форме:

манс. *тѐсам пѐсь* ‘худой, тощий, костлявый человек (букв.: высохшее бедро)’, рус. *живой (ходячий) скелет*,

манс. *тѧтыл тѐр пѧт* ‘глупый, тупой человек (букв.: пустой железный котёл)’, рус. *дубина стоеросовая*,

манс. *лув хурип* ‘здоровый, крепкий человек (букв.: лошади подобный)’,
рус. *здоров как бык* и др.

Фразеологические аналоги являются сходными семантически, но формально (по лексическому составу, синтаксической структуре) различными.

Безэквивалентными являются ФЕ, не имеющие фразеологических соответствий в другом языке. Мансийская идиома *тот та хуи* (букв.: вон там лежит) в значении ‘ничего не получишь, не рассчитывай что-либо получить’ как насмешливо-иронический отказ дать или сделать что-либо или идиома *мол тѧлы* (букв.: вчера зимой), употребляемая в качестве отвязки от разговора, не имеют

эквиваленты в русском языке, так же как в мансийском не существует эквивалентов фразеологизмам *бить баклуши*, *попасть впросак*.

Описание ФЕ, основанное на данной классификации (полные и частичные эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологизмы), даёт представление о совпадениях и различиях в номинационных возможностях ФЕ мансийского и русского языков.

Таким образом, среди множества подходов к изучению фразеологии в разносистемных русском и финно-угорских языках в своём исследовании ввиду фрагментарного характера изученности фразеологии мансийского языка, отсутствия понятийно-терминологического аппарата, подходов к определению и пониманию фразеологии и фразеологизма, размытостью границ паремиологии и фразеологии, мы руководствуемся комплексным (лингвокультурологическим и лингвокогнитологическим) подходом, позволяющим проводить адекватное сопоставительное исследование фразеологических репрезентаций, семантически ориентированных на человека. Применение подхода, основанного на фундаментальной в теории сопоставительного языкознания категории МФЭ, позволяет выявить различные типы межъязыковой эквивалентности, что даёт представление о совпадениях и различиях в номинационных возможностях ФЕ сопоставляемых языков.

1.2. Антропоцентрический и аксиологический аспекты фразеологии⁴

В лингвистике второй половины XX в. на месте системно-структурной парадигмы возникает парадигма антропоцентрическая, возвратившая переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект.

---

⁴ В данном параграфе частично использованы материалы автора диссертации из статьи: Динисламова О. Ю. Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии мансийского и русского языков (на примере фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств человека) // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8. – №2. – С. 229–248. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/dinislamova_o._yu_0.pdf.

Лингвистическая парадигма сегодняшнего дня ориентирована на человека как *homo loquens* и *homo lingualis*, что активизирует исследование человеческого фактора [Гумбольдт 1985: 230] в языке.

Идея создания науки о языке на антропологических началах была выдвинута Вильгельмом фон Гумбольдтом. Учение основано на принципах антропологизма и по-прежнему актуально в сфере философии языка, лингвокультурологии, лингвоэтнологии, лингвосоциология и других направлений.

Языковеды долгое время изучали *человека молчавшего*, тогда как необходимо было комплексное изучение *говорящего человека* [Волошин 2006: 20]. По выражению Е. С. Кубряковой, антропоцентризм, относимый к числу приоритетных принципов научного исследования, во всех теоретических предпосылках указывает на направленность поставить человека во главу угла [Кубрякова 1991: 57], так как он не просто вовлечён в анализ тех или иных явлений, но и определяет конечные цели и перспективы такого анализа.

Фундаментальные изыскания, заложившие основу антропоцентрической парадигмы в лингвистической науке отражены в трудах Э. Сепира [Сепир 1993], Б. Л. Уорфа [Whorf 1956; Уорф 1960] по теории лингвистической относительности, а также Ю. С. Степанова [Степанов 1997], А. А. Потебни [Потебня 2000] и мн. др.

В русле антропологической тенденции проводились исследования, объединяющие этнографический, культурологический и лингвистический подходы для выявления механизмов взаимодействия таких фундаментальных систем, как язык, сознание, культура, коммуникация, национальный менталитет и т. п. Результатом данных процессов в современной лингвистике в рамках антропоцентризма явилось выделение двух основных формирующихся направлений – *лингвокультурологии* и *когнитивной лингвистики*.

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры, выражающий менталитет нации, то, как культура народа отражается в его языке

[Маслова 2001: 8]. Предметом исследования лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели образно-метафорическое, эталонное, символическое значение в культуре в виде прототипов и архетипов в ФЕ, метафорах, паремиях и т. п.

Когнитивная лингвистика, изучая проблему взаимосвязи языка и сознания; роль сознания в концептуализации и категоризации окружающего мира, отвечает на вопрос «как организовано сознание человека, как он постигает и познаёт мир» [Маслова 2004: 8].

Проблема антропоцентризма является одной из актуальных и обсуждаемых в современной фразеологии, что связано с неразгаданностью природы фразеологического значения и характеристик его когнитивного прототипа, постоянными обновлениями формы и смысла ФЕ.

Фразеология способствует проникновению во внутренний мир человека, выявляя его нравственные и культурные ценности, особенности национального характера и менталитета. Антропоцентрическую сущность фразеологии можно проследить на примерах представлений человека об эмоциях и чувствах, качествах личности, отношениях к людям и между людьми, интеллектуальной деятельности, например:

манс. *самаге тэгыг-аёг* ‘злобно, с яростью смотрит (кто-либо) (букв.: глаза=его едят-пьют)’, *сыме вóйт поварáлы* ‘радостно, приятно на душе (у кого-либо) (букв.: сердце=его в масле валяется (перекатывается)’ – рус. *пожирать глазами, как (будто, словно, точно) маслом по сердцу*;

манс. *исхоретыл пилы* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: тени=своей боится)’, *тйврет сыстам виткве ови* ‘искренний, чистый человек (букв.: во внутренностях=его чистая водичка течёт)’ – рус. *бояться собственной тени, чист душою (сердцем)*;

манс. *тāн хартуңкве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: сухожилия тянуть)’, *тēлп аюңкве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: кровь пить)’ – рус. *подставлять плечо, (тянуть) вытягивать все жилы, пить (сосать) кровь;*

манс. *нēлэныл элалъ ат кāsалы* ‘недальновидный, глупый человек (букв.: носа=своего дальше не видит)’ – рус. *в детстве мамка ушибла, не видит дальше своего носа.*

Очевидно, что различные аспекты человеческого бытия, будучи репрезентированными ФЕ, воспринимаются исключительно через собственную перцепцию и индивидуальный опыт постижения мира.

Благодаря антропоцентрической модели восприятия окружающего мира расширяется сфера понятия, а зрительный образ придаёт ему дополнительные качества и характеристики. Формирование таких моделей во многом обусловлено наличием соматических фразеологизмов (СФЕ), в составе которых есть указания на различные части тела, например: манс. *пуңкпāлум рāты* ‘предчувствует (кто-либо что-либо) (букв.: половина головы=его стучит (к чему-то)’, *нēл хосыт унлуңкве* ‘сидеть без дела (букв.: по длине носа сидеть)’, *пап наскāссыг консуңкве* ‘врать, лгать, обманывать (букв.: зад понапрасну чесать)’, *кāтаге хосаг* ‘вор (букв.: руки=его длинные)’, *кāтаге ури* ‘лентяй, бездельник (букв.: руки охраняет)’, *сяр кātтāл* ‘неуклюжий, неосторожный человек (букв.: совсем без рук)’, *пуныл иң ат нēглыма* ‘юный, неопытный молодой человек (букв.: шерсть=его ещё не появилась)’, *нēл ёлы-пāлэ иңыт туситаве* ‘юный, неопытный молодой человек (букв.: под носом=его ещё не выросла борода)’, *яныг тур* ‘крикливый, громкоголосый человек (букв.: большое горло)’, *тāрс пуңк* ‘плешивый, редковолосый человек (букв.: редкая голова)’, *супың-нēлмың хōтпа* ‘разговорчивый, словоохотливый человек (букв.: со ртом-языком человек)’ и др.; рус. *вытаращить глаза, расти в глазах, кипит на сердце, пышное тело,*

краска бросилась в лицо, иметь зуб, водить за нос, трепать нервы, язык отнялся, худая голова, стоять над душой и др.

Принцип *человек в языке* в изучении фразеологии привёл к развитию в языкознании нового направления – *антропоцентрической фразеологии* [Багаутдинова 2007: 7], одной из «задач которой является исследование соотношения лингвистических и экстралингвистических смыслов ФЕ» [Алефиренко 2005а: 67].

Закономерным дополнением и продолжением антропоцентрического подхода к изучению репрезентаций человека во фразеологии является *аксиологический* подход, поскольку изучение отражённых во фразеологии базовых ценностей представляется перспективным для понимания сущности языка и совершенствования межкультурной коммуникации [Багаутдинова 2007: 8].

«*Аксиология* – «философское учение о природе ценностей, их месте в реальности, структуре ценностного мира»⁵, которая занимается изучением положительной, отрицательной или нейтральной значимости объектов А. А. Ивин в качестве выделяет ценности научного познания, исторические, социальные, морально-правовые и ценности, связанные с природой человека и смыслом его жизни [Ивин 2006: 3].

С развитием науки возникла *аксиологическая лингвистика* [Аксиологическая лингвистика 2002; Аксиологическая лингвистика 2005; Картины русского мира: аксиология в языке и тексте 2005; Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов 2011; Байрамова 1999; Макейчик 2004] как направление языкознания, имеющее своей целью изучение представлений о ценностях сквозь призму языка. Интерес к проблеме ценностей нашёл отражение в трудах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1984], Л. К. Байрамовой [Байрамова 1999, 2006], Г. А. Багаутдиновой [Багаутдинова

---

⁵ Аксио- и гносеологические аспекты рекламного дискурса – Интенциональность речевого поведения (bstudy.net) (дата обращения: 11.01.2021).

2007], С. В. Максимца [Максимец 2015],], Ю. Д. Апресяна [Апресян Ю. Д. 1995], А. А. Ивина [Ивин 2006], А. А. Макейчика [Макейчик 2004], Н. Г. Комлева [Комлев 1981], Е. В. Бабаевой [Бабаева 2004], Н. Н. Глуховой [Глухова 2009], И. М. Любиной [Любина 2006] и др.

В рамках аксиологии необходимо различать понятия *ценность* и *оценка*. Первое понятие определяется как важность, значение [Ожегов, Шведова 1999: 873], второе – как «мнение о ценности, уровне или значении кого-чего-нибудь» [Там же: 486].

Для фразеологии свойственны частно-оценочные значения, которые могут быть представлены следующим образом:

1) *эмотивная оценка*: а) негативная: манс. *ЭССЫРМАЛ ПИНВЕС* ‘застыдился (кто-либо) (букв.: стыд положили)’, *ВОСЬРАМЕ НАС ПАСГИ* ‘свирепствует, неистовствует (кто-либо) (букв.: желчь=его так и капает)’; рус. *сгорать со стыда, опалиться гневом*; б) позитивная: манс. *СЯГТЫҢ КАТЫН-ЛАГЛЫН ПАТУҢКВЕ* ‘обрадоваться (букв.: с радостными руками-ногами стать)’, *СЫМЕ ЁМАСЫГ (КУПНИТЫГ) ЁМТЫС* ‘успокоился, почувствовал лёгкость (кто-либо) (букв.: сердце=его хорошим (лёгким) стало)’; рус. *сиять как начищенный самовар, быть вне себя от радости*;

2) *этическая оценка*: а) негативная: манс. *ПОЛЯМ СЫМ* ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: холодное сердце)’, *ЛАГЫЛ НЁЛ ТАЛЬХЫЛ ЁЛ ВАҢКЛАСАПТУҢКВЕ ВЁРМИ* ‘подлый человек (букв.: ноги кончиком носка уронить может)’; рус. *иродова душа, собака на сене*; б) позитивная: манс. *ЛАТЫҢ МУС ОЛЫ* ‘безотказный человек (букв.: до начала слова живёт)’, *КАМИНЬТ СЫМ* ‘1) добрый, уступчивый человек; 2) ранимый человек (букв.: мягкое сердце)’; рус. *золотой человек, душа нараспашку*;

3) *интеллектуальная (эпистемическая) оценка*: а) негативная: манс. *ПУҢКТАЛ АЛН* ‘глупый человек (букв.: безголовый таймень)’, *МАНЬ НЯВРАМЫГ*

ĒМТЫС ‘потерял рассудок (от старости) (букв.: маленьким ребёнком стал)’; рус. *мякинная голова, выживать (выжить) из памяти*; б) позитивная: манс. *ПОСЫҢ НОМТ* ‘умный человек (букв.: светлый ум)’, *ПУҢКЕН ТĀРА ПАТЫ* ‘умный, сообразительный (букв.: в голову=его сразу падает)’; рус. *цепкий ум, котелок варит*;

4) *нормативная (деонтическая) оценка*: а) негативная: манс. *ОССАМЫГ ВĀРХАТУҢКВЕ* ‘1) придуриваться; 2) дурачиться, делать глупости (букв.: глупым делаться (притворяться)’, *НЯЛЫҢ ПУКИ* ‘обжора (букв.: ненасытный живот)’; рус. *валять дурака, бездонная бочка*; б) позитивная: манс. *ЛĀТҢЕ ХҮЛ ХОЛЫТ ЁҢГИ* ‘человек, обладающий даром красноречия (букв.: слово=его рыбе подобно играет)’, *ТАКВИ ЁРЫЛ ОЛЫ* ‘самостоятельный человек (букв.: со своей силой живёт)’; рус. *расти в глазах, без сучка, без задоринки*;

5) *квалификативная (качественная / количественная) оценка*: а) качественная негативная: манс. *ИСХОРЕТЫЛ ПИЛЫ* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: тени=своей боится)’, *ТЭПЫҢ ТАКУМ ХУРИПА* ‘толстый, упитанный человек (букв.: на откормленную вошь похожий)’; рус. *ни рыба ни мясо, лопается с жиру*; б) качественная позитивная: манс. *МУҢТ ТЭМ ПУЛЭ ТĀРА НĀҢКИ* ‘стройный, статный человек (букв.: недавно съеденный кусочек насквозь просвечивает)’, *НАПАР ХОЛЫТ СЯЛТСЫ (ЁҢХИ)* ‘шустрый, подвижный человек (букв.: как сверло сверлит (крутится)’; рус. *стреляный воробей, кровь с молоком*; в) количественная негативная: манс. *СĀЛЫ СЁР ЯНЫТ* ‘крайне мало чего-либо (букв.: в количестве одной оленьей фекалии)’; рус. *с гилькин нос, как кот заплакал*; г) количественная позитивная: манс. *ПĀҢК ХОЛЫТ ОВИ* ‘очень много кого-либо (букв.: как грязь течёт)’; рус. *хоть пруд пруди, хоть отбавляй, как грязи*.

Большая часть ФЕ, обладая оценочностью, не всегда передаёт ценностную информацию. Экспликацию универсальных (общекультурных) и уникальных

(национально-культурных) ценностей актуализирует вторая грань аксиологического аспекта.

Под *общекультурными* понимаются ценности, которые существуют у преобладающего числа лингвокультурных сообществ или конкретных этносов. Л. К. Байрамова [Байрамова 2006] и Г. А. Багаутдинова [Багаутдинова 2005, 2006] ввели понятие *аксиологической фразеологической диады*, которое может заполняться ФЕ разных языков [Багаутдинова 2007: 199].

Ценности и антиценности могут рассматриваться на различных уровнях: внутреннем, внешнем, когнитивном, эмоциональном и т. д. Примерами подобных диад служат:

красота – безобразие: манс. *аквтоп п̄слувес* ‘красивый человек (букв.: будто нарисовали)’, рус. *не налюбуйся* – манс. *сунсуңкве пыл ат х̄йхаты* ‘некрасивый человек (букв.: смотреть даже не годится)’, рус. *глядеть (смотреть) не на что*;

здоровье – болезнь: манс. *ханлпаттаге я̄ге ђньсям хуритѐнтыл* ‘здоровый, целый, невредимый человек (букв.: подмышки=его в том же виде, как и при отце=его были)’, рус. *дышит (нышет) здоровьем* – манс. *туп самаге х̄льтсы̄г* ‘тощий, болезненный человек (букв.: только глаза остались)’, рус. *одна тень осталась*;

доброта – злоба: манс. *сыме р̄гың-посың* ‘добрый (букв.: сердце=его тёплое-светлое)’, рус. *добрая душа* – манс. *с̄мыл вильтуп* ‘злой человек, злодей (букв.: чёрное лицо имеющий)’, рус. *каменное сердце*;

радость – печаль: манс. *товлыңыг ѐмтыс* ‘обрадовался, стал счастливым (кто-либо) (букв.: крылатым стал)’, рус. *быть на седьмом небе* – манс. *сыме сома касил яктаве* ‘переживает, печалится, горюет (кто-либо) (букв.: сердце=его будто ножом режут)’, рус. *скребут (скребутся) на душе (на сердце)*;

ум – глупость: манс. *САМЫҢ-ПАЛИҢ* ‘умный, смышлённый человек (букв.: глазастый-ушастый)’, рус. *семи пядей во лбу* – манс. *СИСЬКУРЕК ПУҢК* ‘глупый человек (букв.: куриная голова)’, рус. *винтиков в голове не хватает*;

жизнь – смерть: манс. *САМЫН ПАТЫС* ‘родился (кто-либо) (букв.: на глаза попал)’, рус. *появился на свет* – манс. *ЁЛ АКВАГ ТА ОЙВЕС* ‘умер (букв.: вниз навсегда заснул)’, *АТИМЫГ ЁМТЫС* ‘умер (кто-либо) (букв.: ничем (никем) стал)’, *САМ ТА ПАЛН ПАТЫС* ‘умер (кто-либо) (букв.: на ту сторону глаз попал)’, *МОТ МА̄ НУПЫЛ МИНАС* ‘умер (кто-либо) (букв.: в сторону иного места ушёл)’, рус. *испустил дух, склеил ласты*.

Национально-культурные ценности понимаются как значительные реалии общества в рамках одной народности. К примеру, в мансийской и русской фразеологии актуализируются следующие ценности: доброта, гостеприимство, радушие, отзывчивость, трудолюбие и т. д. В то же время для мансийского лингвокультурного сообщества характерны такие ценности, как мастерство, ловкость, сноровка, проворство в труде, а также доверчивость, наивность и простодушие в отношениях с людьми. Русскому человеку, в свою очередь, присущи щедрость, великодушие, открытость, искренность.

Таким образом, общепризнанной в современной считается идея антропоцентричности, когда в качестве естественной точки отсчёта выступает человек как создатель языковых единиц в общем и фразеологизмов в частности, а также как творец новых речевых фразеологических форм, автор обновлённой фразеологической семантики.

Настоящее сопоставительное исследование фразеологии, проводимое в рамках антропоцентрического и аксиологического подходов в нескольких взаимосвязанных (культурологическом, содержательном и когнитивном) аспектах способствует определению места и роли фразеологии в различных языковых системах.

1.3. Фразеологическая единица в системе языковых знаков

Предметом изучения фразеологии является выявление категориальных признаков фразеологизма, на основе которых решается вопрос об их сущности и выделяются основные признаки фразеологичности. В лингвистике существует широкое и узкое понимание фразеологии.

По представлению сторонников *широкого* понимания, фразеологизмом считается повторяемое, общеизвестное, отличающееся образностью, возможностью переносного употребления устойчивое словосочетание [Шанский 1985, 1996, 2010; Архангельский 1964; Ахманова 1957; Мельчук 1960; Ефимов 1957, 1969; Гаврин 1974; Ларин 1956, 1977; Кунин 1970, 1996; Ройзензон 1965, 1973, 1977; Назарян 1987; Арсентьева 1993, 2006; Копыленко 1978, 1983, 1989].

К фразеологическому фонду, по их мнению, относятся: 1) идиомы; 2) фразеологические сочетания (*последняя капля; рог изобилия*); 3) пословицы («*Без соли невкусно, без хлеба – несытно*»; «*Белый лебедь серому гусю не товарищ*»); 4) поговорки (*моя хата с краю; вода камень точит; в чём душа держится*); 5) крылатые слова («*А счастье было так возможно, так близко!*»; «*Ах, злые языки страшнее пистолета!*»); 6) речевые штампы (*вне всяких сомнений, оставляет желать лучшего, желтая газета*).ФЕ, по их мнению, «представляет собой предикативное сочетание, равное предложению и выражающее завершённую мысль, то или иное суждение или фразу, которая образуется реализацией несвободных значений слов» [Ларин 1956: 10].

Начиная с середины прошлого столетия складывается другое направление – «узкое» понимание фразеологии (В. В. Виноградов [Виноградов 1953, 1969, 1977], А. И. Молотков [Молотков 1977], В. П. Жуков [Жуков 1986], В. Н. Телия [Телия 1966, 1981, 1986, 1991, 1996, 1999], В. М. Мокиенко [Мокиенко 1989, 2005], Н. Н. Амосова [Амосова 1963], С. И. Ожегов [Ожегов 1974], А. И. Фёдоров [1973], А. И. Смирницкий [Смирницкий 1998], М. И. Сидоренко [Сидоренко 1969] и др.). Начало его было положено академиком В. В. Виноградовым. Он сузил рамки

фразеологии, не относя к ФЕ пословицы, поговорки, крылатые слова, различного рода изречения и т. п. В предложенной им классификации присутствуют фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания. При этом некоторыми представителями «узкого» понимания фразеологии фразеологические сочетания исключаются из классификации по причине того, что они имеют в своём составе компоненты с самостоятельным значением.

В данной работе мы придерживаемся промежуточного понимания фразеологии, «предполагающего существование хотя бы одного переосмысленного компонента в составе раздельноформленной языковой единицы, в структурно-семантическом плане не представляющей изречение» [Кравцов 2008: 29]. Помимо класса идиом (узкое понимание), фразеологические сочетания также включены в исследование. С. В. Максимец отмечает, что уже само их название говорит об их соотносимости с ФЕ, приводя в пример «антонимические отношения некоторых идиом, складывающиеся за счёт замены одного из слов-компонентов» [Максимец 2015: 13]: манс. *лӱль сымыл олуӳкве* ‘быть злым (букв.: плохим сердцем жить)’ – *ёмас сымыл олуӳкве* ‘быть добрым (букв.: хорошим сердцем жить)’; рус. *засучив рукава* ‘усердно, старательно, энергично (относиться к делу)’ и *спустя рукава* ‘легкомысленно, безответственно (относиться к делу)’. Соответственно нет достаточных оснований говорить о полной десемантизации компонентов фразеологических сочетаний.

По-прежнему дискуссионным является вопрос включения в состав ФЕ *пословиц* и *поговорок*. Между самими пословицами и поговорками, являющимися сложными и противоречивыми языковыми образованиями, в силу их функционально-стилистического и структурного сходства не всегда можно провести чёткую границу. «Под пословицей обычно понимают образное законченное изречение, как правило, в ритмически организованной форме, имеющее назидательный смысл» [Татаровская 2004: 91]. По своему составу они

представлены как простыми, так и сложными предложениями.

Понятие поговорки включает в себя разные структурно-семантические типы устойчивых сочетаний слов с образным и иносказательным значением, отличающихся от пословиц своей синтаксической незаконченностью. Поговорка, по мнению В. И. Даля, «лишь окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» [Даль 1984: 13], не имеющая признака обобщённости и завершённости. Обратимся к примерам:

– пословицы: манс. *«Люльнэ ййв т̄ранэныл т̄ак, а элмх̄олас посың номтыл (ё̄р)»* ‘Стойко дерево корнями, а человек ясным умом’» [Мансийские пословицы и поговорки 2017: 10]; *К̄атын юртанынн ке тактэ̄гын, т̄онт тул̄ёвланын сяхныиг ул таңыртэ̄н* ‘Протягивая руку друзьям, пальцы в кулак не сжимай’ [Там же: 7]; *Номтт̄ал с̄айт а̄тим, кос юи-о̄влэ̄ныл п̄увёлн* ‘Без ума и толку не будет, хоть как старайся (букв.: Без ума толка нет, хоть за задний краешек (конец) ухвати)’; рус. *Бел снег, да ногами топчут, черен мак, да люди едят; Берегись козла спереди, лошади сзади, а лихого человека со всех сторон; Ласковое слово лучше мягкого пирога;*

– поговорки: манс. *минам х̄отал ул тинсэ̄лн* ‘не живи вчерашним днем; не живи прошлым (букв.: прошедший день не ищи)’; *о̄пан Пацар-я̄ ултта т̄упт̄ал минастэ̄* ‘упрямый, упорный человек (букв.: дед=твой Печору-реку без вёсел пересёк)’ [Ромбандеева 1983: 42]; рус. *не учи учёного, из грязи да в князи.*

В то же время другие учёные (А. И. Фёдоров, В. П. Жуков, Н. Н. Амосова и др.) против включения пословиц и поговорок в состав фразеологизмов.

Н. Н. Амосова считает, что пословицы и поговорки, как притчи-миниатюры, не могут быть признаны лексическими единицами, поскольку «лексическая единица – это любое языковое образование, отличающееся устойчивостью

и метафорическим или хотя бы традиционным смыслом, то тогда под это понятие придётся подвести вообще разнообразные произведения таких “малых форм” фольклора, как прибаутки, считалки, загадки» [Амосова 1963: 145]. Несогласие исследователя мотивировано тем, что пословицы и поговорки относятся к жанру фольклора.

Фразеологизмами паремии можно считать лишь условно, так как по своему жанру они являются произведением устного народного творчества. Признаки воспроизводимости и идиоматичности не могут служить гарантийными признаками принадлежности к ФЕ, поэтому «предметом фразеологии должны являться такие единицы языка, которые входят в его номинативный инвентарь» [Телия 1996: 75].

Для того чтобы установить более чёткую разницу между фразеологизмом, пословицей и поговоркой, проведём лингвистический эксперимент над русской поговоркой *биться как рыба об лёд*. Если вычленим из этого выражения короткий фразеологизм, то получим ФЕ *как рыба об лёд*. Анализируя, является ли поговорка *биться как рыба об лёд* пословицей, мы однозначно получим отрицательный ответ, поскольку выражение не носит назидательного, поучительного характера, у него отсутствует дидактика и завершённость, свойственные любой пословице. На основе этой поговорки без труда можно сконструировать пословицу, к примеру: *Бьётся мужик как рыба об лёд, а всё нет ничего*, или *Бедный бьётся как рыба об лёд, а богатый осетриной завтракает* и т. п. Таким образом, между пословицей и поговоркой имеется существенная разница. Из поговорки довольно легко создать пословицу, дополнив её, и во многих случаях несложно сократить существующую поговорку до более краткого фразеологизма. Следовательно, ФЕ является самым универсальным из всех трёх рассматриваемых терминов.

Структура ФЕ достаточно коротка: во многих случаях довольно двух компонентов, чтобы языковая конструкция являлась фразеологизмом. Более того, в любом фразеологическом словаре русского языка можно обнаружить множество

однокомпонентных ФЕ. Формально подобных фразеологизмов не существует, тем не менее материалы русских фразеологических словарей свидетельствуют об обратном. Например, если какое-либо знаменательное слово вступает во взаимодействие со служебным (например, с предлогом, сравнительной частицей и др.) и это взаимодействие организует собой единый смысловой компонент, то возникает фразеологизм, например: манс. *СЯР НЯХСЯМ* ‘бесхарактерный человек (букв.: совсем жабры)’, *АКВТОП ПУҢКТАЛ* ‘глупый человек (букв.: будто безголовый)’; рус. *без головы, с пелёнок, в сердцах, как пробка* [Ларионова 2014] и т. п. В то же время поговорок и тем более пословиц, имеющих однокомпонентную структуру, не существует. Продолжая эксперимент, попытаемся сконструировать из фразеологизма пословицу. Для этого примем любую имеющуюся однокомпонентную ФЕ (например, *в сердцах*) за основу и «нанижем» на неё смысловые «бусины». Проведение такого эксперимента приведет нас к нулевому результату, поскольку смысл созданной пословицы может получиться совершенно разным, он будет абсолютно произвольным и мало зависимым от семантики ФЕ. Фразеологизм, будучи полноценной языковой единицей, не может разделяться или увеличиваться, не меняя при этом своего значения. Изредка ФЕ являются усечёнными пословицами, но чаще всего они представляют собой усечённые поговорки или самостоятельные единицы, не являющиеся какими-либо сокращениями.

Пословицы, крылатые слова, афоризмы, речевые штампы и т. п., представляющие по структуре законченные предложения, в том числе, поговорки *коммуникативного* характера, исключаются из состава рассматриваемых в работе ФЕ. Поговорки *номинативного* характера, построенные по моделям словосочетаний, занимающие промежуточное между пословицами и ФЕ положение, рассматриваются в работе как особого вида фразеологизмы, например: манс. *СЭҢКВЫН АТ САЙТАВЕ, ВӨТН АТ САКВАТАВЕ* ‘крепкий, здоровый человек (букв.: туман не скроет, ветер не сломит)’, *СӨРГЫН ЛАКВ КВАЛГЫЛ*

нэггэлын ‘держи карман шире (букв.: живот=свой кольцом верёвки обвяжи)’; рус. *комар носу не подточит, хоть шаром покати* и др. Поговорки коммуникативного характера, построенные по типу предложений, так же как и пословицы, на наш взгляд, не являются ФЕ.

Среди лингвистов не имеется единой точки зрения по вопросу сущности и места ФЕ в системе лингвистических знаков, как известно, не существует: а) фразеологический оборот – это «воспроизводимая единица языка из двух и более компонентов словного характера, постоянная по значению, структуре и составу» [Шанский 2010: 27]; б) «фразеологизм возникает тогда, когда <...> два слова (чаще знаменательных), участвующих в его формировании, оказываются семантически преобразованными в такой мере, что полностью или частично утрачивают собственное лексическое значение» [Жуков 1986: 6]; в) «фразеологическая единица воспроизводится в речи носителей данного языка именно потому, что она известна данной лингвистической общности и передаётся из поколения в поколение как целостная структура» [Архангельский 1964: 125].

Таким образом, под *фразеологизмом* мы понимаем раздельнооформленную устойчивую языковую единицу, состоящую из двух или более компонентов, характеризующуюся полным или частичным семантическим преобразованием, обладающую целостным значением, экспрессивностью, воспроизводимостью, общеизвестностью.

Основными признаками ФЕ являются фразеологическая устойчивость, номинативность, экспрессивность, образность, семантическая целостность, неоднословность, расчленённость состава, идиоматичность.

Устойчивость как степень неразложимости и семантической слитности компонентов подтверждается наличием в языке разнообразных вариаций: *лексических* (например, употребление слова *вõр* в мансийской ФЕ *вõр эссерман пинвес* ‘застыдился (кто-либо) (букв.: с лес стыд (позор) положили)’ вместо *ур эссерман пинвес* ‘застыдился (кто-либо) (букв.: с гору стыд (позор) положили)’;

употребление слов *перечница* или *кочерыжка* вместо слова *карга* в русской ФЕ *старая карга*); *морфологических* (например, манс. *аквтоп матарын сялтвес* ‘разгневался, разозлился (букв.: будто что-то внутрь вошло)’ и *аквтоп матыр сялты* ‘начинает гневаться, злиться (букв.: будто что-то внутрь входит)’; рус. *не сходить с языка* и *не сходить с языков*; *структурно-семантических* (манс. *хўлың нянь* ‘1) бесхарактерный человек; 2) медлительный, нерасторопный, вялый человек (букв.: рыбный хлеб (=пирог)’ и *(саюм) хўлың нянь* ‘1) бесхарактерный человек; 2) медлительный, нерасторопный, вялый человек (букв.: (испорченный, тухлый) рыбный пирог)’; рус. *буря в стакане* и *буря в стакане воды*).

Номинативность как свойство ФЕ актуализирует предметную соотнесённость с объектом. Наравне с номинативностью важным свойством большинства ФЕ является *экспрессивность* «как оценочно-эмоциональная категория, несущая в себе одобрительное или неодобрительное отношение к обозначаемому» [Макет словарной статьи 1991: 36–66]. С другой стороны, в каждом языке существуют стилистически нейтральные ФЕ, которые не передают отношение субъекта высказывания к объекту и не несут эмоциональной и оценочной нагрузки, например: манс. *котрың вит* ‘спиртные напитки (букв.: жгучая вода)’, *пўт вāруңкве* ‘готовить пищу (букв.: котёл делать)’, *пёрна пинуңкве* ‘креститься (букв.: крест класть)’; рус. *вставать с петухами*, *второй дом*, *грызть гранит науки*. Следовательно, свойство экспрессивности характерно не для всех ФЕ.

Эффект экспрессивности ФЕ придаёт *образность*, которая при этом является факультативным, дополнительным признаком ФЕ. Например, манс. *кāми-тўлмах вāти ўсылаквел ёмуңкве* ‘подкрадываться (к кому-либо) (букв.: (мягкими) короткими шагами росомахи-самки подходить)’, *картың самыл сунсуңкве* ‘злобно, яростно смотреть (букв.: со сгустками крови глазами

смотреть)’, *кол үрнэ акар* ‘домосед (букв.: дом охраняющая овчарка)’; рус. *в дверь не пролезет, валяться со смеху, делать кислую мину*. Образность, являясь факультативным признаком фразеологизма, присуща абсолютному большинству ФЕ.

Фразеологизмы, не сопоставимые со свободным сочетанием слова и утратившие внутреннюю форму, мотивирующую их значение, являются безобразными, например: манс. *оссам туйкуп* ‘глупый, бестолковый человек (букв.: глупый *туйкуп* (перевод неизвестен))’, *хослы-сыйлы* ‘тихо, беззвучно (перевод не известен)’, *торси-морси* ‘как попало, неаккуратно (перевод неизвестен)’; рус. *попасть впросак, точить балясы, бить баклуши*. Безобразные ФЕ «не обладают “прозрачной” внутренней формой. Это объясняет трудности, вызываемые при попытке выяснить их этимологию» [Максимец 2015: 18].

Под *семантической целостностью* ФЕ понимается его «внутреннее смысловое единство, которое приводит к полной или частичной потере компонентами собственного лексического значения» [Егоров 2010: 45], например: манс. *кант хусап* ‘1) злой, сердитый человек; 2) постоянно злой человек (букв.: коробка со злостью)’, *матум курсип* ‘старый, преклонных лет человек (букв.: старый (сплюснутый трухлявый полый) пенёк)’, *линьсь хурыг* ‘плакса (букв.: плачущий мешок)’; рус. *иметь зуб, не робкого десятка, небо с овчинку кажется*. Данные ФЕ имеют семантически непроницаемую, закрытую структуру.

Семантическая целостность проявляется у ФЕ, возникших в результате метафоризации словосочетаний, например: манс. *акв лаглэ вонхат люли* ‘старый, преклонных лет человек (букв.: одна нога=его в яме стоит)’, *тэлл аюнкве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: кровь пить)’, *ломырлам пилсам* ‘человек с морщинистым лицом (от старости) (букв.: сморщенная ягода)’; рус. *опустить руки, пальчики облизнешь, под стол пешком ходит*.

Существенными признаками ФЕ являются неоднословность

и расчленённый состав, например: манс. *с̄а̄гум а̄н̄квал* ‘старый мужчина (букв.: прогнивший пенё)’; рус. *добрая душа*.

Признаки ФЕ характеризуют как его форму, так и внутреннее содержание. На наш взгляд, основным признаком ФЕ является *устойчивость*, включающая такие признаки, как идиоматичность, номинативность, образность, воспроизводимость, общеизвестность и понимается как константность, постоянство значений ФЕ на всех уровнях языка.

Принятое за основу определение фразеологизма позволило отграничить ФЕ мансийского языка от таких единиц языка, как сложные, парные слова, словосочетания с изобразительными словами, устойчивые сравнительные обороты. В то же время часть единиц перечисленного ряда, обладающая признаками, присущими фразеологизмам, по нашему мнению, может быть отнесена к разряду ФЕ.

В мансийском, как и в других финно-угорских языках, имеется большое количество *сложных слов*, например: *м̄ан̄бӯй* ‘мошка, мошкара (букв.: маленькое животное (зверь))’, *я̄н̄кыл̄ма̄* ‘болото (клюквенное) (букв.: ледяная земля)’, *ос̄сял̄э̄гпа* ‘ящерица (букв.: тонкий хвост имеющая)’, *ӯйхул* ‘животные (букв.: зверь рыба)’, *вит̄в̄о̄н̄ха* ‘лужа, прорубь (букв.: водяная яма)’, *ка̄т̄пос* ‘подпись (букв.: рука знак)’ и др. Данные примеры в отличие от ФЕ, которым свойственно наличие переносного значения, обладают прямым значением. Сложные слова фразеологизмами не являются.

Особого внимания заслуживает вопрос отнесения к фразеологизмам мансийского языка *парных слов*. Признак устойчивости, переносное значение, воспроизводимость, эмоционально-экспрессивный оттенок сближает ФЕ с некоторыми парными словами, понимающимися как «сложные лексические единицы, состоящие из двух грамматически одинаково оформленных компонентов» [Коми-пермяцкий язык 1962].

В коми языкознании И. И. Тарабукин относит некоторые парные слова,

которые он называет застывшими синонимическими парными словосочетаниями, к ФЕ, например: *лыдтӧм-щӧттӧм* ‘бесчисленное множество (букв.: без числа-без счета)’, *корысь-вотысь* ‘нищий (букв.: просящий-сбирающий)’ [Тарабукин 1959].

В работе «Фразеология коми-пермяцкого языка» представлены следующие парные слова-фразеологизмы: «*киа-кока* ‘способный к передвижению, работе (букв.: имеющий руку-ногу)’, *китбм-кокбм* ‘беспомощный (букв.: без руки-ноги)’» [Гагарина 1999: 33].

А. А. Шиянова под парными словами хантыйского языка понимает «сочетание двух антонимичных по семантике или же относящихся к одному и тому же кругу понятий, близких по значению лексем» [Шиянова 2013: 15], например: *lowəŋ-soməŋ* ‘рослый, крепкий (букв.: широкой кости-чешуйчатый)’, *taśəŋ-uśəŋ* ‘богатый (букв.: со стадом-нерестом)’, и др.

В венгерском языке существует термин «*szöpär* (словесная пара), упоминаемый в словарях как существительное, образованное по типу сочинения компонентов (*szöröstül-böröstül* ‘со всеми потрохами, с кожей и костями (букв.: с шерстью-с кожей)’, параллельные выражения (*se hús se hal* (букв.: ни мясо ни рыба), слова-близнецы (*izeg-mozog* ‘ерзать, егозить’; *irul-pirul* ‘сильно покраснеть’)» [Hidrovis 1995: 85].

В удмуртском языке выделяются следующие группы ФЕ: «1) имена существительные с суффиксом *-тэм*, указывающим на отсутствие чего-либо: *ымтэм-ныртэм* ‘бессовестный (букв.: без рта-без носа)’, *азыпэм-бертэм* ‘безалаберный, бесшабашный (букв.: без зада-без переда)’» [Лесникова 1994: 46–47] и др. (ср. с мансийскими ФЕ с суффиксом *-тāl*: *кātтāl-лāгылтāl* ‘неуклюжий, неловкий человек (букв.: без рук-без ног)’, *лувтāl-нēвильтāl* ‘тощий, болезненный человек (букв.: без костей-без мяса)’; «2) наречия образа действия: *гыжысь-пинъысь* ‘с большим желанием, усердно (букв.: из ногтя-из зуба)’, *лулысь-сюлмысь* ‘с большим желанием, от души (букв.: из души-из сердца)’» [Там же: 46–47].

Очевидно, что сочетания такого рода порождают новые оттенки значений и обогащают языки новыми смыслами. В мансийском языке парные слова репрезентируют множество различных внешних и внутренних качеств человека, например: *нѣвлиң-тѣпың* ‘располневший, упитанный, толстый человек (букв.: мясистый-питательный)’, *вāңның-консың* ‘здоровый, коренастый мужчина (букв.: плечистый-когтистый)’, *лувың-самың* ‘здоровый, крепкий, сильный мужчина (букв.: с костями-с частями)’, *осың-сāйтың* ‘умный человек (букв.: со внешностью-с толком (соответствующими возрасту)’, *самың-палиң* ‘умный, смышлённый человек (букв.: глазастый-ушастый)’, *пуңктāл-номтāл* ‘глупый человек (букв.: без головы-без ума) и др.

Продуктивной в мансийском языке является группа *словосочетаний с парными изобразительными словами*, семантика которых передаёт с помощью звуков зрительные образы, состояния, движения или отражает звуки окружающей действительности. Изобразительные парные слова могут прикрепляться к определённым именам существительным или глаголам, что делает их несвободными в употреблении, например: *сыри-мори нѣрись* ‘неаккуратная, несобранная женщина (девушка) (букв.: *сыри* – неправильная, иная, *мори* – небрежная женщина)’, *лом-лом ъква* ‘сплетница, болтунья (букв.: *лом-лом* (звукоподражание) женщина)’, *лоп-лоп ъква* ‘неопрятная женщина (девушка) (букв.: *лоп-лоп* (звукоподражание) женщина)’, *пāңкын лоп-лоп* ‘чумазый, грязный человек (букв.: грязный *лоп-лоп* (звукоподражание)»; *хор-хор ворсик* ‘подвижный, шустрый человек (букв.: *хор-хор* (звукоподражание) трясогузка)’, *мори-хори* ‘несерьёзный, легкомысленный человек (букв.: *мори* – небрежный, *хори* (перевод неизвестен)’, *нявс-авс* ‘человек с невнятной речью (букв.: *нявс-авс* (звукоподражание)’, *утте-потте* ‘человек с невнятной речью (букв.: *утте-потте* (звукоподражание)’, *сюмплы-хумплы* ‘несерьёзный, легкомысленный человек

(букв.: волнуется (рябь воды), плещется (вода от волн)’, *сола-сола* ‘кривляка, любитель кривляться (перевод неизвестен)’ и др.

Следующими важными средствами создания образной речи являются *устойчивые сравнительные обороты* (устойчивые сравнения), являющиеся обязательными элементами познавательной деятельности. Сравнения порождают символы, метафоры, стереотипы, раскрывают мифологическую природу сознания и его национальную специфику.

Таким образом, фразеологизмом-сравнением можно считать устойчивое сочетание со сравнительной конструкцией. При этом наиболее многочисленной группой являются фразеологизмы со значением оценки различных качеств человека, например: манс. *супе нāй хольт* ‘болтун (букв.: рот=его как огонь)’, *кунар хольт унлы* ‘бездельничает (кто-либо) (букв.: чучелу подобно сидит)’, *лёмвой хурипа* ‘скромный, застенчивый, тихий человек (букв.: комару подобный)’; рус. *беден как церковная мышь, врать как сивый мерин, дрожать как осиновый лист*. Устойчивые сравнения подобного плана подверглись лингвистическим и экстралингвистическим факторам и приобрели образно-оценочную характеристику.

Важным вопросом при сопоставительном анализе ФЕ различных языков является рассмотрение их *классификации*, которая позволяет упорядочивать и систематизировать исследуемый материал.

Во фразеологической науке существуют различные виды классификации ФЕ: по лексическому составу, по лексико-грамматическим типам, по семантической слитности, по происхождению, стилистическая, тематическая классификация на основе семантико-тематической характеристики компонентов ФЕ и др.

В рамках настоящей работы рассматривается классификация ФЕ на основании их *семантической слитности*, предложенная В. В. Виноградовым, как наиболее распространённая и глубоко отражающая сущность фразеологизмов.

Идиомы (фразеологические сращения и фразеологические единства) – фразеологизмы, члены которых связаны двусторонней зависимостью (интердепенденцией). Это тип «абсолютно неделимых, неразложимых ФЕ, значение которых независимо от их лексического состава, от значений их компонентов» [Виноградов 1977: 145]: манс. *тот та хуи* (букв.: вон там лежит) в значении ‘ничего не получишь, не рассчитывай что-либо получить’; рус. *с бухты-барахты, точить лясы, ничтоже сумняшеся* и др.

Семантическая неделимость является основным принципом сращения. Они отличаются от фразеологических единств большей степенью семантической спаянности, слитности своих компонентов. Основным лингвистическим фактором, определяющим степень семантической спаянности компонентов значения ФЕ, является отсутствие или наличие образной мотивированности их значений.

Фразеологическое единство – это «семантически неделимый и целостный фразеологический оборот, значение которого мотивировано значениями составляющих его слов» [Шанский 1996: 162], например, манс. *āмп вит халт ълуңкве* ‘жить в состоянии ссоры, ругани с окружающими (букв.: среди воды (=мочи) собачьей жить)’, *витыг тотуңкве* ‘уничтожить (кого-либо) (букв.: в воду превратить)’; рус. *тянуть ляжку, закинуть удочку*.

Фразеологические единства допускают вставку других слов, например: манс. *сыме ты покматы (толматы)* ‘печалится, горюет, страдает (кто-либо) (букв.: сердце=его вот-вот лопнет (разорвётся)’ и *сыме титтыг ты покматы (толматы)* ‘печалится, горюет, страдает (кто-либо) (букв.: сердце=его надвое вот-вот лопнет (разорвётся)’; рус. *тянуть ляжку* и *тянуть (служебную) ляжку*.

Фразеологическое единство обладает яркой образностью: манс. *сыме хаңра паттан хояс* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его пяток коснулось)’, *(аквтоп) маң сялты* ‘стыдится (кто-либо) (букв.: (будто) в землю

входит (зарывается)»; рус. *заварить кашу, зализывать раны, как сыр в масле кататься*.

Во фразеологических единствах значение ФЕ мотивировано составляющими его словами. ФЕ такого типа являются тропами с переносным значением, например: манс. *āмп пыг* ‘злой мужчина (букв.: собачий сын)»; рус. *в самом соку*. Замена слов, в том числе синонимом, ведёт к разрушению метафорического (переносного) смысла (например, при замене лексемы *āмп* ‘собака’ на *күтюв* ‘собака’; *в нектаре* вместо *в соку*) или изменению экспрессивного смысла. Например, мансийские ФЕ *кантэ ёт хайтыгты* ‘злится (кто-либо) (букв.: со злостью=своей вместе бегают)’ – *кантэн хайтыгталāве* ‘злится, сердится (кто-либо) (букв.: злость=его повсюду его бегом носит)’ и русские ФЕ *попасться на удочку* и *попасть в сети* – фразеологические синонимы, выражающие различные оттенки экспрессии.

Лексическая членимость и выводимость общего значения фразеологического единства из семантики его компонентов поддерживается наличием синтаксических связей, в которых прослеживается метафорическая основа, например: манс. *сэмыл вильтуп* ‘злой человек, злодей (букв.: чёрное лицо имеющий)’, *сымтāl-майттāl мōлаң* ‘жестокий человек (букв.: без сердца-печени чучело)»; рус. *стереть в порошок, держать в чёрном теле, из пальца высосать* и др.

Для фразеологических единств характерна соотносённость со свободными сочетаниями: ср. *идти в ногу* ‘действовать согласованно’ и *идти в ногу* ‘шагать той же ногой, что и идущий рядом’ [Современный русский язык 2001: 286]. Ср.: в мансийском языке ФЕ *тōсам тārка* в значении ‘тощий, худой человек (букв.: сушёный ёрш)’ и *тōсам тārка* в значении ‘сушёный ёрш как продукт питания’; *тāтыл тēr пūt* в значении ‘глупый, тупой человек (букв.: пустой железный котёл)’ и *тāтыл тēr пūt* в значении ‘пустая железная ёмкость для приготовления

пищи' и т. п. Таким образом, фразеологические единства, в отличие от сращений, имеют более сложную семантическую структуру.

Фразеологическим сращениям и фразеологическим единствам как эквивалентам слов противостоят фразеологические сочетания, не являющиеся семантически неделимыми эквивалентами слов.

Фразеологические сочетания – это ФЕ с односторонней смысловой зависимостью (детерминацией), в них слово с несвободным значением допускает синонимическую постановку и замену. Фразеологические сочетания – самая многочисленная группа ФЕ и в мансийском и в русском языках, например: манс. (*аквтоп*) *вōртыпал лāглыл л̄юлис* 'проснулся не в духе (кто-либо) (букв.: (будто) левой ногой встал)', *тыгыл т̄урын вāглы* 'старый, преклонных лет человек (букв.: скоро в озеро спустится)', *пōри номт* 'дурные мысли (букв.: поперечные (кривые) мысли)'; рус. *потупить взор* (взгляд, глаза), *задать жару*, *белая ворона*, *вывести на чистую воду*.

Ряд учёных (Н. М. Шанский, А. И. Ефимов, С. Г. Гаврин и др.) дополняют классификацию академика В. В. Виноградова *фразеологическими выражениями*. К ним относятся семантически членимые обороты, которые, по Н. М. Шанскому, делятся на фразеологические выражения *коммуникативного* характера [Шанский 1985: 49] (манс. *Номттāл сāграп ат пēлы, касай ат пēлы* 'Если нет ума, то и острые нож и топор не помогут (букв.: Без ума топор не колет, нож не колет)'; *Номттāл сāйт āтим, кос юи-ōвлēныл п̄увēлн* 'Без ума толку нет, хоть как старайся (букв.: Без ума толка нет, хоть за задний краешек ухвати)'; рус. *Всякая сосна своему бору шумит*; *Новая метла по-новому метёт*) и *номинативного* характера [Там же: 46] (манс. *минам хōтал ул тинсēлн* 'не живи вчерашним днем; не живи прошлым (букв.: прошедший день не ищи)'; *сāт кол мēты* 'человек, ведущий праздный образ жизни (букв.: в семи домах метки ставит)'; рус. *любви все возрасты покорны, не лыком шит*).

Фразеологические выражения коммуникативного характера – это

предикативные словосочетания, соотносимые по структуре с предложением. К данной группе относятся пословично-поговорочные выражения, речевые формулы, крылатые слова, а также благопожелания, проклятия, заклинания и т. п. Устойчивость состава и употребления сближает фразеологические выражения с ФЕ. Однако, как справедливо отмечает ряд учёных (А. И. Молотков, В. П. Жуков, В. Н. Телия и др.), этого явно недостаточно, чтобы считать их подлинными фразеологизмами. В диахронии многие ФЕ считались поговорками или терминологическими сочетаниями. Однако пословицы, речевые штампы и т. д. не способны становиться фразеологизмами и вместе с ними и поговорками образуют паремиологический фонд языков.

Таким образом, ядром сопоставляемых языков (на основе классификации В. В. Виноградова, Н. М. Шанского) являются идиомы, к которым относятся фразеологические сращения и единства; фразеологические сочетания; фразеологические выражения номинативного характера, построенные по типу словосочетаний (поговорки). Пословицы, поговорки коммуникативного характера, построенные по типу предложений, крылатые слова, речевые штампы и иные языковые единицы, представляющие собой по структуре законченные предложения (широкое понимание), исключаются из состава анализируемых ФЕ.

Парные слова, словосочетания с изобразительными словами, устойчивые сравнительные обороты (устойчивые сравнения), репрезентирующие различные внешние и внутренние качества человека, являются устойчивыми языковыми единицами, имеют раздельноформленное строение, характеризуются семантическим преобразованием, состоят минимум из двух компонентов, а также обладают ярко выраженной образностью, экспрессивностью и целостным значением, при этом являются общеизвестными и воспроизводимыми в готовом виде, а следовательно, полностью соответствуют общепринятому определению фразеологизма и его основным признакам, автор диссертации предлагает относить их к разряду ФЕ.

1.4. Коды культуры как средство интерпретации фразеологизмов

Существенным в изучении взаимосвязи языка и культуры является направление, основывающееся на рассмотрении их корреспонденции через понятие *код культуры* (КК). ФЕ как знаки языка и культуры исследуются в трудах ведущих отечественных лингвистов [Телия 1996, 1999; Красных 2001, 2002, 2014; Гудков 1999, 2007; Ковшова 1996, 2007, 2009, 2013; Байбурин 1991, 1992; Толстая 2007; Пименова 2009; Савченко 2013, 2014, 2016; Кольовска 2014; Симбирцева 2016].

Понятие *код культуры* не имеет окончательной формулировки. Так, В. Н. Телия, выделяя вещный, акциональный, космологический, зоологический коды, код ритуальных форм поведения, мифа и т. д., понимает его как «совокупность окультуренных представлений о картине мира некого социума: входящих в неё природных объектов, артефактов, явлений, <...> действий, событий, ментофактов, <...> пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия 1999: 20–21].

При описании кодов культуры мы опираемся на авторитетную точку зрения В. В. Красных, которая предлагает два его определения – с точки зрения «культуры и языка – КК может рассматриваться как своего рода “сетка”, которую культура набрасывает на окружающий мир, и благодаря которой представители данной культуры этот мир членят, категоризируют и оценивают его. Если отталкиваться от языковой составляющей, то код культуры предстает как совокупность имён или их сочетаний, которые обладают, помимо собственно денотативного значения, культураносными смыслами» [Красных 2014: 172].

В настоящей работе под *кодом культуры* мы будем понимать «совокупность знаков материального и духовного мира и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающую интерпретативной устойчивостью» [Симбирцева 2016: 161].

В современной лингвистике нет и, вероятно, не может быть единой классификации кода культуры. Однако в основе каждой предложенной структуры лежит одна система базового кодирования, построенная на законах существования мира действительности. Количество КК и основополагающие критерии их выделения могут сильно варьироваться.

Многими учёными базовыми признаются антропный (человеческий), соматический (телесный), предметный (артефактивный), биоморфный (включающий фито- и зооморфный), природный, временной (темпоральный), пространственный (спатальный), гастрономический (пищевой), числовой (квантитативный), цветовой (колоративный), духовный коды культуры и др. (В. Н. Телия, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Г. А. Багаутдинова, Т. В. Леонтьева и др.).

Помимо базовых выделяется множество других кодов и субкодов культуры, например, акциональный, космический, анимичный, мифологический, природно-метеорологический, геометрический, артефактивно-вещный, вещно-костюмный, архитектурный, религиозно-антропоморфный, религиозно-артефактивный и мн. др.

Научные достижения в изучении системы кодирования, классификации КК, предлагаемые исследователями, и собственные лингвистические наблюдения дали возможность выделить базовые группы, которые объединяют в своём поле целый пласт кодов. В данной работе мы имеем возможность продемонстрировать многообразие закодированных компонентов и семантики ФЕ в виде следующих КК, относимых нами к базовым: *антропный, биоморфный (фито- и зооморфный), природный, артефактивный, соматический, временной, пространственный, числовой, гастрономический, цветовой, мифологический, духовный*. Уточняем, что данный список является открытым.

Ведущее место в иерархической системе кодирования, безусловно, занимает *антропный*, или собственно *человеческий*, КК. В системе знакового кодирования антропный КК является наиболее сложным, так как именно человек представляет

собой центр мироздания, ту многогранную квинтэссенцию, отражаемую в базовом слое фразеологии тех или иных языков.

Под антропным кодом культуры понимается «совокупность наименований человека в целом и представлений о нём, связанных с ментальными, интеллектуальными и эмоциональными проявлениями, их названиями, соответствующими действиями» [Савченко 2014], например: манс. *ЭТЭ ПӨРИ ЯЛУҢКВЕ* ‘делать все наоборот (букв.: ночь поперёк исходить)’, *СЫМЕ СЯГТЫ* ‘радуется (кто-либо) (букв.: сердце=его радуется)’, *САМВИТАНЭ ЛЯПАТ ОЛЭГЫТ* ‘1) обидчивый человек; 2) плакса (букв.: слёзы=его близко расположены)’, *САВЫҢ ЛОНЯХИ* ‘бездельник, лентяй (букв.: ленивая развалина)’, *САВЫҢ ХОЛА* ‘бездельник, лентяй (букв.: ленивый мертвец)’, *ХӨН ЛЭНЬ* ‘лентяй (букв.: ханская (царская) лень)’, *ХӨН САВЫН ЁХТУВЕС* ‘обленился (кто-либо) (букв.: ханская (царская) лень (к нему) пришла)’, *ПӨЯР ХУРИПА* ‘толстый, упитанный мужчина (букв.: боярину подобный)’, *ЁЛЫЛ АКВТОП НАС ПЕЛЯЛАВЕ* ‘ёрзает, не сидит спокойно на месте (кто-либо) (букв.: снизу как будто остриём колют=его)’, *НЯЛЬСИҢ ХӨТПА* ‘коварный, подлый человек (букв.: скользкий человек)’, *НАМЫҢ-СУЙИҢ ХӨТПА* ‘известный, именитый, знаменитый человек (букв.: именитый-звонкий человек)’, *ЛЮНЬСЕ ЛЯПАТ ОНЬСИТЭ* ‘плакса (букв.: плач=свой близко держит)’, *ЛАТЫҢТАЛ-ПОТЫРТАЛ ХӨТПА* ‘молчаливый, немногословный человек (букв.: без слова-без разговора)’, *ЭЛАЛЬ ХАЛМАЛТАХТЭГ* ‘продолжают ссориться, ухудшать отношения (кто-либо) (букв.: всё дальше между ними трещина появляется)»; рус. *водить за нос*, *бабушка надвое сказала*, *втянуть голову в плечи*, *витать в облаках*, *задать жару*, *чужими руками жар загребать*, *хуже горькой редьки*, *держат в чёрном теле*, *в подмётки не годится*, *закусить удила*, *плевать в потолок* и др.

В работе рассматривается система мансийских кодов и субкодов культуры на основе иерархической модели, предложенной Л. В. Савченко, включающей в «систему антропного кодирования субкоды культуры (СКК) I уровня:

антропоморфный, антропно-интеллектуальный, антропно-ментальный, антропно-эмоциональный, антропно-аксиологический, антропно-сенсорный, антропно-деятельностный» [Савченко 2014].

В рамках *антропоморфного* СКК исследователь выделяет СКК II уровня:

- антропно-социальный (манс. *āсың вѣтра* ‘бездетная женщина (букв.: продырявленное ведро)’, *хум мāхум холтāл āнысуп* ‘женщина лёгкого поведения (букв.: для мужчин людей нескончаемая чашка)’, *мāтум пыг* ‘холостяк (букв.: старый мальчик (парень)»; рус. *старая дева*);
- антропно-иерархический (манс. *яныг хōтпа* ‘почтенный, уважаемый человек (букв.: большой человек)’, *(тав) хоталь суйты* ‘никто, ничтожество (букв.: (его) нигде не слышно)»; рус. *птица высокого полёта, большая шишка, важная птица, золотая молодёжь, верхушка общества*);
- антропно-национальный (манс. *саран нѣл, пуның нѣл* ‘зырянин (букв.: зырянский нос, волосатый нос)»; рус. *как швед под Полтавой*);
- антропно-профессиональный (манс. *хоса я̄мсык* ‘человек высокого роста (букв.: длинный ящик)’, *сōрниң кāтуп* ‘умелец, мастер (букв.: золотые руки имеющий)»; рус. *профессор кислых щей*);
- антропно-семейный (манс. *с̄яне-āсе ат с̄алиты* ‘жестокий человек (букв.: мать-отца=своих не пожалеет)»; рус. *показать кузькину мать*);
- антропно-онимной (манс. *оссам Ванька* ‘бестолковый, глупый мужчина (букв.: глупый Ванька)’, *кūрилам Кūринька* ‘неряшливая женщина (девушка) (букв.: неопрятная Куринька)»; рус. *Фома неверующий, не по Сеньке шапка*).

В рамках *антропно-ментального* СКК выделяются СКК II уровня:

- мыслительный (манс. *номтэ вит хольт ови* ‘хорошо думается (кому-либо) (букв.: мысль=его как вода течёт)»; рус. *вертится в голове*);

- мнемонический (манс. *НОМТЫТ ЪНЬСЮҢКВЕ* ‘запомнить (букв.: в уме держать)’; рус. *зарубить себе на носу*);
- восприятия (манс. *ПОСЫҢ НОМТ* ‘умный человек (букв.: светлый ум)’; рус. *светлая голова*);
- внимания (манс. *САМЕ-ПАЛЕ МАНЫГТЫ* ‘подслушивает (кто-либо) (букв.: глаза-уши=свои так и рвёт)’; рус. *с раскрытым ртом*);
- воображения (манс. *НЭМАТЫР ПУҢКЫТ АТ СУЙТЫ* ‘не идёт на ум (букв.: ничего в голове не слышно)’; рус. *не выходит из головы*);
- воли (манс. *СЫМЕ ЁР* ‘волевой, душевно сильный человек (букв.: сердце=его сильное)’; рус. *расправит плечи, расправит крылья*);
- речевой (манс. *НЁЛМЫТ ТЫ КОС СУЙТЫ (ЌЛЫ)* ‘вертится на языке (букв.: на языке=его вроде и слышится (есть)’; рус. *вертится на языке*);
- сознания (манс. *ТАКВИ ПУҢКЕТЫЛ ЌЛЫ* ‘своим умом живёт (кто-либо) (букв.: своей головой живёт)’; рус. *доходить своим умом*).

Будучи тесно связанным с антропно-ментальным, *антропно-интеллектуальный* СКК непосредственно репрезентирует бинарную оппозицию *глупый – умный*, например: манс. *ВЌТИ НОМТУП* ‘глупый, беспамятный человек (букв.: короткий ум имеющий)’ – *ПУҢКЕ ЁМАС* ‘умный, сообразительный человек (букв.: голова=его хорошая)’; рус. *чугунные мозги – острый ум*. Высокие умственные способности всегда вызывают восхищение и уважение, низкие – осуждение. При этом отрицательные явления вызывают больший эмоциональный отклик. Возможно, поэтому количество ФЕ с отрицательной оценкой интеллектуальных качеств человека значительно выше ФЕ с противоположным значением.

В рамках *антропно-сенсорного* СКК выделяются СКК II уровня, передающие информацию с сенсорной системы:

- зрительный (визуальный) (манс. *пѣлуп сам* ‘человек с хорошим зрением (букв.: острый глаз)’; рус. *слепая курица*);
- слуховой (звуковой) (манс. *яныг турыл рѣңхуңкве* ‘громко кричать (от страха) (букв.: большим горлом кричать)’; рус. *кричать не своим голосом*);
- одорический (обонятельный) (манс. *тѣлп атыл пасматас* ‘о предчувствии беды (букв.: запахом крови запахло)’; рус. *запахло жареным*);
- вкусовой (манс. *аквтоп майл сартым* ‘нечто очень привлекающее внимание (букв.: будто мѣдом мазано)’; рус. *хуже горькой редьки*).

Субкод прикосновения (тактильный, осязательный) занимает особое место и противопоставляется всем остальным сенсорным субкодам (особенно СКК зрения), например: манс. *сома сысѣн, соргѣн хартыглаве* ‘трясѣтся от переживания, волнения (кто-либо) (букв.: словно спину=его, живот=его дѣргают)’; рус. *мурашки по спине ползают*). В классификации ощущений по модальности выделяются СКК III уровня:

- кинестетический (манс. *лѣглыл сѣприн хоюңкве* ‘мчатся (быстро) (букв.: ногами затылок задевать)’; рус. *потирать руки*);
- статический (манс. *ѣхвтасыг овумлас* ‘оцепенел, окаменел (кто-либо) (букв.: камнем обтѣк)’; рус. *прирос к земле от страха*);
- температурный (манс. *сыме рѣгың* ‘добрый человек (букв.: сердце=его тѣплое)’; рус. *обливаться холодным потом*);
- болевой (манс. *сыме сома касайл яктаве* ‘переживает, печалится, горюет (кто-либо) (букв.: сердце=его будто ножом режут)’; рус. *душа болит*);
- органический (манс. *нѣлм ѱит хосыгхатуңкве патсыт* ‘проголодался (букв.: язычные червячки пошевеливаться стали)’; рус. *заморить червячка*);
- вибранный (манс. *ѣтанѣ нѣх-алмхатсыт (нѣх-люльсыт)* ‘волосы встали дыбом (от страха) (букв.: волосы=его вверх поднялись (встали)’; рус. *волосы становятся дыбом*).

Антропно-эмоциональные СКК соотносятся с эмоциональными переживаниями и чувствами человека. Положительные либо отрицательные эмоции в определённой степени ассоциируются с пространственным движением по вертикали и горизонтали, например: манс. *сыме ёл рагатас (патыс)* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его вниз выпало (упало)’, *сыме нōх-лапи* ‘счастливый, радостный человек (букв.: сердце=его вверх поднимается)’, *сыме вōйт ови* ‘радостно, приятно на душе (у кого-либо) (букв.: сердце=его по маслу течёт)’; рус. *как в воду опущенный, быть на вершине блаженства, мурашки по спине ползают*.

По степени возбуждения / успокоения эмоций выделяются стенический, соотносящийся с ФЕ, эксплицирующими активные действия (уверенность, радость) [Савченко 2014], и астенический СКК, соотносящийся с ФЕ, эксплицирующими пассивные действия (пассивность, бездействие).

Антропно-аксиологический СКК ассоциируется с качественно-оценочными оппозиционными категориями, например:

любовь – ненависть (манс. *сыме сялтнэ* ‘любимый человек (букв.: в сердце=её вошедший)’ – *сыме лавыл нэгли* ‘ненавидит (кто-либо кого-либо) (букв.: сердце=его ненавистью исходит)’; рус. *души не чаять – точить зуб на кого-либо*);

добрый – злой (манс. *хōтпа нупыл ёмас* ‘добрый человек (букв.: в сторону людей хороший)’ – *кантэ ляпат бньситэ* ‘1) злой человек; 2) сердитый человек (букв.: зло=своё близко держит)’; рус. *человек большой души – волчье сердце*);

высокий – низкий (манс. *хоса хōмся* ‘человек высокого роста (букв.: длинная плётка)’ – *талква пāкиль* ‘невысокий, приземистый человек (букв.: низкий ствол)’; рус. *пожарная каланча – ростом не вышел*);

радоваться – печалиться (манс. *сыме эрги* ‘радуется, ликует (кто-либо) (букв.: сердце=его поёт)’ – *сыме тārвитыл ёхтувес* ‘печалится, тоскует (кто-

либо) (букв.: на сердце=его тяжесть пришла)'; рус. *сердце взыграло от радости – камень на душе*) и др.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что с антропно-аксиологическим тесно связан антропно-эмоциональный СКК.

Антропно-деятельностный СКК, понимаемый как «совокупность наименований и их сочетаний, обозначающих деятельность в целом или отдельные действия и отношение человека» [БФСРЯ 2006: 49, 640], проявляется в следующих ФЕ: манс. *сым тальх лэстуҥкве* 'утолить голод (букв.: кончик сердца подкормить)', *саль вāруҥкве* 'жалость вызывать (букв.: жаль делать)', *суиҥ лātҥыл ёнгуҥкве* 'говорить высокопарно (букв.: звонкими словами играть)', *лյонсь эл тарматаҥкве* 'громко заплакать (букв.: плач вдаль отпустить)'; рус. *зализывать раны, поливать грязью, стоять над душой* и др.

В данном субкоде выделяются СКК II уровня: акциональный, процессуальный, мимический, двигательный, жестовый, поведенческий, физический и др. [Савченко 2014].

Таким образом, одним из самых сложных в системе знакового кодирования является *антропный* код культуры.

Следующим и одним из наиболее интересных кодов, закреплённых во ФКМ любого языка, является *биоморфный* КК, поскольку он содержит богатый лингвокультурологический материал, воплощающий в себе самобытность культуры, специфику мировосприятия народа.

Биоморфный КК представляет собой совокупность наименований флоры и фауны, в которых отражены представления лингвокультурного сообщества о мире растений и животных, представители которого или их элементы выполняют функции эталонов. Как отмечает Л. В. Борисова, «флора и фауна могут рассматриваться как один из важнейших модулей, посредством которого этнос выстраивает свой национально специфический образ мира» [Борисова 2014:

44]. Биоморфный КК тесно связан со стереотипами культуры, восприятием и оценкой в пределах всего живого.

В биоморфной кодировке выделяются *фитоморфный* и *зооморфный* коды культуры. *Фитоморфный* (растительный) КК соотносится с архетипами культур, в которых зафиксированы наивные представления о мироустройстве. Данный код, отражая взгляды людей о растительном мире, представляет совокупность их названий или компонентов, например: манс. *пумтар наскāссыг ат манумты* ‘спокойный, добрый человек (букв.: травинку зря не сорвёт)’, *сāс хольт ё̄нхи* ‘врёт, изворачивается, говорит неправду (кто-либо) (букв.: как береста крутится)’, *сāс сярнэ хольт ё̄хсы* ‘врёт, изворачивается, говорит неправду (кто-либо) (букв.: как горящая береста вертится)’, *мāнь пум* ‘молодёжь, молодые люди (букв.: молодая (маленькая) трава)’, *мāтум āнқвал* ‘старый мужчина (букв.: старый пень)’, *сāс нёл* ‘1) некрасивый человек; 2) кривляка (букв.: берестяной нос)’, «*пāкв о̄ньси* ‘беременная (букв.: шишку (кедровую) имеет)’» [Попова 2010: 16]; рус. *тише воды ниже травы, дрожать как осиновый лист*).

В народной фитонимии, являющейся одной из древнейших лексических микросистем, закреплён опыт практического, культурного и мифологического освоения мира растений [Коновалова 2001: 5].

Одним из базовых, давшим богатую систему эталонов, является *зооморфный* код, понимаемый как «совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» [Красных 2002: 256]. Например: манс. *аквтоп сэмьл кўтюв хāйтис* ‘неожиданно возникла неприязнь, отчуждение, недоброжелательность по отношению друг к другу (букв.: будто чёрная собака пробежала)’, *уркың кāсэв* ‘лжец, обманщик (букв.: обманывающая сорога)’,

полсиң к̄асэв ‘сплетник, сплетница (букв.: сплетничающая сорога)’, *охсар н̄ёлпа э̄ква* ‘хитрая, пронырливая женщина (букв.: с лисьим носом женщина)’, *х̄ар Щеня* ‘мужчина с необузданным, диким нравом (букв.: бык Сеня)’, *пальт̄ал с̄ёпыр* ‘плохо слышащий человек, глухой человек (букв.: безухий глухарь)’, *а̄гм т̄улмах хольт̄ ё̄хты* ‘болезнь приходит неожиданно (букв.: болезнь крадётся как россомаха)’, *мис э̄ква* ‘неповоротливая, грузная женщина (букв.: корова женщина)’, *хумыг-уйг̄ ё̄мтум* ‘заматерел, возмужал (мужчина) (букв.: мужчиной-зверем стал)’, *м̄атум лув̄эква* ‘старая женщина (букв.: старая лошадь)’, *т̄урхул хольт̄ н̄ёвсы* ‘медлительный, неповоротливый человек (букв.: как карась ворочается (шевелится))’, *х̄ул охса* ‘человек маленького роста (букв.: рыбы кусочек (половина рыбы))’, *савың т̄урхул* ‘ленивый человек (букв.: ленивый карась)’, *супе ӯйрись хольт̄ луйги* ‘говорит без умолку (кто-либо) (букв.: рот=его птичке подобно щебечет)’, *халэв тур* ‘крикливый, громкоголосый человек (букв.: чайки горло)’, *пись-пись к̄атыл, пись-пись ла̄глыл ё̄мыгтаңкве* ‘ходить тихо, незаметно (букв.: с мышинными руками, мышинными ногами передвигаться)’, *охсар э̄ква* ‘хитрая, пронырливая женщина (букв.: лиса женщина)’, *мансын моссяртн ты йисы* ‘засыпает (о ребёнке) (букв.: глухарь скоро уже приземлится)’, *п̄урысь сампа* ‘человек с маленькими глазами (букв.: свиные глаза имеющий)’, *н̄ёхыс пити* ‘дом, в котором царит мир и покой (букв.: соболиное гнездо)’, *уйң пирва* ‘вертлявый, неусидчивый человек (букв.: с червями чирок (утка))’, *пити патта н̄яврам* ‘младший ребёнок в семье (букв.: гнёздышка дна ребёнок)’ и др.; рус. *чёрная кошка пробежала, беден как церковная мышь, бред сивой кобылы, глухой как тетерев, держать в ежовых рукавицах* и др.

Человек в процессе своего становления и развития всегда сосуществовал рядом с животными. Их свойства поведения, повадки переносились на человека, а образы заняли прочное место в образовании ФЕ.

Природа будучи базовым понятием науки формирует *природный* код культуры, который включает, в свою очередь, *природно-стихийный* и *природно-ландшафтный* коды. Ядром стихийного кода могут считаться единицы, выстраивающиеся в следующие системные оппозиции – *земля – небо / воздух, земля – вода, вода – огонь* [Кольовска 2014: 55], например: манс. (аквтоп) *мāн сялты* ‘стыдится (кто-либо) (букв.: (будто) в землю зарывается)’, *супе нāй хольт* ‘болтун (букв.: рот=его как огонь)’, *султум хольт яласы* ‘подвижный, шустрый человек (букв.: подобно искре двигается)’, (аквтоп) *вōтн тотыглаве* ‘пьяный человек (букв.: (будто) ветром носит=его)’, рус. *вилами по воде писано, подлить масла в огонь*). Природно-стихийный КК охватывает также такие природные явления, как шторм, ветер, ливень, дождь, мороз, снег и др.

Природно-ландшафтный КК представляет собой «совокупность имён и/или их сочетаний, обозначающих природные объекты или их части – элементы ландшафта, в том числе – освоенные человеком в их отдельном бытии или диспозиции – взаиморасположении» [Гудков, Ковшова 2007: 97]. Центральными объектами данной системы являются горы, лес, море, океан, поле, река, озеро, болото и др. Приведем примеры, связанные с природно-ландшафтными объектами: манс. *урың нёл* ‘человек с горбатым носом (букв.: гористый нос)’, *вōр эссерман пинвес* ‘застыдился (кто-либо) (букв.: с лес стыд (позор) положили)’, *ōпан Пацар-я ўлтта тўптāл минастэ* ‘упрямый, упорный человек (букв.: дед=твой Печору-реку без весёл пересёк)’, *āхвтас сым* ‘бессердечный, чёрствый (букв.: каменное сердце)’, *мāнл туп нэглум* ‘ребёнок маленького возраста (букв.: из-под земли чуть появился)’ и др.; рус. *сулить золотые горы, ждать у моря погоды, кто в лес, кто по дрова* и др.

Природные условия и рельеф местности играют особую роль в представлениях о мире в разных культурах. Так, для таёжных жителей природа является первоосновой жизни не только материальной, но и духовной: «мир людей былых веков – это мир гармонии, это одухотворенная связь с тайгой, рекой, озером, лугом» [Динисламова 2011: 4].

Одним из значимых для выражения идеи ценностного значения является *артефактивный* (предметный, вещный) код культуры. Именно посредством *артефактов* (предметов) становится возможным наиболее ярко и адекватно выразить понимание ценностного значения любого другого объекта. А. П. Чудинов считает, что в ЯКМ данная группа метафор наиболее структурирована, поскольку человек реализует себя в создаваемых им вещах – артефактах, и «...созидательный труд – это деятельностная концептуализация мира» [Чудинов 2001: 152]. Кроме того, «именно в системе артефактов происходят наиболее заметные изменения во времени, что делает данную семантическую сферу наиболее активной и подвижной» [Балашова 1999: 10]. Поскольку артефакт (лат. *Artefactum* от *arte* – искусственно + *factus* – сделанный) – это «любой искусственно созданный объект, продукт человеческой деятельности»⁶, считаем, что такие КК как вещно-костюмный, артефактивно-вещный, архитектурный, религиозно-артефактивный можно рассматривать как субкоды в рамках единого *артефактивного*, который определим как совокупность имён и их сочетаний, обозначающих предметы и объекты, в том числе, повседневного обихода и приписываемые им свойства. Таким образом, в рамках артефактивного КК выделяются следующие СКК:

- вещно-костюмный (манс. *тōрың āкань* ‘нарядная, опрятная девушка (женщина) (букв.: кукла в платке)’, *хасьлум росахи* ‘неопрятно, неаккуратно одетый человек (букв.: рваные обноски (тряпье, рванина)’, *сōви юнга* ‘неопрятно,

---

⁶ Артефакт // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=101996451> (дата обращения: 05.09.2020).

неаккуратно одетый человек, неряха (букв.: скосившаяся (кривая) пятка (обуви)’, *к̄асе ёл-лакви* ‘престарелый человек (букв.: штаны=его спадают)’, *с̄аюм н̄яра пал* ‘старая дева (букв.: половина изгнившей пары обуви)’; рус. *в подмётки не годится, выпрыгивать из штанов*);

- артефактивно-вещный (манс. *КОЛЫГ ХАЛ ЛОТЫХ СУНСОВЫҢ ЭКВА* ‘сплетница (букв.: между двумя домами санки с углём перевозящая женщина)’, *с̄ай хурыг* ‘плакса, нюня (букв.: с гноем мешок)’, *ПОТЫР ХУРЫГ* ‘разговорчивый, болтливый человек (букв.: разговоров мешок)’, *КОРПИН ХУРИП* ‘острый на язык человек (букв.: бруску точильному подобный)’, *āсе ягпыг туля хална н̄ялэ пувумтаме* ‘ловкий, хваткий человек (букв.: брат отца=его стрелу между пальцев поймал)’, *суве та т̄усьтыстэ* ‘старый, преклонных лет человек (букв.: посох=свой уже поставил)’, *путька хурипа* ‘толстый человек (букв.: бочке подобный)’, *пасан пувуҥкве* ‘обычай держать край стола, когда уходят гости, чтобы хранить удачу в доме (букв.: стол держать)’, *ОСЬСЯ ЮНТУП* ‘худой высокий человек (букв.: тонкая игла)’, *н̄яр сас н̄ялы* ‘1) вертлявый, подвижный человек; 2) гибкий человек (букв.: из свежей бересты ложка)’, *ЛОНЬХАТАМ ХУСАП* ‘старая, дряхлая женщина (букв.: развалившаяся коробка)’; рус. *вить верёвки из кого-либо, между молотом и наковальней*);

- архитектурный (манс. *КОЛ УРНЭ АКАР* ‘домосед (букв.: дом охраняющая овчарка)’, *МОТ АВИП УТ* ‘никто, ничтожество (букв.: с чужих дверей некто)’, *(ВИТЫҢ) ПАРТНЫЛ СЫЛВЕС* ‘толстый человек (букв.: из (сырой) доски вырезанный)’, *МАТУМ ЛЯҢКВИ* ‘старый мужчина (букв.: старый колун)’; рус. *плевать в потолок, ума палата*);

- религиозно-артефактивный (манс. *(ТЫ МАНЫР) СОПРА ПҮПЫГ* ‘(что за) чудо (диво) (букв.: (что за) странный идол)’; рус. *курить фимиам, на ладан дышит*).

Артефактивный КК является одним из значимых для выражения идеи ценностного значения посредством метафор, создаваемых носителями языков. Ведь именно посредством предметов можно ярко и адекватно выразить понимание ценностного значения любого другого объекта.

Лидирующее место среди кодов культуры по праву занимает *соматический* (телесный) код. По мнению исследователей [Гудков, Ковшова 2007: 97; Толстая 2007], он является первым и наиболее древним, поскольку именно «через осознание себя человек приходит к описанию окружающего мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность» [Красных 2001: 6].

Т. В. Рыбалова в работе, посвящённой изучению телесности в традиционной культуре ханты и манси, отмечает, что «ключом к открытию кода культуры во фразеологии является телесный код» [Рыбалова 2009: 7], а «изучение феномена телесности в традиционной культуре является одним из способов понимания и решения проблемы самоопределения человека в пространстве современной поликультурности» [Там же: 7]. Невозможно не согласиться с точкой зрения, что фиксация специфики телесности в традиционной культуре манси является довольно сложной задачей в связи с тем, что в научной литературе практически отсутствует описание тела, даже как созданного природой объекта.

Подчёркивается, что «в обско-угорских и самодийских языках соматический код составляет наиболее продуктивную группу фразеологизмов. Код культуры определяется по базовому образу в результате обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций» [Сподина 2014: 79–80]. В мансийском языке наименования тела человека, его внешних частей и внутренних органов входят в состав большого числа ФЕ: манс. *СЫСЛУВ* (*СЫПЛУВ*) *ĀГИТЭ* ‘дочь, сидящая на шее, нахлебница (букв.: позвоночника (спинной кости) (шеи) дочь=его)’, *НĒЛМЕ САКА ЛОСЬГИ* ‘сплетник, болтун (букв.: язык=его сильно чешется)’, *ЛЮЛЬ КĀТУП* ‘вор (букв.: плохие руки имеющий)’, *САМПАЛ-СУППАЛ ХОТПА* ‘некрасивый человек (букв.: без (одного) глаза-без

(половины) рта человек)’, *пуҥк т̄рвитыл пинв̄с* ‘клонит ко сну (кого-либо) (букв.: головную тяжесть положили)’, *н̄лме с̄ови патум* ‘лжец, обманщик (букв.: язык=его набок упал)’, *н̄лме луйгуҥкве* м̄асьтыр ‘чрезмерно говорливый человек, болтун (букв.: язык=его щебетать мастер)’, *н̄лэ сака хоса* ‘любопытный человек (букв.: нос=его очень длинный)’, *н̄лагм̄ен акван-хоясьг* ‘неожиданно встретились (мы) (букв.: носы=наши (двоих) друг в друга стукнулись)’, *н̄лэ ёхтуҥкве патыс* ‘обижается (кто-либо) (букв.: нос=свой отворачивать стал)’, *м̄ань н̄лп-сампа н̄экве* ‘женщина с красивыми, утончёнными чертами лица (букв.: с маленькими носом-глазами женщина)’, *м̄ань к̄атуп-л̄аглуп н̄экве* ‘маленькая, невысокая женщина (букв.: с маленькими руками-ногами женщина)’, *л̄эге л̄юньсь турн яктувес* ‘чуть не заплакал (кто-либо) (букв.: хвост=его плачущим горлом перехватило)’, *луве-саме ӯнтум х̄отпа* ‘возмужавший человек (букв.: с костями-частями окрепшими человек)’, *к̄атаге-л̄аглаге хот-вуськасамаге* ‘устал до изнеможения (кто-либо) (букв.: руки-ноги=свои уже выбросил)’, *кавалиҥ пуҥк* ‘плешивый, лысый человек (букв.: каменная (голыш) голова)’, *в̄ильтэ ломырлам* ‘морщинистый человек (от возраста) (букв.: лицо=его складочками сложилось)’, *в̄агт̄ал улысьлув* ‘человек, говорящий невнятно (букв.: бессильная челюсть)’, *(аквтоп) н̄лме юв-таяпастэ* ‘молчаливый, неразговорчивый человек (букв.: (будто) язык=свой внутрь съел)’, *исхоранэ ёхтысыт* ‘вздрогнул от неожиданности (кто-либо) (букв.: души=его вернулись)’, *самыт о̄ньсюҥкве* ‘оберегать, охранять (кого-либо) (букв.: на глазах держать)’, *пуҥкын тув ул м̄аелын* ‘не влезай не в своё дело (букв.: голову=свою туда не вталкивай)’, *л̄юньсь пуки* ‘плакса (букв.: плачущий живот)’ и др.; ср. рус. *хоть кол на голове теши, чужими руками жар загребать, вытаращить глаза, кипит на сердце* и др.

Компонентам-соматизмам свойственна сложная система переносных значений и повышенная продуктивность в сфере образования слов и ФЕ. Чаще всего этот процесс затрагивают соматизмы, называющие наиболее функциональные части тела человека. В процессе исследования установлено, что в мансийском языке такими соматизмами являются *сердце* (18,8%), *голова* (8,8%) и *глаза* (8,2%) – итого 35,8% от общего числа ФЕ. В русском языке наиболее функциональными являются соматические компоненты *сердце* (8,8%), *голова* (8,5%) и *душа* (5,6%) – итого 22,9%. В ряде научных трудов (В. В. Виноградов, Д. О. Добровольский, А. Н. Баранов и др.) смысловая категория *душа* воспринимается как соматический объект, как внутренний орган, являющийсяместилищем чувств, поэтому подлежит рассмотрению в работе с точки зрения соматической природы [ФОСРЯ 2009: 109, 166, 167].

Применяя в качестве основы иерархическую модель соматического кода, предложенную Л. В. Савченко [Савченко 2013], основанную на физиологической классификации телесного проявления человека на языковом уровне и реализуемую посредством компонентов ФЕ, представим её в виде следующих субкодов:

1) *собственно соматический* субкод (греч. Σώμα, σώματος ‘тело’), определяемый как «совокупность номинантов для обозначения собственно тела или его частей» [Савченко 2013: 90], например: манс. *пуҥкен т̄ара паты* ‘умный, сообразительный человек (букв.: в голову=его сразу падает)’, *сампал-суппал х̄отпа* ‘некрасивый человек (букв.: без (одного) глаза, без (половины) рта человек)’; рус. *пышное тело, краска бросилась в лицо, иметь зуб*;

2) *остеологический* субкод (греч. ὀστέον ‘кость’), определяемый как «совокупность номинантов для обозначения костей и их соединений» [Там же: 90], например: манс. *т̄осам п̄есь* ‘худой, тощий, костлявый человек (букв.: высохшее бедро)’, *т̄осам лувнар* ‘худой, тощий, костлявый человек (букв.: сухой скелет)’, *т̄осам лув кварак* ‘худой, тощий, костлявый человек (букв.: сухих

костей связка)»; рус. *живой (ходячий) скелет, мешок костей, костями гремит, перемывать косточки*;

3) *спланхнологический* субкод (греч. σπλάγχνον ‘внутренности’), определяемый как «совокупность номинантов для обозначения внутренних органов» [Там же: 90], например: манс. *сōрниң сым* ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’, *кантэ м̄йтын ёхтыс* ‘сильно злится, свирепеет (кто-либо) (букв.: злость=его до печени дошла)»; рус. *мозги набекрень, сидеть в печёнках, выматывать (вытягивать) (все) кишки*;

4) *гематологический* субкод (греч. αἷμα ‘кровь’), определяемый как «совокупность номинантов для обозначения системы кровообращения» [Там же: 90], например: манс. *тёлпе нас пайтахты* ‘злится (кто-либо) (букв.: кровь=его так и кипит)’, *тёлп тārсанэ сома яңкын хартумтавёсыт* ‘испугался (кто-либо) (букв.: кровеносные сосуды=его словно льдом затянуло)’, *тёлп аюңкве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: кровь пить)»; рус. *кровь вскипает (закипает) в жилах, кровь прилила к лицу, портить кровь*;

5) *сенсологический* субкод (лат. sensorium ‘орган ощущения’, sensus ‘ощущение’), определяемый как «совокупность номинантов для обозначения органов чувств и их функций» [Там же: 90]. Данный субкод коррелирует на одном уровне с антропно-сенсорным субкодом и реализуется через визуальный, звуковой, одорический, вкусовой, тактильный субкоды: манс. *пёлуп сам* ‘человек с хорошим зрением (букв.: острый глаз)’, *яныг турыл рōңхуңкве* ‘громко кричать (от страха) (букв.: большим горлом кричать)’, *тёлп атыл пасматас* ‘о предчувствии беды (букв.: запахом крови запахло)’ и др.; рус. *мурашки по спине (коже) ползают, слепая курица, хоть глаз выколи* и др.;

б) *нозологический* субкод (греч. νόσος ‘болезнь’), определяемый как «совокупность номинантов для обозначения болезней, проявлений человеческого организма и физического состояния человека» [Там же: 90], например:

манс. *с̄орге таңралаве* ‘болит живот (у кого-либо) (букв.: живот=его мнёт (кто-то)’, *сыме хот-лӱльмыс* ‘тошнит (кого-либо) (букв.: сердце=его плохим стало)’, *сыме котралаве* ‘мучается от изжоги (кто-либо) (букв.: сердце=его жжёт)’, *сыме лӱльмыс* ‘мучается от тошноты (кто-либо) (букв.: сердцу=его плохо стало)’, *сыме ӓтгалаве* ‘мучается от голода (кто-либо) (букв.: сердце=его проголодалось)’, *сыме курги* ‘проголодался (кто-либо) (букв.: сердце=его гремит)’; рус. *сыпать соль на рану, валить с больной головы на здоровую, как бельмо на глазу.*

Отражая физическое состояние человека, соматический код трансформируется через противопоставительную антиномию:

здоров / болен: манс. *пӱйтаге нас лӱсьлӓг* ‘румяный, розовощёкий человек (букв.: щёки=его так и блестят), *лувың-самың* ‘здоровый, крепкий, сильный человек (букв.: с костями-с частями)’, *ханлпаттаге яге ӧньсям хуритӓнтыл* ‘здоровый, целый, невредимый человек (букв.: подмышки=его в том же виде, что и при отце=его были)’ – рус. *богатырское тело, кровь с молоком, дышит (пышет) здоровьем*; манс. *туп самаге хультсыг* ‘тощий, болезненный человек (букв.: только глаза остались)’, *лутӓл-нӓвильтӓл* ‘тощий, болезненный человек (букв.: без костей-без мяса)’ – рус. *еле-еле душа в теле, кожа да кости*;

старость / молодость: манс. *сӓюм лӓг* ‘старый, дряхлый мужчина (букв.: сгнивший хвост)’, *акв лӓглӓ вӧңхат лӱли* ‘старый, преклонных лет человек (букв.: одна нога=его в яме стоит)’ – рус. *стоять одной ногой в могиле, (седина в бороде) бес в ребро*; манс. *мӱңи тӓр нӓлӓт ханы* ‘1) ребёнок маленького возраста; 2) молодой, неопытный (букв.: яйца скорлупа под носом=его висит)’, *полхың нӓл* ‘1) ребёнок маленького возраста; 2) молодой, неопытный человек (букв.: сопливый нос)’ – рус. *молоко на губах не обсохло, желторотый птенец*;

холодно / жарко: манс. *пӧлям (яӄкын) витыл равтасавес (сӧсыгпавес)* ‘испугался (кто-либо) (букв.: холодной (ледяной) водой плеснули (облили)’, *пӧлям рӑг витын пӑрыглас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: холодным потом (=горячей водой) завернуло)’ – рус. *бросает в дрожь, мороз по (коже) спине, холодеть от страха*; манс. *рӑгыл пинвес* ‘испугался (кто-либо) (букв.: жаром положило)’, *исум витыл равтасавес* ‘испугался (кто-либо) (букв.: горячей водой плеснули)’ – рус. *в жар бросает, жаром обдало* и др.

Таким образом, соматический код охватывает большую группу компонентов фразеологизмов и их семантических проявлений, отражающих культурно-антропологические особенности различных этносов и интерпретирующих функционально-чувственные стороны бытия. Компонентам-соматизмам свойственна сложная система переносных значений и повышенная продуктивность в сфере образования слов и фразеологизмов. Чаще всего этот процесс затрагивают соматизмы, называющие наиболее функциональные части тела человека.

В системе кодов культуры выделяется *временной* (темпоральный) КК, понимаемый как «совокупность представлений, связанных с членением временной оси на отрезки и с отношением человека ко времени» [БФСРЯ 2006: 383]. Данный код соотносится с наименованиями темпорономенов, семантикой темпоральности и представляет образы посредством обозначения времени.

Временной КК, как и все другие коды, тесно связан с уходящими в глубину веков наивными архетипическими представлениями о членении оси времени и движению человека по ней. В мансийской и русской ФКМ обнаруживается большое количество примеров, ориентированных на передачу существующих в обеих культурах представлений о времени, например: манс. *ӗтэ-хӧталэ суснувум* ‘не налюбуеться (кем-либо) (букв.: ночь-день смотрел бы)’, *мӱнт тӑм пӱлэ тӑра нӑӄки* ‘стройный, статный человек (букв.: недавно съеденный кусочек насквозь просвечивает)’; рус. *битый час, на чёрный день*).

Как известно, временной код культуры тесно связан с *пространственным* (спатильным) кодом. Время, а вместе с ним и пространство, достаточно широко отображены во фразеологических системах мансийского и русского языков. Выражение пространства в языках является указанием на расположение объекта относительно говорящего, например: манс. *кӯр аланыл ат нэґлы* ‘ребёнок маленького возраста (букв.: до верха печки не достаёт)’, *акв ма̄н патыс* ‘лежащий от старости человек (букв.: в одном месте стал (находиться))’; рус. *от земли не видать* (*не видно*), *витать в облаках*.

Одним из основных «инструментов» когнитивной обработки сведений о мире наряду с соматизмами и наивными представлениями о пространстве и времени можно рассматривать *числовой* (количественный) код культуры. Полагаем, что уже само наличие номинации счёта в составе ФЕ, хоть и косвенным образом, может свидетельствовать о значимости тех сфер культуры, с представлениями которых она (номинация числа) взаимодействует в пределах ФЕ. Примечательно, что в большинстве случаев в пределах одной ФЕ наблюдается пересечение или наслаивание категории числа не с одним, а с двумя или более кодами. Так, в мансийской ФЕ *с̄ат кол мёты* ‘человек, ведущий праздный образ жизни (букв.: в семи домах метки ставит)’ помимо числового взаимодействуют как минимум три базовых КК (антропный, пространственный, артефактивный). Во ФЕ *акв ла̄глэ во̄нхат лю̄ли* ‘престарелый, преклонных лет человек (букв.: одна нога=его в яме стоит)’ взаимодействуют числовой, соматический, антропный, пространственный, артефактивный, временной КК; в русской ФЕ *за семь вёрст киселя хлебать* – числовой, гастрономический, пространственный, антропный КК; во ФЕ *одного поля ягода* – числовой, природный, растительный, пространственный КК. Таким образом, поливалентность числа делает его весьма удобным универсальным инструментом когнитивного освоения мира. Числовой код обладает значительным потенциалом проникновения в любую область семиосферы.

Под *цветовым* (колоративным) КК подразумевается «совокупность имён цветозначений, для которых свойственна определённая символика в окультуренном мировоззрении» [БФСРЯ 2006: 326, 444]. Так, *чёрный* цвет преимущественно символизирует зло, несчастье, горе, траур, гибель. Такая символика трансформируется и во ФЕ исследуемых языков: манс. *СЭМЫЛ ВЙЛЬТУП* ‘злой человек, злодей (букв.: чёрное лицо имеющий)’, *СЭМЫЛ СЫМПА* ‘злой человек, злодей (букв.: чёрное сердце имеющий)’ и др.; рус. *чёрный день*, *чёрная душа* и др.

Понятие цвета существует в каждой культуре, с ним связана важная социокультурная информация, накопленная этносом. Цвет является одной из категорий познания мира, которая существует наравне с другими категориями, такими как пространство, время, движение, а также является одним из ключевых культурных концептов.

Одним из доминантных кодов мансийской и русской культур является *гастрономический* (кулинарный, пищевой) КК.

Кухня является одной из самых специфичных областей культур народов, что, несомненно, отражается во ФКМ в системе наименований, относящихся к пищевому сырью, готовым блюдам, рецептуре их изготовления, процессах приготовления, употребления и т. п., а также на символике этих наименований.

Одним из наиболее древних компонентов материальной культуры является пища. Явления гастрономической культуры широко представлены во фразеологическом фонде сопоставляемых языков при описании образа человека, например: манс. (*сāгум*) *хўлың нянь* ‘1) бесхарактерный человек; 2) медлительный, нерасторопный, вялый человек (букв.: (испорченный, тухлый) рыбный пирог)’, *тōсам нёвьиль* ‘худой, тощий человек (букв.: сушёное мясо)’, *сыме вōйт поварāлы* ‘радостно, приятно на душе (у кого-либо) (букв.: сердце=его в масле валяется (перекатывается))’, *самаге тēгыг-аēг* ‘злобно, с яростью смотрит (кто-либо) (букв.: глаза=его едят-пьют)’, *потрытл тыттын ут*

‘болтун (букв.: разговорами кормящий некто)’, *ЛУСЬВИТЫЛ* (*ЛУНЬСЬВИТЫЛ*), *ПОЛХВИТЫЛ ТЫТТУҢКВЕ* ‘скудной едой накормить (букв.: слюнной водой, сопливой водой накормить)’, *НЁВИЯМ Семан* ‘мякотелый человек (букв.: протухший (несвежий, затхлый) Семён)’, *НЯЛЫҢ УТ* ‘жадина (букв.: ненасытный некто)’ и др.; рус. *отрезанный ломоть, заварить кашу, несолоно хлебавши, кавардак в голове, кормить завтраками, лапшу на уши вешать, пуд соли съесть, масло масляное* и др.

Таким образом, кулинарная лексика активно используется в качестве источника образных наименований и образных характеристик человека и его свойств в обеих сопоставляемых лингвокультурах.

К *мифологическому* КК относится «вторичная реальность, являющаяся неотъемлемым элементом культурного пространства: демоны, черти, ангелы, ведьмы, потусторонние сущности. Они бытуют в культуре как персонажи или элементы фольклора, обладают определёнными стереотипами» [Белая 2006: 72]. Так, *кули* в мансийской культуре и *черти* в русской представляются как антропоморфные существа. Чёрт в русском фольклоре «вездесущ и в народных верованиях постоянно вмешивается в жизнь людей, причиняет им мелкие неприятности, провоцирует на совершение плохих действий» [Там же: 76], ср.: манс. *куль хурипа* ‘злой, лютый человек (букв.: кулю подобный)’, рус. *злой как чёрт*. В мансийском и русском фразеологическом фонде имеются фразеологизмы с лексемой *дьявол*: манс. *ХОМЫЛ ЯВОЛ* ‘1) злодей, негодяй; 2) разъярённый, злой человек (букв.: ничтожный дьявол)’ *заим.*, *КАНТЫҢ ЯВОЛ* ‘1) злодей, негодяй; 2) разъярённый, злой человек (букв.: злой дьявол)’ *заим.*; рус. *смотрит (глядит) дьяволом, дьявольское отродье*. Наименования религиозно-мифологических и фольклорных персонажей являются важными лексическими компонентами, участвующими в образовании ФЕ любого языка.

Последним базовым из предлагаемого списка, но не по значению, является *духовный* код культуры, на который фактически «работают» все коды. Его составляют не только религиозные, но и нравственные постулаты и ценности. Являясь изначально онтологичным и аксиологичным по своей сути, духовный код отражает деонтические нормы социального поведения, зафиксированные эксплицитно или имплицитно в семантике ФЕ, например: манс. *лылытэ ат с̄алиты* ‘жертвенный человек (букв.: души-дыхания (=жизни)=своей не пожалеет)’, *т̄акум наск̄ассыг ат с̄ёнасы* ‘спокойный, добрый человек (букв.: вошь зря не раздавит)’; рус. *сделать доброе дело, вкладывать душу, чист сердцем*.

Как один из наиболее важных и сложных для сопоставляемых лингвокультур духовный код культуры требует отдельного изучения.

Таким образом, базовые коды культуры задают и предопределяют метрически-эталонную сферу, участвующую в структуризации и оценке материального мира. Важно отметить, что между представленными КК не может быть жёстких границ. Так или иначе, все они являются связующими элементами одного понятия, и в большинстве случаев их следует изучать в совокупности.

В большинстве случаев в пределах одной ФЕ в мансийском и русском языках наблюдается пересечение или наслаивание двух и более КК. Изучение базовых кодов позволяет утверждать наличие тесной связи между определёнными кодами. Так, например, взаимосвязанными в обоих языках являются антропоморфный и зооморфный, цветовой и артефактивный, соматический и пространственный коды культуры. Параллелизм таких связей свидетельствует об универсальном характере сопоставляемых лингвокультур. В то же время метафоры, в которых они реализуются, и их удельный вес всегда обусловлены культурой и национально детерминированы.

Таким образом, *культурный код*, или *код культуры* является центральным в лингвокультурологической парадигме понятием и вытекает из представления

о культуре как о семиотической системе, а внутренний образ ФЕ является проводником в культурное пространство, именно он актуализирует знания о происхождении того или иного фразеологизма.

Представленный материал доказывает, что мансийской и русской ФКМ в одинаковой степени присущи все виды базовых кодов культуры (*антропный, биоморфный, природный, артефактивный, соматический, временной, пространственный, числовой, гастрономический, цветовой, мифологический, духовный*) и систем субкодов.

Выводы

1. Фундаментальной в теории сопоставительного языкознания является категория межъязыковой фразеологической эквивалентности, в пределах которой следует рассматривать различные типы межъязыковой эквивалентности (полные, частичные эквиваленты, фразеологические аналоги, безэквивалентные ФЕ). Описание ФЕ, репрезентирующих образ человека, проводимое на основании подобной классификации, даёт представление о совпадениях и различиях в возможностях фразеологии сопоставляемых языков.

2. Сопоставительное исследование фразеологии, проводимое в рамках антропоцентрического и аксиологического подходов в нескольких взаимосвязанных (культурологическом, содержательном и когнитивном) аспектах способствует определению места и роли фразеологии в различных языковых системах.

3. Ядром сопоставляемых языков являются идиомы, фразеологические сочетания и фразеологические выражения номинативного характера. Фразеологические выражения коммуникативного характера, представляющие по структуре законченные предложения, исключены из состава рассматриваемых ФЕ.

2. Важнейшим звеном лингвокультурологической и лингвокогнитивной парадигм изучения фразеологии является *код культуры* или *культурный код*, представляющий культуру как семиотическую систему. КК является способом организации пространства культуры и основным механизмом интерпретации ФЕ через соотнесение их компонентов и семантики, при этом проводником в культурное пространство является внутренний образ фразеологизмов.

Глава 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В МАНСИЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

Настоящая глава посвящена реконструкции такого фрагмента ФКМ мансийского и русского языков, как *образ человека*, представленный фразеологизмами, описывающими некоторые аспекты его внутреннего мира, в их диалектической связи с представлениями о внутреннем, внешнем и целостном человеке. В качестве объекта исследования изучаются и сопоставляются группы ФЕ, представляющих образ *доброго* и *злого* человека, умственные способности в дихотомии *глупый* – *умный*, а также базовые эмоции *гнева* и *страха* как наиболее яркие и экспрессивные отрицательные психо-эмоциональные состояния.

2.1. Фразеологическое представление качеств *характера* человека⁷

Сложная природа и многообразие проявлений человеческого характера вносят его в список одних из самых дискуссионных тем в плане познания человека во всём многообразии связей его внутреннего и внешнего мира. Каждый человек обладает своим индивидуальным характером в различных его проявлениях, что не может не накладывать неповторимый отпечаток на социально-психологический, духовно-нравственный, мировоззренческий,

---

⁷ В данном параграфе использованы материалы автора диссертации из следующих публикаций: 1) Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация характера человека в дихотомии «добрый – злой» в мансийской и русской фразеологических картинах мира // Хантыйский мир через призму разноструктурных языков / Отв. редактор А. А. Шиянова. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019 г. – С. 54–109. URL: https://ouipiir.ru/sites/default/files/monografiya_hantyyskiy_mir_cherez_prizmu_raznostrukturnyh_yazykov.pdf; 2) Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация характера человека в мансийском и русском языках (на материале фразеологических единиц, характеризующих доброго человека) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12. – №3. – С. 6–21. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2639/2602>.

культурный и поведенческий аспекты интегрирования человека в контекст действительности.

Наиболее многочисленными в исследуемой группе черт характера, проявляющихся в отношении человека к окружающим, являются ФЕ, описывающие образ *доброго* и *злого* человека, где, с точки зрения оценочности, в сознании носителей мансийского и русского языков доброта является высочайшей, абсолютной, всечеловеческой ценностью, причастность к которой наполняет жизнь смыслом, а злобность является отрицательной энергией неудовлетворения, недоброжелательности, агрессии и т. п., в конечном итоге разрушающей личность.

В данном параграфе рассмотрена национально-культурная специфика ФЕ, представляющих образы *доброго* и *злого* человека в мансийском и русском языках. В ходе проведения анализа мы основываемся на убеждении, что представления людей о том, что есть для человека *добро* и *зло*, независимо от их принадлежности к определённой культуре, имеют общее ядро.

2.1.1. Фразеологическое представление образа *доброго* человека

Корпус исследуемого материала состоит из **40** ФЕ мансийского и **45** ФЕ русского языков, выступающих в качестве средств описания образа доброго человека.

Образ доброго человека в мансийском языке находит своё воплощение посредством лексем *ёмас* ‘добрый’ [РМС 2005: 68], ‘хороший’ [СМРРМ 1982: 346] и *сымыиң* ‘сердечный’.

В словаре Мункачи-Кальман «Wogulisches Wörterbuch» лексема *james* в венгерском языке имеет значения: *jó* ‘хороший, добрый’, *helyes* ‘правильный, верный’, *szép* ‘приятный, прекрасный, хороший’, *boldog* ‘счастливый’, *jobb* ‘лучший’, *jókora* ‘значительный, порядочный’. В переводе с немецкого – *gut*

‘хороший, добрый, славный’, *richtig* ‘правильный’, *schön* ‘красивый, прекрасный, хороший’, *glücklich* ‘счастливый’, *recht* ‘правильный, добрый’, *ziemlich groß* ‘порядочный’, *wohl* ‘хороший, верный’ [WW 1986: 170].

Многозначность лексемы *ёмас* ‘добрый’ позволяет предполагать, что в её значении заложено понятие духовности, она отличается ценностным статусом, занимает особое место в мансийской ФКМ.

В русском языке для номинации доброго человека используются лексемы *добрый, добродушный, добросердечный, душевный, сердечный, отзывчивый, чувствительный, милосердный, мягкосердечный, человеколюбивый, добряк* и др.

В словарях встречается следующее толкование прилагательного *добрый*: 1) «делающий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества; несущий благо, добро, благополучие; хороший, нравственный» [Ожегов, Шведова 1999: 169–170]; 2) «благожелательный, отзывчивый, готовый помочь людям; охотно делящийся с другими своими средствами, имуществом и т. п.» [НСРЯ 2001: 394]; 3) «делающий добро другим; благожелательный, отзывчивый, обладающий мягким характером; хороший, нравственный» [Ушаков 2009: 144–145]; *доброта* определяется как «отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим» [Там же: 169].

Таким образом, доброта в аспекте её оценочности в сознании носителей языков является высочайшей, абсолютной, всечеловеческой ценностью, наполняющей жизнь людей смыслом. Доброта как благожелательность, отзывчивость и стремление делать добро другим включает в себя целый спектр таких качеств, как сострадание, сопереживание, позитивный взгляд на жизнь и т. п. Данное понятие, являясь одним из наиболее ценимых нравственных качеств, вызывает к себе неизменно положительное отношение у всех народов. Например, манси про доброго человека говорят: *сяр ма́нсьи хури́па* ‘хороший, добрый человек (букв.: совсем на манси похож)’, что подчёркивает природную, врождённую доброту народа в целом.

Образ доброго человека в мансийском языке может быть репрезентирован фразеологизмами *мире нупыл ёмасыг сунсы* ‘добрый, спокойный человек (букв.: на людей по-хорошему смотрит)’, *акв пайтэт этпос, мот пайтэт хотал* ‘добрый человек (букв.: на одной щеке луна, на другой щеке солнце)’, *ёмас сымың* ‘добрый человек, добряк (букв.: доброе (хорошее) сердце имеющий)’, *сымың хотпа* ‘добрый человек (букв.: сердце имеющий человек)’, *сыме пос оньси* ‘добрый, ласковый человек (букв.: сердце=его свет имеет)’, *сорниң сым* ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’, *сымет рёг оньси* ‘добрый человек (букв.: в сердце=своём жар имеет)’, *ласкат сымпа* ‘1) добрый человек; 2) щедрый человек (букв.: с щедрым сердцем)’, *мир ёт мусхалыг олы* ‘добрый, спокойный человек (букв.: с людьми аккуратно живёт)’. В русском языке доброта также исходит из сердечности, добрый человек представлен ФЕ *золотая душа, золотое сердце, добрая душа, доброе сердце, душа-человек, человек доброй (добрейшей) души*.

Мансийские ФЕ *ёмас сымың* ‘добрый человек, добряк (букв.: доброе (хорошее) сердце имеющий)’ и *сорниң сым* ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’ имеют полные русские эквиваленты *доброе сердце* и *золотое сердце*.

Доброта в языках отождествляется с уступчивостью, мягкостью, покладистостью: манс. *каминьт сым* ‘1) добрый, уступчивый человек; 2) ранимый человек (букв.: мягкое сердце)’; рус. *из мягкого теста*.

Заботливое и внимательное отношение к окружающим представлено мансийскими ФЕ *хотпа нупыл ёмас* ‘добродушный человек (букв.: в сторону людей хороший)’, *сым онтас вярнэ хотпа* ‘сердечный, сопереживающий человек (букв.: сердечную помощь делающий человек)’.

Душевная щедрость человека во ФКМ выражается фразеологическими аналогами *яныг сым* ‘добрый человек (букв.: большое сердце)’ и *человек*

большого сердца. В русском языке щедрый человек представлен также ФЕ *широкая душа, широкая натура, человек большой души* с указанием на большой размер, размах.

Доброта характеризуется и благородными поступками человека по отношению к окружающим: манс. *ЮИ-О́ВЫЛ ПУ́Л ЛО́МТЭ МЫГ* ‘жертвенный человек (букв.: последний кусочек еды=своей отдаст), *СЫМЕ МИҢКВЕ (МУЙЛУПТАҢКВЕ) ВЁРМИ* ‘жертвенный человек (букв.: сердце=своё отдать (подарить) может)’, *СЫМЕ ЛЭВАТЫ* ‘жертвенный человек (букв.: сердце=своё вытаскивает)’, *СЫМЕ АТ САЛИТЫ* ‘жертвенный человек (букв.: сердца=своего не пожалеет)’, *ЛЫЛЫТЭ МИҢКВЕ ВЁРМИ* ‘жертвенный человек (букв.: душу-дыхание (=жизнь)=свою отдать может)’, *ЛЫЛЫТЭ АТ САЛИТЫ* ‘жертвенный человек (букв.: души-дыхания (=жизни)=своей не пожалеет)’, *ЮИ-О́ВЫЛ ЁЛЫСОВЕ АҢХУҢКВЕ ВЁРМИ* ‘жертвенный человек (букв.: последние штаны=свои снять может)’, *ЮИ-О́ВЫЛ АЛПИХАР СУПЕ АҢХУҢКВЕ ВЁРМИ* ‘жертвенный человек (букв.: последнюю нательную рубашку снять может)’, *КАТЭ ТАКТАПИТЭ* ‘человек, готовый прийти на помощь (букв.: руку=свою сам (быстро) подаст)’; рус. *отдавать (отдать) жизнь за кого-либо, подставлять плечо, снять (снимать) с себя последнюю рубашку, подать (протянуть) руку помощи, идти в огонь и в воду за кого-либо*. ФЕ демонстрируют универсальность мировоззрения манси и русских, готовых отдать последнее, что имеют, вовремя оказать поддержку и прийти на помощь.

Нравственная непорочность, чистота помыслов и поступков человека заключены во внутренних образах следующих ФЕ: манс. *СЫМЕ НЯ́ВРАМ СЫМ ХУРИПА* ‘искренний, чистый человек (букв.: сердце=его подобно сердцу ребёнка)’, *СЫМЕ СЫСТАМ* ‘искренний, чистый человек (букв.: сердце=его чистое)’, *ТИВРЕТ СЫСТАМ ВИТКВЕ ОВИ* ‘искренний, чистый человек (букв.: во внутренностях=его

чистая водичка течёт)»; рус. *чист сердцем, ангел непорочный, святая душа, чист душою, ничем (ни в чём) не замечен, как стёклышко, праведная душа.*

Открытость, искренность человека в сопоставляемых ФКМ репрезентированы следующими ФЕ: манс. *сымет люль ат оньси* ‘открытый, искренний человек (букв.: в сердце=своём плохого не имеет)’, *сыме каректāl* ‘безгрешный, без плохих помыслов человек (букв.: сердце=его без греха)»; рус. *весь как на ладони, душа нараспашку, весь наружу.*

Доброту человека, его безотказность манси выражают ФЕ *лāтың мус олы* ‘безотказный человек (букв.: до начала слова живёт)»; в русском языке – посредством фразеологизмов *палочка-выручалочка, ангел без крылышек*, при этом последний характеризует и излишне безотказного человека, что несёт в себе отрицательную оценку.

Добрый человек обладает, как правило, такими качествами, как незлобивость, спокойность, кротость: манс. *пумтар наскāссыг ат манумты* ‘спокойный, добрый человек (букв.: травинку зря не сорвёт)»; рус. *божий одуванчик, ангельская душа, кроткий как ягнёнок (телёнок, овца, голубь, ангел), ангел доброты (кротости), комара (мухи) не обидит.*

Слишком кроткий или чересчур спокойный человек может вызывать неоднозначное отношение, например: манс. *суптāl-нēлмтāl хōтпа* ‘тихий, скромный человек (букв.: без рта-языка человек)’, *(аквтоп) āкань колт олы* ‘кроткий, тихий человек (букв.: (будто) в кукольном домике живёт)’, *лāтың ат хартуңкве* ‘немногословный человек (букв.: слова не вытянуть)’, *потыр суе таквитэн ат суйты* ‘тихий, кроткий человек (букв.: произносимый звук самому не слышен)’, *лēmвой хурипа* ‘скромный, застенчивый, тихий человек (букв.: комару подобный)’, *вит ат нēвумтапты, пумтар ат хасумты* ‘тихий, скромный человек (букв.: воды не колыхнёт, траву не качнёт)»; рус. *воды не замутит,*

красная девица (о слишком тихом молодом человеке), *божья коровка*, *тише воды и ниже травы*. Приведённые фразеологизмы имеют одобрителную оценку.

Кротость, вытекающая из излишней слабохарактерности, бесхарактерности или мягкости, вызывает неодобрение и даже презрение, например: манс. *ВӖР СЯҢСИ* ‘тихий, слабохарактерный человек (букв.: лесной воробушек)’, *СЯР НӚХСЯМ* ‘бесхарактерный человек (букв.: совсем жабры)’, (*САЮМ*) *ХӚЛЫҢ НӚНЬ* ‘1) бесхарактерный человек; 2) медлительный, нерасторопный, вялый человек (букв.: (испорченный, тухлый) рыбный пирог)’; *НӚВИЯМ СӚМАН* ‘мягкотелый человек (букв.: протухший (несвежий, затхлый) Семён)’; рус. *ни рыба ни мясо, мокрая курица*.

Анализ ФЕ позволяет установить, что существенная роль при репрезентации образа доброго человека принадлежит *соматизмам* – 60% в мансийском и 47,7% в русском языках. Исследуемый образ представлен следующими соматическими компонентами: манс. *СЫМ* ‘сердце’, *ПӚЙТ* ‘щека’, *ТӚВЫР* ‘внутренности’, *СУП* ‘рот’, *НӚЛМ* ‘язык’, *ЛЫЛЫ* ‘душа-дыхание’, *КАТ* ‘рука’, *НӚХСЯМ* ‘жабры’; рус. *душа, сердце, крыло, ладонь, плечо, рука*.

Отметим, что *сердце* в обоих языках и *душа* в русском являются наиболее продуктивными и частотными компонентами в составе соматических фразеологических единиц (СФЕ) при описании образа доброго человека. Как символически маркированный компонент, соматизм *сердце* входит в состав **16** СФЕ мансийского языка, что составляет 40% от общего числа. В русском языке выявлено **11** СФЕ с компонентом *душа* и **5** СФЕ с компонентом *сердце*, что составляет 25% и 11,4% соответственно. По определению А. В. Жукова, «*сердце* и *душа* – символически маркированные компоненты, исходное символическое значение которых в той или иной мере удерживается в семантике фразеологизма и достаточно регулярно воспроизводится в целом ряде фразеологических единиц» [Жуков А. В. 1996: 41].

В мансийском языке понятие *душа*, номинируемое значительным количеством лексем (*йис, лылы, исхор*), практически не отражено в составе фразеологизмов за исключением ФЕ *лылытэ миңкве вёрми* ‘жертвенный человек (букв.: душу-дыхание (=жизнь)=свою отдать может)’. Полагаем, что это связано с весьма сложной и разветвлённой системой мансийских представлений о *душе* как о сакральном и потому табуированном явлении.

Сердце среди символов мансийской и русской культур занимает одно из центральных мест, оно понимается в возвышенном смысле как основа духовного существования человека. Будучи одновременно материальным и нематериальным, пространственным и непространственным, оно воплощает в себе духовное и душевное состояние материи.

Душа же является средоточием внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, т. е. всего жизненно важного. По словам Т. Б. Радбиля, понятие *души* тесно связано с идеей воздуха, дыхания, которая подверглась «мифологическому метафорическому переосмыслению на базе обычного переноса семантики физической сущности на психическую» [Радбиль 2010: 237–238]. Связь *души* с идеей воздуха, дыхания отмечается и в мансийской ФКМ, поскольку *лылы* есть *душа-дыхание* и сама *жизнь*.

Сердце во ФКМ манси, а также *сердце* и *душа* в русской ФКМ при репрезентации образа доброго человека обладают физическими свойствами (температурой, объёмом / размером), представляются созданными из различных материалов с определёнными характеристиками и качествами.

Сердце как предмет, обладающий температурой, показывает степень эмоционального напряжения, отсутствие / наличие чувств. Так, в мансийском языке *сердце* наделено температурной характеристикой: *сыме рёгың* ‘добрый (букв.: сердце=его тёплое (жаркое)»; *сым рёг оньси* ‘добрый, внимательный (букв.: сердечное тепло (жар) имеет)’. В русском языке ФЕ *горячее сердце* с указанием положительной температуры для объективации образа доброго

человека не используется – данная ФЕ обозначает пылкого, страстного человека, способного к сильным чувствам, переживаниям.

Сердце в мансийской и русской ФКМ, как и *душа* в русском языке, обладают размером. При описании образа доброго человека в мансийском языке используется ФЕ *яныг сым* ‘добрый человек (букв.: большое сердце)’. В русской ФКМ также имеются ФЕ, указывающие на большой размер *сердца* и *души*: *человек большой души, человек большого сердца*.

В обоих языках *сердце* и в русском *душа* имеют сходное качество – *чистоту*, связанную с искренностью, отсутствием порочных мыслей и мнений об окружающих: манс. *сыме систам* ‘искренний, чистый человек (букв.: сердце=его чистое)’; рус. *чист сердцем, чист душою*. В основе метафоры – перенос, опирающийся на символизацию чувственных ощущений: *чистое* как символ добродетели контрастирует с *грязным* – символом порока.

В мансийском языке помимо чистоты *сердце* как образ обнаруживает и такое качество, как *мягкость*: *к̄аминьт сым* ‘1) добрый, уступчивый человек; 2) ранимый человек (букв.: мягкое сердце)’. В русском языке данное качество представлено в образе *теста* – *из мягкого теста*. Как видно, образные основы этих ФЕ довольно близки: образ доброго человека наделен качествами мягкости, пластичности, податливости, эластичности.

Сердце в обоих языках, а также *душа* в русском уподобляются золоту: манс. *с̄орниң сым* ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’; рус. *золотое сердце, золотая душа*.

В мансийской ФКМ добрый человек характеризуется наличием у него *сердца*: *сымың х̄отпа* ‘добрый человек (букв.: сердце имеющий человек)’, *сым̄ о̄сьнэ х̄отпа* ‘добрый человек (букв.: сердце имеющий человек)’. В русском языке аналогов не обнаружено. Характеристика доброго человека метафорически также связывается с образной коннотацией наличия *света*, излучаемого сердцем, чего не наблюдается в русском языке.

Отличительной чертой является наличие в русской ФКМ фразеологизмов, связанных с христианским мировоззрением: *праведная душа, святая душа, иродова душа*. Национально-культурное своеобразие русских ФЕ с компонентами *душа* и *сердце* при описании образа доброго человека заключается в том, что в структуре они часто содержат компонент *ангел*, репрезентирующий представление русского народа о доброте и кротости: *ангел без крылышек, ангел доброты (кротости), ангел непорочный, кроткий как ангел*. Этот компонент обнаруживается и в составе ФЕ в сочетании с лексемами *сердце* и *душа*: *ангельское сердце, ангельская душа*. Значение их мотивировано ярким образом, основанным на метафорическом уподоблении человека *ангелу*.

Фразеологизмы с соматическими компонентами *сердце*, а также с соматизмом *душа* в русском языке являются важными составляющими ФКМ. В русском языке понятие *душа* неразрывно связано с моральными характеристиками и «тяготеет» к сердцу, поэтому *душа* и *сердце* в русских ФЕ часто составляют один ряд. В мансийском языке лексема *душа* за единичным исключением не входит в состав ФЕ, описывающих образ доброго человека.

Анализ фразеологизмов позволил выявить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов.

В сопоставляемых языках выявлена *натуроморфная* метафора, в рамках которой универсально выделяются *зооморфная, фитоморфная* метафоры и метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*.

Зооморфная метафора в мансийском языке обнаруживается в составе ФЕ, репрезентирующих *кротость* характера: манс. *лёмвой хурипа* ‘скромный, застенчивый, тихий человек (букв.: комару подобный)’, *тākум наскāссыг ат сēнасы* ‘спокойный, добрый человек (букв.: вошь зря не раздавит)’; рус. *кроткий, как голубь (овца, телёнок, ягнёнок), комара (мухи) не обидит, божья коровка*. Данный вид метафоры представлен и при описании слабохарактерных или бесхарактерных людей: манс. *вōр ся҅си* ‘тихий, слабохарактерный (букв.: лесной

воробушек)’, (*саюм*) *хўлың нянь* ‘1) бесхарактерный человек; 2) медлительный, нерасторопный, вялый человек (букв.: (испорченный, тухлый) рыбный пирог)’; рус. *мокрая курица, ни рыба ни мясо*.

В мансийской и русской ФКМ универсальное, общечеловеческое мировидение присутствует при представлении образа бесхарактерного человека с зоонимическим компонентом *рыба*.

Фитоморфная метафора в исследуемых ФКМ реализуется посредством следующих ФЕ: манс. *пумтар наскāссыг ат манумты* ‘спокойный, добрый человек (букв.: травинку зря не сорвёт)’; рус. *божий одуванчик, тише воды и ниже травы*. Данные ФЕ иллюстрируют, что выявленные фитонимические компоненты относятся к семантической группе *растения* (манс. *пумтар* ‘травинка’; рус. *одуванчик, трава*), при этом фитоним *трава* является общекультурным при представлении образа доброго человека.

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями неживой природы, находит отражение во внутренних образах ФЕ: манс. *акв пāйтэт этпос, мōт пāйтэт хōтал* ‘добрый человек (букв.: на одной щеке месяц, на другой щеке солнце)’, *сыме рēг оньси* ‘добрый, внимательный человек (букв.: в сердце=своём жар имеет)’, *сыме рēгың-посың* ‘добрый человек (букв.: сердце=его тёплое-светлое)’, *тйврет сыстам виткве ови* ‘искренний, чистый человек (букв.: во внутренностях=его чистая водичка течёт)’; рус. *идти в огонь и в воду за кем-либо, воды (водой) не замути*. Представленный материал демонстрирует, что в мансийском языке компоненты неживой природы относятся к следующим семантическим группам: *космические объекты* (*ЭТПОС* ‘месяц’, *ХōТАЛ* ‘солнце’), *физические явления* (*рēГ* ‘жар, тепло’, *ПОС* ‘свет’), *стихии* (*ВИТ* ‘вода’); в русском языке – к семантическим группам: *физические явления* (огонь) и *стихии* (вода). В рамках данного вида метафоры универсальными являются лексемы *ВИТ* – вода.

В мансийской и русской ФКМ находит отражение *артефактная* метафора: манс. (*аквтоп*) *āкань колт о́лы* ‘кроткий, тихий человек (букв.: (будто) в кукольном домике живёт)’, *юи-овыл ёлысове аңхуңкве вёрми* (букв.: последние штаны=свои снять может)’, *юи-о́выл алпихар супе аңхуңкве вёрми* ‘жертвенный человек (букв.: последнюю нательную рубашку снять может)’; рус. как *стёклышко, палочка-выручалочка, снять (снимать) с себя последнюю рубашку*.

Для объективации образа доброго человека используются следующие артефакты: манс. *āкань* ‘кукла’, *кол* ‘дом’, *ёлысов* ‘штаны’, *алпихар суп* ‘нательная рубашка’; рус. *стёклышко, палочка, рубашка*. Данные образы представляют собой преимущественно предметы, связанные с хозяйственным бытом и одеждой. Общими в обеих лингвокультурах являются лексемы *суп – рубашка*, а ФЕ *юи-овыл алпихар супе аңхуңкве вёрми* (букв.: последнюю нательную рубашку снять может)’ и *снять (снимать) с себя последнюю рубашку* являются частичными эквивалентами.

Универсально в системе ФЕ, репрезентирующих образ доброго человека, присутствует «аксиологически маркированный образ пространства, создаваемый в результате концептуализации действительности посредством языка и реализуемый в виде *пространственной* метафоры» [Гусейн-Заде 2012: 9]: манс. *яныг сым* ‘добрый человек (букв.: большое сердце)’; рус. *человек большого сердца, человек большой души, широкая душа, широкая натура, идти в огонь и в воду за кого-либо, тише воды и ниже травы* и др. В образном представлении данных ФЕ *большое* символизирует добродетель, чистоту, достоинство; *широкое* символизирует доброту, душевную щедрость, выражает размах, масштаб.

В мансийском и русском языках находит отражение *антропоморфная* метафора: манс. *ласкат сымпа* ‘добрый (букв.: ласковое сердце имеющий)’, *ёмас*

СЫМЫҢ ‘добрый человек, добряк (букв.: доброе (хорошее) сердце имеющий)’; рус. *доброе сердце, добрая душа, душа-человек, человек доброй (добрейшей) души*.

В обеих ФКМ выявлена *гастрономическая* метафора: манс. *ЮИ-ОВЫЛ ПҮЛ ЛОМТЭ МЫГ* ‘жертвенный человек (букв.: последний кусочек еды=своей отдаст), (*саюм*) *ХҮЛЫҢ НЯҢЬ* ‘1) бесхарактерный человек; 2) медлительный, нерасторопный, вялый человек (букв.: (испорченный, тухлый) рыбный пирог)’; рус. *из мягкого теста, ни рыба ни мясо*. В обоих языках ФЕ, имеющие в составе лексические компоненты, представленные в виде *мучных изделий* (*НЯҢЬ* ‘хлеб, пирог’; рус. *тесто*) и *рыбы* (*ХҮЛЫҢ* ‘рыбный’; рус. *рыба*), описывают мягкого, слабохарактерного человека.

Общей при вербализации образа доброго человека является *цветовая* метафора: манс. *СӨРНИҢ СЫМ* ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’; рус. *золотая душа, золотое сердце, красная девица*. Мансийская ФЕ *СӨРНИҢ СЫМ* ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’ и русская ФЕ *золотое сердце* являются полными эквивалентами. Уподобление сердца доброго человека *золоту* (как по цвету, так и по материалу) свидетельствует об одинаковом восприятии элементов окружающего мира обоими этносами.

В мансийской ФКМ обнаружена концептуальная метафора *вместилища*: *СЫМЕ РЁГ ОҢЬСИ* ‘добрый, внимательный (букв.: сердце=его тепло (жар) имеет)’, *СЫМЕТ НЭМАТЫР ЛЮЛЬ АТ ОҢЬСИ* ‘открытый, искренний человек (букв.: в сердце=своём ничего плохого не имеет)’, *ТІВРЕТ СЫСТАМ ВИТКВЕ ОВИ* ‘искренний, чистый человек (букв.: во внутренностях=его чистая водичка течёт)’.

Важными лексическими компонентами, участвующими в образовании ФЕ, являются наименования мифологических, религиозных и др. персонажей. В мансийском языке не удалось зафиксировать каких-либо ФЕ, имеющих в составе подобные наименования. В русской ФКМ выделены два фразеологизма с компонентом *бог*: *божий одуванчик, божья коровка*, а также ряд ФЕ

с рассмотренным выше компонентом *ангел*. Бог, являясь смыслообразующим ядром большого количества ФЕ, пословиц и поговорок русского языка, отражает монотеистическое представление христиан о единственном и всемогущем создателе Вселенной. В мансийском языке упоминание богов любого ранга без крайней необходимости находится под запретом. В целом, для русской лингвокультуры характерным является отображение в ней христианского мировоззрения.

В составе фразеологизмов мансийского и русского языков наиболее частотными при репрезентации образа доброго человека являются субстантивные (именные) и адъективные (призначные) ФЕ.

Субстантивные фразеологизмы в стержневой позиции имеют большое разнообразие лексем, обладающих смыслообразующей ролью при формировании фразеологических образов: манс. *СЫМ* ‘сердце’, *ЛЫЛЫ* ‘душа’, *ПАЙТ* ‘щека’, *ТИВЫР* ‘внутренности’, *КАТ* ‘рука’, *ЭТПОС* ‘месяц’, *ХОТАЛ* ‘солнце’, *РЕГ* ‘жар’, *ВИТ* ‘вода’, *ПУМ* ‘трава’, *ТАК* ‘вошь’, *МИР* ‘народ, люди’, *ХОТПА* ‘человек’, *НЯВРАМ* ‘ребёнок’, *МАНЬСИ* ‘манси’, *АКАНЬ* ‘кукла’, *КОЛ* ‘дом’, *ПУЛ* ‘кусочек (еды)’, *ЁЛЫСОВ* ‘штаны’, *АЛПИХАР СУП* ‘нательная рубашка’, *НЯНЬ* ‘хлеб’, *ЛОМТ* ‘кусочек’, *СЯНСИ* ‘воробей’, *ЛЁМВОЙ* ‘комар’, *ОНТАС* ‘помощь’, *ЛАТЫҢ* ‘слово’, *СУЙ* ‘звук’; рус. *сердце*, *душа*, *ладонь*, *плечо*, *рука*, *крылышко*, *жизнь*, *натура*, *огонь*, *вода*, *трава*, *одуванчик*, *человек*, *ангел*, *девица*, *голубь*, *овца*, *телёнок*, *ягнёнок*, *божья коровка*, *комар*, *рубашка*, *палочка*, *стёклышко*, *тесто*, *помощь*, *доброта*, *кротость*.

Лексемы *СЫМ* – *сердце*, *ЛЫЛЫ* – *душа*, *ПУМ* – *трава*, *ХОТПА* – *человек*, *ВИТ* – *вода*, *СУП* – *рубашка*, *КАТ* – *рука*, *ОНТАС* – *помощь* являются лингвокультурными универсалиями в сопоставляемых языках.

В составе адъективных фразеологизмов активное участие принимают имена прилагательные, описывающие различные свойства, качества и признаки:

манс. *ёмас* ‘хороший; добрый’, *к̄аминьт* ‘мягкий’, *ласкат* ‘щедрый’, *р̄ёгың* ‘тёплый; горячий’, *посың* ‘светлый’, *сыстам* ‘чистый’, *с̄орниң* ‘золотой’, *яныг* ‘большой’, *юи-ōвыл* ‘последний’; рус. *непорочный, ангельский, божий, добрый (добрейший), золотой, мягкий, кроткий, праведный, святой, большой, чистый, широкий, последний, красный.*

Лингвокультурными универсалиями являются прилагательные *ёмас* – *хороший, добрый*, *к̄аминьт* – *мягкий*, *с̄орниң* – *золотой*, *яныг* – *большой*, *сыстам* – *чистый*, *юи-ōвыл* – *последний*.

Менее продуктивными и частотными являются глагольные ФЕ, где глаголы преимущественно выступают в качестве опорных, а не смысловых компонентов.

Фразеологический материал позволил составить приблизительный портрет доброго человека в мансийской и русской ФКМ. Согласно представлениям манси и русских, добрым является человек, обладающий мягким сердцем, внимательно относящийся к людям и к окружающему миру в целом. Добрый человек не способен кого-либо обидеть или навредить чему-либо. Он всегда готов оказать всяческую поддержку, протянуть руку помощи даже в ущерб себе и отдать последнее во благо других людей. Под последним подразумевается не только материальное: мансийский человек готов поплатиться ради других своим сердцем, душой и жизнью, русский человек – своей жизнью. Добрый человек отличается чистотой помыслов и поступков, искренностью и великодушием, а также обладает такими качествами, как незлобивость, спокойность, тихость, кротость. Однако кротость, вытекающая из излишней мягкости, слабых характера или бесхарактерности, у представителей обеих культур вызывает неодобрение.

В мансийской лингвокультуре добрый человек также представляется безотказным, безропотным и по нравственной чистоте уподобляется ребёнку. В русском языке добрый человек представляется открытым, искренним, незамеченным ни в каких предосудительных делах. Религиозность,

непорочность, невинность, добродетель, любовь к ближнему, смирение, жертвенность русского народа, сформированные под влиянием православия, являются основной доминантой русского национального самосознания, что не могло не найти отражения во ФКМ.

Исследуемые ФКМ имеют поликодовый характер и универсально связаны с антропным, духовным, соматическим, цветовым, фитоморфным, зооморфным, природным, пространственным, гастрономическим и артефактивным КК. При этом в мансийской ФКМ отмечается тяготение к природному КК. Помимо универсальных, в мансийской ФКМ выявлен временной КК, а в русском языке – мифологический КК.

Общекультурное мировидение мансийского и русского народов при репрезентации образа доброго человека выявляется посредством соматических компонентов *СЫМ* – *сердце*, *ЛЫЛЫ* – *душа*, *КАТ* – *рука*, из которых универсальным, а также наиболее частотным является соматизм *СЫМ* – *сердце*, являющееся *ЯНЫГ* – *большим*, *СЫСТАМ* – *чистым* и *СОРНИҢ* – *золотым*.

Универсальными являются лексемы *ЛЁМВОЙ* – *комар*, *ПУМ* – *травя*, *ВИТ* – *вода*, *СУП* – *рубашка*, а также символика *золотого* цвета, лежащие в основаниях фразеологизмов при формировании образа доброго человека.

Доброта и кротость, вытекающие из излишней слабохарактерности, бесхарактерности или мягкости, вызывают неодобрение и даже презрение, что репрезентируется посредством наличия в составе ФЕ лексических компонентов *НЯНЬ* ‘хлеб, пирог’ – *тесто* (мучные изделия); *ХҮЛЫҢ* ‘рыбный’ и *рыба* (продукты питания).

Наиболее многочисленными базовыми лексемами-репрезентантами являются: манс. *СЫМ* ‘сердце’ (40%); рус. *душа* (25%), *ангел* (13,6%) и *сердце* (11,4%).

В сопоставляемых языках выявлены все четыре класса межъязыковых соответствий, среди которых всего один полный и семь частичных эквивалентов.

Небольшая группа соответствий представлена фразеологическими аналогами. Основная часть фразеологизмов является безэквивалентной.

2.1.2. Фразеологическое представление образа злого человека⁸

Корпус исследуемого материала состоит из 56 ФЕ мансийского и 64 ФЕ русского языков, выступающих в качестве средств представления образа злого человека.

Образ злого человека в мансийском языке находит воплощение посредством следующих лексем: *КАНТЫҢ* 1) 'сердитый, злой'; 2) 'грозный, лютый'; 3) 'суровый, строгий' [СМРРМ 1982: 40]; *ЛЮЛЬ* 'плохой, вредный' [Там же: 58]; *СЫМТАЛ* 'бессердечный' [РМС 2005: 20].

В словаре Мункачи-Кальман лексема *kantiŋ* в переводе с венгерского *haragos* имеет значение 'гневный, сердитый, злой', с немецкого языка – *zornig* 'гневный, сердитый, злой; разгневанный, рассерженный, разъярённый' [WW 1986: 192].

В русском языке используются лексемы *злой, злобный, лютый, свирепый, суровый, жёсткий, жестокий, сердитый, гневный, агрессивный, беспощадный, бессердечный, недоброжелательный, злодей, тиран, деспот*.

В словарях встречается различное толкование лексемы *злой*: 1) «преисполненный чувства вражды, недоброжелательности; испытывающий злобу, сердитый, раздражённый; язвительный, насмешливый; свирепый, лютый» [НСРЯ 2001: 555]; 2) «охваченный, проникнутый злом; дурной, недобрый, бедственный; исполненный злобы, злости; причиняющий боль, вред; жестокий;

⁸ В данном параграфе использованы материалы автора диссертации из статьи: 1) Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация характера человека в дихотомии «добрый – злой» в мансийской и русской фразеологических картинах мира // Хантыйский мир через призму разноструктурных языков / Отв. редактор А. А. Шиянова. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019 г. – С. 54–109. URL: https://ouipiir.ru/sites/default/files/monografiya_hantyyskiy_mir_cherez_prizmu_raznostruktturnyh_yazykov.pdf.

выражающий злость» [Ушаков 2009: 204]; 3) «полный злобы, злости» [Ожегов, Шведова 1999: 230].

Зло как нравственное понятие, противоположное *добру*, означает «намеренное, сознательное причинение кому-либо вреда, ущерба, страданий» [Мокиенко 1989: 93]. Наиболее злобному характеру человека сопутствуют такие качества как *свирепый, жестокий, беспощадный*. Описание данных черт находит значительное отражение во фразеологии исследуемых языков: манс. *тЭНЭ-айнЭ Куль* ‘злодей, тиран, деспот (букв.: пожирающий-пьющий Куль)’, *Куль наер āги* ‘злая женщина (девушка) (букв.: Куля духа дочь)’, *кантың явол* ‘1) злодей, негодяй; 2) разъярённый, злой человек (букв.: злой дьявол)’, *аңквын тЭм* ‘негодяй, злодей (букв.: мать съевший)’, *сЯне-āсе ат сАлиты* ‘жестокий человек (букв.: мать-отца не жалеет)’, *сЭмыл вЙльтуп* ‘злой человек, злодей (букв.: чёрное лицо имеющий)’, *сЭмыл сымпа* ‘злой человек, злодей (букв.: чёрное сердце имеющий)’, *сымтāl-мāйттāl* ‘бессердечный, жестокий человек (букв.: без сердца-печени)’, *тЭрың вЙльт* ‘бессердечный, жестокий человек (букв.: железное лицо)’, *сымтāl-мāйттāl мōлаң* ‘бессердечный, жестокий человек (букв.: без сердца-печени чучело)’, *тЭр сым* ‘бессердечный, жестокий человек (букв.: железо сердце)’, *тЭрың хомлах* ‘злодей, негодяй (букв.: железный жук-стригун)’, *хāрмис хурипа* ‘злой человек (букв.: быку подобный)’, *тўлмах хурипа* ‘злой человек (букв.: росомахе подобный)’, *куль хурипа* ‘злой, лютый человек (букв.: кулю подобный)’, *āмп āги* ‘злая женщина (букв.: собачья дочь)’, *āмп пыг* ‘злой мужчина (букв.: собачий сын)’, *āмп вЙльтуп* ‘злой человек (букв.: с собачьим лицом (мордой)’, *āмп хола* ‘негодяй (букв.: собачий мертвец)’, рус. *лютый зверь, зверь зверем, волчье сердце, исчадие ада, дьявольское отродье, иродова душа, злой как чёрт, бешеная собака, жестокий (свирепый) как волк, злой (злобный) как хорёк, сатанинское племя, злой (злобный) как цепной пёс,*

сатане в дядьки годится, злой как собака, сатана в юбке, чёрт в юбке, родного отца (мать) не пожалеет (не пощадит), жестокий как зверь.

Менее выраженные в плане экспрессии негативные черты человека – хладнокровие, жёсткость, чёрствость, бездушность – репрезентируются в составе фразеологизмов: манс. *МАНЬ СЫМ* ‘холодный, чёрствый человек (букв.: маленькое сердце)’, *СЫМЕ МӨТАН* ‘чёрствый человек (букв.: сердце=его другое)’, (*АКВТОП*) *СЫМ АТ ОНЬСИ* ‘злой человек (букв.: (будто) сердца не имеет)’, *КАНТ ХҮРЫГ* ‘1) злой, сердитый человек; 2) постоянно злой человек (букв.: мешок со злостью)’, *КАНТ ХУСАП* ‘1) злой, сердитый человек; 2) постоянно злой человек (букв.: короб со злостью)’, *КАНТЭ ЁТ ТОТЫГЛЫТЭ* ‘1) злой человек; 2) сердитый человек (букв.: зло=своё с собой носит)’, *КАНТЭ ЛЯПАТ ОНЬСИТЭ* ‘1) злой человек; 2) сердитый человек (букв.: зло=своё близко держит)’, *ПӨЛЯМ СЫМ* ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: холодное сердце)’, *СЫМЕТ АКВТОП ЯҢК ПОТАЛЫ* ‘жестокий, бессердечный (букв.: в сердце=его будто комок (кусочек) льда)’, *СЫМЕ АКВТОП ТЫПЫЛТАСТЭ* ‘равнодушный, чёрствый человек (букв.: сердце=своё будто потерял)’, *КАНТЫҢ ТАНВАРПЭКВА* ‘злая, сердитая женщина (букв.: злая Танварпэква)’, *СЫМЕ СОМА ХОТ-ХАССЫГТАВЕС* ‘чёрствый, равнодушный человек (букв.: сердце=его словно заплесневело)’, *СЫМЕ АКВТОП ТУВ ТОСАС* ‘равнодушный, чёрствый человек (букв.: сердце=его будто высохло)’, *ОСЫҢ СОВЫҢ ХӨТПА* ‘толстокожий, бесчувственный человек (букв.: с толстой кожей человек)»; рус. *без души, нет сердца, холодное сердце, ледяное сердце, каменное сердце, сердце мхом обросло, чёрная душа, чёрное сердце, чёрствая душа, чёрствое сердце, никому спуску не даёт.*

Образ коварного, подлого человека, притворяющегося добрым, прячущегося под маской кротости и способного к предательству, находит отражение в виде следующих ФЕ: манс. *ЛӘВЕ ТҮЙТНЭ ХӨТПА* ‘коварный человек

(букв.: ненависть скрывающий человек)', *хōтпа тōпалэ яныг* 'подлый человек (букв.: человек большой подлости)'; рус. *волк в овечьей шкуре, змея / змеюка / гадюка подколотная, гад ползучий, коварный (хитрый, злобный) как змея (змея)*.

Среди фразеологизмов можно выделить группу, характеризующую негативные действия по отношению к какому-либо субъекту, которые можно рассматривать как проявление жестокости, мстительности, вредности: манс. *тāн хартуңкве* 'причинять страдания (кому-либо) (букв.: сухожилия тянуть)', *тēлп аюңкве* 'причинять страдания (кому-либо) (букв.: кровь пить)', *сыме саватан ут* 'мучитель, приносящий кому-либо страдания человек (букв.: сердце=его мучающий некто)', *турын ёхтуптытэ* 'раздражает (кто-либо кого-либо) (букв.: до горла доводит)', *пōрим люли* 'действует на нервы (букв.: поперёк встаёт)'; рус. *вытягивать все жилы (из кого), выжимать соки (сок) (из кого), высасывать кровь (из кого), выматывать (вытягивать) (все) кишки, вставлять палки в колёса, выжимать пот (из кого), преградить дорогу (кому), держать камень за пазухой, подставлять ножку (кому, чему), портить всю обедню (кому), выводить из себя, трепать нервы, действовать на нервы, играть на нервах, портить кровь, пить кровь, стоять поперёк горла, затронуть за живое, дразнить гусей*.

Грубость, скверность человеческого характера проявляется в образах следующих ФЕ: манс. *āмп хольт олуңкве* 'постоянно ссориться (со всеми) (букв.: собаке подобно жить)', *āмп хольт пурхатуңкве* 'постоянно ссориться (со всеми) (букв.: собаке подобно кусаться)', *каргуңкв хаснэ ут* 'злой человек (букв.: рычать умеющий некто)', *пурхатнэ āмп* 'злой человек (букв.: кусающаяся собака)', *āкар хурипа* 'злой человек (букв.: овчарке подобный)', *күтјов хурипа* 'злой человек (букв.: собаке подобный)', *āхвтас сым* 'бессердечный, чёрствый человек (букв.: камень сердце)', *āмп вит хāлт олуңкве* 'жить в состоянии ссоры,

ругани с окружающими (букв.: среди воды (=мочи) собачьей жить)'; рус. *собачья душа, собачье отродье*.

Внешние проявления злобного характера человека описываются посредством следующих фразеологизмов: *самыг сюрхилтаңкве* 'злобно смотреть (с прищуром) (букв.: глаза (по-злomu) щурить)', *х̄армис самыл а̄ңкватаңкве (сунсуңкве)* 'злобно смотреть (букв.: бычьими глазами глядеть (смотреть))', *люль (кантың) самыл сунсуңкве (а̄ңкватаңкве)* 'злобно смотреть (букв.: плохими (злыми) глазами смотреть (взглянуть))', *самаге ӯлял с̄алэг (п̄асгег)* 'злобно глядит (кто-либо) (букв.: глаза=его огнём вспыхивают (капают))', *тэнэ-айнэ ут хольт сунсуңкве (а̄ңкватаңкве)* 'злобно, пожирающе смотреть (букв.: как пожирающее-пьющее существо смотреть (глядеть))', *самаге тэгыг-аег* 'злобно, с яростью смотрит (кто-либо) (букв.: глаза=его едят-пьют)', *амп хольт каргуңкве* 'злобно ругаться (букв.: собаке подобно рычать)'; рус. *бирюком (волком) смотрит (глядит), букой смотрит (глядит), смотрит (глядит) зверем, быком (бычком) смотрит (глядит), смотрит (глядит) чёртом (дьяволом, лешим)*.

В исследуемых языках имеется группа ФЕ, репрезентирующая тайное недоброжелательство по отношению к кому-либо, скрытую злобу. При этом имеется в виду, что субъект, испытывающий данные чувства и намерения, внешне их никак не проявляет, то есть ведёт себя по отношению к объекту неприязни неискренне, например: манс. *люль (кантың) номт оньсюңкве* 'иметь злой умысел (букв.: плохую (злую) мысль иметь)', *ла̄в туйтуңкве* 'иметь злой умысел (букв.: ненависть спрятать)', *кант оньсюңкве* 'иметь злой умысел (букв.: злость иметь)'; рус. *иметь зуб, держать камень за пазухой, держать зло, держать сердце, таить злобу, точить нож, точить зуб*.

Анализ ФЕ позволил установить, что существенная роль при репрезентации образа злого человека принадлежит *соматизмам* – 47,2% в мансийском и 35,2%

в русском языках. В состав исследуемых ФЕ входят следующие соматизмы: манс. *СЫМ* ‘сердце’, *МАЙТ* ‘печень’, *ВИЛЬТ* ‘лицо’, *САМ* ‘глаз’, *ЛАГЫЛ* ‘нога’, *ТАН* ‘сухожилие’, *ТЕЛП* ‘кровь’; рус. *сердце*, *душа*, *шкура*, *кишки*, *кровь*, *жилы*, *нога*. Универсальными соматическими компонентами являются *сердце*, *кровь*, *нога*.

В мансийской и русской ФКМ находят отражение продукты жизнедеятельности человека: манс. *АМП ВИТ ХАЛТ ОЛУЖКВЕ* ‘жить в состоянии ссоры, ругани с окружающими (букв.: среди воды (=мочи) собачьей жить)’; рус. *выжимать пот (из кого)*.

Наиболее продуктивными и частотными соматическими компонентами в мансийском языке являются соматизмы *СЫМ* ‘сердце’, *ВИЛЬТ* ‘лицо’ и *САМ* ‘глаз’, в русском – соматизмы *сердце* и *душа*, часто употребляемые в одном ряду.

Сердце в обеих ФКМ и *душа* в русском языке являются наиболее продуктивными и частотными соматическими компонентами, лежащими в основе образования СФЕ при представлении образа злого человека. Как символически маркированный компонент, данный соматизм входит в состав 14 СФЕ мансийского языка, что составляет 26,4% от общего числа. В русском языке выявлено 8 СФЕ с компонентом *сердце* и 5 СФЕ с компонентом *душа*, что составляет 14,8% и 9,3% от общего числа. В мансийском языке фразеологизмов с лексемой *душа* не обнаружено.

Сердце во ФКМ манси, а также *сердце* и *душа* в русской ФКМ при описании образа злого человека обладают физическими свойствами (температурой, размером), представляются созданными из различных материалов с определёнными характеристиками и качествами.

В обоих языках *сердце* наделяется отрицательной температурной характеристикой: манс. *ПОЛЯМ СЫМ* ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: холодное сердце)’, *СЫМЕТ (АКВТОП) ЯНЖ ПОТАЛЫ* ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: в сердце=его (будто) комок (кусочек) льда)’; рус. *холодное сердце*, *ледяное сердце*.

Во ФКМ мансийского языка *сердце* обладает маленьким размером: *мāнь сым* ‘холодный, чёрствый человек (букв.: маленькое сердце)’. В русском языке ФЕ, описывающих маленький размер *сердца* или *души* злого человека, не обнаружено.

Сердце бессердечного, жестокого человека может быть определено через материал, из которого оно создано. Как правило, это твёрдый, холодный, прочный материал. В мансийском языке это *камень, лёд и железо: āхвтас сым* ‘бессердечный, чёрствый (букв.: каменное сердце)’, *сымет аквтоп я́нк (āхвтас, тёр) поталы* ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: в сердце=его будто комок (кусочек) льда (камня, железа)’, *тёр сым* ‘злой, жестокий человек (букв.: железо сердце)’. В русском языке сравнения *сердца* с металлами не обнаружено, но при этом присутствует сравнение с *камнем и льдом: каменное сердце, ледяное сердце*. Наделение *сердца* подобными характеристиками указывает на холодность, бездушность, неспособность человека к сопереживанию, сочувствию. К данным ФЕ может быть отнесён фразеологизм *сердце мхом обросло*, семантика которого подразумевает, в том числе, что в его основе, усиленной сочетанием *мхом обросло*, скрывается образ *камня или дерева*.

В сопоставляемых языках универсально отмечается наделение злого человека *сердцем* чёрного цвета: манс. *сэмыл сымпа* ‘злой человек, злодей (букв.: чёрное сердце имеющий)’; рус. *чёрное сердце*. В русском языке *злой человек* представлен также ФЕ *чёрная душа*.

Образ злого человека может быть репрезентирован посредством отсутствия *сердца* (а также отсутствия *души* в русском языке): манс. *сымтāl-мāйттāl* ‘бессердечный, жестокий человек (букв.: без сердца-печени)’, (*аквтоп*) *сым ат о́ньси* ‘злой (букв.: как будто сердца нет)’; рус. *нет сердца, без души*. В обеих ФКМ образное отсутствие сердца / души выражает отсутствие способности человека чувствовать, ощущать, испытывать эмоции.

В мансийском и русском языках обнаруживается значительное число фразеологизмов с соматизмом *сердце*, совпадающих по компонентному составу и общей оценке, отличающихся в некоторых случаях в оттенках чувств, выражаемых ими.

В основе образов мансийских *тѣлл аюңкве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: кровь пить)’, *тāн хартуңкве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: сухожилия тянуть)’ и соответствующих им русских ФЕ *высасывать кровь* и *вытягивать жилы* лежат древнейшие архетипические оппозиции «духовное – телесное», «власть – подчинение», «жизнь – смерть». Мансийские глагольные компоненты данных ФЕ *аюңкве* ‘пить’, *хартуңкве* ‘тянуть’ и эквивалентные им русские *высасывать*, *вытягивать* соотносятся с антропным кодом культуры, а компоненты *кровь* и *жилы* – с соматическим. В русском языке подобное значение имеют ФЕ *выжимать соки (сок) (из кого)*, *выматывать (вытягивать) (все) кишки, драть шкуру, выжимать пот (из кого)*.

Мансийская ФЕ *лāгыл нѣл тальхыл ёл ваңкласаптуңкве вѣрми* ‘подлый человек (букв.: ноги кончиком носка уронить может)’ и его русский фразеологический аналог *подставлять ножку* отображают представление о ноге как препятствии, мешающем человеку осуществить какое-либо дело. Данные ФЕ отображают стереотипное представление о тайном и намеренном нанесении кому-либо вреда, о стремлении помешать в каком-либо деле недобросовестными средствами, что в духовном КК оценивается негативно. Подобным значением в русском языке обладают ФЕ *преградить дорогу (кому)*, *вставлять палки в колёса, портить всю обедню (кому)*, *держат камень за пазухой*.

Особое место в мансийской ФКМ наряду с соматическим компонентом *СЫМ* ‘сердце’ занимает соматизм *мāйт* ‘печень’. Печень у манси считается органом, через который выражаются некоторые душевные качества и эмоциональные состояния человека, например: *мāйтум ул пувтэлн* ‘не делай мне больно (букв.: печень=мою не коли)’, *кантэ мāйтын ёхтыс* ‘сильно злится, свирепеет

(кто-либо) (букв.: злость=его до печени дошла)’ и др. На Руси печень некогда считалась «вместилищем жизненной силы»⁹, что находит отражение во ФЕ *сидеть в печёнках*, что буквально означает ‘отравлять жизнь, мешать жизни’.

Соматизм *ВЙЛЬТ* ‘лицо’ в составе мансийских ФЕ выступает репрезентантом психоэмоционального состояния человека: его чувств, эмоций, настроения. В отличие от внутренних органов (сердце, печень), лицо является открытой частью тела человека, доступной прямому наблюдению. Ключевую позицию в усилении семантики ФЕ с соматизмом *ВЙЛЬТ* ‘лицо’ занимают компоненты *СЭМЫЛ* ‘чёрный’, *ТЁРЫҢ* ‘железный’ и *АМП* ‘собачий’. Здесь имеет место цветовая символика, поскольку в традиционной культуре манси, как и во многих других, *чёрный* цвет ассоциируется с плохим началом, символизирует отрицательные явления; символика *железа* – с холодным, твёрдым, тяжело поддающимся воздействию материалом; символика *собаки* – с носителем негативных качеств (грубости, озлобленности, злости).

Важное место на лице человека занимают *глаза*. Они особенно точно передают внутреннее состояние, о чём гласит известная русская поговорка «глаза – зеркало души». Данный соматизм в мансийском языке активно используется в составе ФЕ при описании внешнего вида человека, находящегося в состоянии гнева, ярости: *ЛЮЛЬ (КАНТЫҢ) САМЫЛ СУНСУҢКВЕ (АҢКВАТАҢКВЕ)* ‘злобно смотреть (букв.: плохими (злыми) глазами смотреть (глядеть)’, *САМАГЕ ТЭГЫГ-АЁГ* ‘злобно, с яростью смотрит (къл-либо) (букв.: глаза=его едят-пьют)’, *САМАГЕ УЛЯЛ СĀЛĒГ (ПĀСГĒГ)* ‘злобно глядит (кто-либо) (букв.: глаза=его огнём вспыхивают (капают)’, *САМЫГ СЮРХИЛТАҢКВЕ* ‘злобно смотреть (с прищуром) (букв.: глаза (по-злому) щурить)’, *ХĀРМИС САМЫЛ АҢКВАТАҢКВЕ (СУНСУҢКВЕ)* ‘злобно смотреть (букв.: бычьими глазами глядеть (смотреть)’. В русском языке фразеологизмы при

---

⁹ История Крылатых выражений от «А» до «Я». URL: <http://studepedia.org/index.php?vol=2&post=41592> (дата обращения: 12.01.2019).

описании выражения глаз *злого* человека или взгляда человека, находящего в состоянии злости, не содержат соматических компонентов: *волком смотрит (глядит)*, *бирюком смотрит (глядит)*, *смотрит (глядит) зверем*, *букой смотрит (глядит)*, *быком (бычком) смотрит (глядит)*, *смотреть ежом*, *смотрит (глядит) чёртом (дьяволом, лешим)*, *смотреть исподлобья*. В данных ФЕ присутствует указание на неприязнь, враждебное, недружелюбное отношение к кому-либо, проявляющееся во взгляде, ср. *тЭНЭ-айнЭ ут хольт сунсуҥкве (āҥкватаҥкве)* ‘злобно, пожирающе глядеть (смотреть) (букв.: как пожирающее-пьющее существо глядеть (смотреть))’.

Следующими важными лексическими компонентами, участвующими в образовании ФЕ, описывающих образ злого человека, являются наименования *религиозно-мифологических* и *фольклорных* персонажей. В мансийском языке выявлены фразеологизмы с компонентом *Куль*, где *Куль (Куль-Отыр)* – имя высшего бога в пантеоне Нижнего мира манси: *тЭНЭ-айнЭ Куль* ‘злодей, тиран, деспот (букв.: пожирающий-пьющий Куль)’, *Куль наер āги* ‘злая женщина (девушка) (букв.: Куля духа дочь)’, *Кулиг ёмтыс* ‘рассвирепел (кто-либо) (букв.: Кулем стал)’. *Куль-Отыр (Хуль-Отыр* [Иванова 2009: 37]) в мансийской мифологии является властителем загробного мира, а также злых духов-приспешников – *кулей (хулей)* и болезней, проникающих на землю из преисподней. Он является антиподом и в то же время младшим братом (иногда – сыном) *Нуми-Торум’а* и должен подчиняться высшему богу, ибо даже болезни и смерть существуют по повелению высшего бога, чтобы население земного мира не умножалось слишком быстро.

В образе ФЕ *куль хурипа* ‘злой, лютый человек (букв.: кулю подобный)’ *куль* является наименованием злых духов, подчиняемых *Куль-Отыр’у* и являющимися персонажами низшей мифологии манси. *Кули* в мансийской мифологии для манси представляются врагами человека, являющимися собой

большую опасность, которая проявляется не столько в наличии у них сверхъестественных сил, сколько в виде злобных проделок, совершаемых ими. Считается, что *кули* населяют леса и источники (*Вит-куль*), наделены обликом собаки или могут иметь собачью голову. Поверья о них близки и сходны с христианскими поверьями о *чёрте*, образ которого воплощен во ФЕ *злой как чёрт, чёрт в юбке, смотрит (глядит) чёртом*. Согласно славянской мифологии *чёрт*, как и *куль* в мансийской, является злым духом и в сознании носителей русского языка представляет собой угрозу, воплощение злых сил. *Чёрт* является одним из самых популярных персонажей народной демонологии славян. В нём смешались христианские представления о *дьяволе* – враге человеческого рода, сверженного Богом в начале времён с небес в преисподнюю, и древнейшие языческие верования о демонах и духах, населяющих мир, ср. ФЕ *дьявольское отродье, смотрит (глядит) дьяволом*. В мансийском языке в результате заимствования лексемы *дьявол* возникли ФЕ *КАНТЫҢ ЯВОЛ* ‘1) злодей, негодяй; 2) разъярённый, злой человек (букв.: злой дьявол)’, *ХОМЫЛ ЯВОЛ* ‘1) злодей, негодяй; 2) разъярённый, злой человек (букв.: ничтожный дьявол)’.

В религиозных представлениях русского народа олицетворением зла на земле является *сатана* – главный противник небесных сил, толкающий человека на путь духовной гибели. В русском языке данная лексема находит отражение посредством ФЕ *сатане в дядьки годится, сатанинское племя, сатана в юбке*. Также для описания образа злого человека используется ФЕ *иродова душа* по имени царя Иудеи Ирода.

В мансийском языке существует устойчивое выражение, содержащее в составе имя злой мифологической колдуньи *Тāнвāрпāкв’ы: кантыҢ Тāнвāрпāква* ‘злая, сердитая женщина (букв.: злая Танварпэква)’. По представлениям манси, *Тāнвāрпāква* (букв.: нити плетущая женщина) является злой колдуньей или ведьмой, плетёт нити из сухожилий живых щенков, а также может убить человека, защекодав его до смерти. В русском фольклоре

существует известный персонаж сказочной мифологии *Баба-яга* (*баба-яга*), подобный *Т̄анв̄арп̄экв*'е, являющийся фразеологизмом.

В русском языке при описании образа злого, угрюмого, мрачного и необщительного человека зафиксированы наименования двух славянских мифологических персонажей – *бука* и *леший*: *букой смотрит* (*глядит*), *смотрит* (*глядит*) *лешим*, где *букой* является подвид домового, которым пугают маленьких детей, а *лешим* – дух-хозяин леса.

Таким образом, общекультурным религиозно-мифологическим образом при представлении образа злого человека в мансийской и русской ФКМ является *дьявол*.

Анализ ФЕ позволил выявить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов. Так, *зооморфная* метафора в языках обнаруживается в виде ФЕ, имеющих в составе зоонимы: манс. *āкар* ‘овчарка’, *āмп* ‘собака’, *к̄үт̄юв* ‘собака’, *т̄ул̄мах* ‘росомаха’, *х̄ар̄мис* ‘бык’, *хом̄лах* ‘жук-стригун’; рус. *собака*, *пёс*, *волк* (*бирюк*), *овца*, *змея* (*змей*, *змеюка*, *гад*), *гадюка*, *зверь*, *хорёк*, *бык*, *ёж*.

Фразеологизмы, имеющие в составе лексем-зоонимы, представлены значительным числом – 30,2% в мансийском и 35,2% в русском языках. Самым частотным в мансийском языке является зооним *собака*, номинируемый посредством лексем *āмп* ‘собака’, *к̄үт̄юв* ‘собака’, *āкар* ‘овчарка’. Образ собаки присутствует и в составе фразеологизмов *кар̄гӯн̄кв хаснэ ут* ‘злой (букв.: некто, умеющий рычать)’, *кар̄гы̄н̄ ут* ‘злой (букв.: рычащий некто)’ и др.

Символом необузданной грубой силы, мощи, а также для описания внешнего проявления злобы является *бык*. *Жук-стригун* ассоциируется со злом в связи с поверьем, что если он запутывается в волосах человека, то совершает *ӯрас в̄ар̄нут* – плохое предзнаменование (букв.: напасти делающее). Символом коварства и хитрости у манси является *росомаха*.

В русском языке наиболее частотными являются зоонимы *собака* и *волк*. Жестокость человека находит отражение в виде ФЕ, имеющих в составе компонент *зверь*. Хищный, жестокий человек уподобляется *хорьку*, а внешнее проявление злости описывается фразеологизмами с зоонимическими компонентами *волк (бирюк)*, *бык (бычок)*, *зверь*, *ёж*. Символом злости, коварства и хитрости, по представлению русского народа, является *змея*. В мансийском языке *ялпың уй* ‘змея (букв.: священное животное)’ считается священным животным, поэтому использование данного зоонима находится под запретом.

Универсальное, общечеловеческое мировидение манси и русских, таким образом, присутствует во фразеологизмах с зоонимом *собака*. Именно собака является наиболее распространённым домашним животным в повседневной жизни как мансийского, так и русского человека. Издавна считаясь, с одной стороны, другом человека, с другой стороны, она выступает как носитель негативных качеств, прежде всего злости и грубости. Универсальным при описании злого человека в сопоставляемых языках является также зоонимический компонент *бык* как носитель грубой, неконтролируемой силы, необузданной мощи, а также как символ внешнего проявления злобы, ярости.

Наряду с общекультурными выявлены национально-культурные зоонимические компоненты. В мансийском языке это *росомаха* и *жук-стригун*, в русском – *волк (бирюк)*, *змея (гад, гадюка, змей)*, *хорёк*, *ёж*.

В мансийском языке во ФЕ, имеющих в составе зооним, принимает участие меньшее количество наименований животных. Объяснение этому можно обнаружить в основанных на анимизме традиционных представлениях народа, согласно которым большое количество животных, птиц, насекомых, являются священными, в связи с чем возникают запреты на использование их образов, формируются различные варианты их почитания и культы.

Фитоморфная метафора в языках реализуется посредством следующих ФЕ: манс. *СЫМЕ СОМА ХОТ-ХАССЫГТАВЕС* ‘чёрствый, равнодушный человек (букв.: сердце=его заплесневело)’; рус. *сердце мхом обросло*.

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*, находит отражение в образах следующих ФЕ: манс. *ТЁРЫҢ ВЙЛЬТ* ‘злой, жестокий человек (букв.: железное лицо)’, *ТЁР СЫМ* ‘злой, жестокий человек (букв.: железо сердце)’, *СЫМЕТ (АКВТОП) ЯҢК ПОТАЛЫ* ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: в сердце=его (будто) комок (кусочек) льда)’, *АХВТАС СЫМ* ‘бессердечный, чёрствый человек (букв.: каменное сердце)’, *САМАГЕ УЛЯЛ СЌЛЭГ (ПЌСГЕГ)* ‘злобно глядит (кто-либо) (букв.: глаза=его огнём вспыхивают (капают)’; рус. *каменное сердце, ледяное сердце, держать камень за пазухой, преградить дорогу (кому)*.

В мансийском языке компоненты неживой природы относятся к следующим семантическим группам: *физические явления* (уля ‘огонь’), *вещества, материалы* (тёр ‘железо’), *состояния веществ* (яҢк ‘лёд’), *природные объекты* (ахвтас ‘камень’); в русском – к семантическим группам: *состояния вещества* (лёд), *природные объекты* (камень), *ландшафт* (дорога). В рамках данного вида метафоры общекультурными являются образы *камня* и *льда*.

В сопоставляемых языках находит отражение *артефактная* метафора: манс. *КАНТ ХҮРЫГ* ‘1) злой, сердитый человек; 2) постоянно злой человек (букв.: мешок со злостью)’, *КАНТ ХУСАП* ‘злой (букв.: коробка со злом)’, *СЫМТЌЛ-МЌЙТЌЛ МЌЛАҢ* ‘бессердечный, жестокий человек (букв.: без сердца-печени чучело)’; рус. *сатана в юбке, вставлять палки в колёса*. Для репрезентации образа злого человека использованы следующие артефакты: манс. *ХҮРЫГ* ‘мешок’, *ХУСАП* ‘коробка’, *МЌЛАҢ* ‘чучело’; рус. *палка, колесо, юбка*. Универсально они представляют собой предметы, связанные с хозяйственным бытом, в русском языке также с одеждой.

Универсально в системе ФЕ, описывающих образ злого человека, присутствует символика пространства, реализуемая в виде *пространственной* метафоры: манс. *ла̄гыл нёл тальхыл ёл ва̄нкласаптӯнкве вёрми* ‘подлый человек (букв.: ноги кончиком носка уронить может)’; рус. *подставлять ножку (кому, чему), преградить дорогу (кому)*.

Антропоморфная метафора находит отражение в следующих ФЕ: манс. *кантэ ляпат о̄ньситэ* ‘1) злой человек; 2) сердитый человек (букв.: зло=своё близко держит)’, *ся̄не-а̄се ат са̄литы* ‘жестокий человек (букв.: мать-отца не жалеет)’, *та̄н хартӯнкве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: сухожилия тянуть)’, *те̄лп аю̄нкве* ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: кровь пить) и др.’; рус. *родного отца (мать) не пожалеет (не пощадит), сатане в дядьки годится, чёрт в юбке, выматывать (вытягивать) (все) кишки, вытягивать все жилы, высасывать кровь*.

В обоих языках выявлена *гастрономическая* метафора: манс. *тэ̄нэ-айнэ Куль* ‘злодей, тиран, деспот (букв.: пожирающий-пьющий Куль)’, *самаге тэ̄гыг-а̄ег* ‘злобно, с яростью смотрит (кто-либо) (букв.: глаза=его едят-пьют)’, *тэ̄нэ-айнэ ут хольт сунсӯнкве (а̄нквата̄нкве)* ‘злобно, пожирающе смотреть (букв.: как пожирающее-пьющее существо смотреть (глядеть)’; рус. *портить всю обедню (кому), высасывать кровь, выжимать соки (сок) (из кого)*.

Общекультурной при вербализации образа злого человека является *цветовая* метафора: манс. *сэ̄мыл вильтӯп* ‘злой человек, злодей (букв.: чёрное лицо имеющий)’, *сэ̄мыл симпа* ‘злой человек, злодей (букв.: чёрное сердце имеющий)’; рус. *чёрная душа, чёрное сердце*.

В обеих ФКМ выявлена концептуальная метафора *вместилища*: манс. *сымет (аквтоп) я̄нк поталы* ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: в сердце=его (будто) комок (кусок) льда)’, *кант хӯрыг* ‘1) злой, сердитый

человек; 2) постоянно злой человек (букв.: мешок со злостью)' и др.; рус. *волк в овечьей шкуре, вставлять палки в колёса, чёрт в юбке, сатана в юбке*.

Фразеологический материал демонстрирует, что в мансийской и русской ФКМ при представлении образа *злого* человека выделяются гендерно маркированные ФЕ. Так, в мансийском языке злой характер женщины описывается посредством фразеологизмов, содержащих зооним *āмп* 'собака' и имена мифологических персонажей: *āмп āги* 'злая женщина (букв.: собачья дочь)', *Куль наер āги* 'злая женщина (девушка) (букв.: Куля духа дочь)', *КАНТЫН Тāнвāрпэквa* 'злая, сердитая женщина (букв.: злая Танварпэквa)'. Злой характер мужчины также представлен ФЕ с зоонимическим компонентом *āмп* 'собака': *āмп пыг* 'злой мужчина (букв.: собачий сын)'

В русском языке гендерно маркированными при репрезентации злого характера женщины являются ФЕ *Баба-яга (баба-яга), сатана в юбке, чёрт в юбке*. Для описания образа *злого* мужчины используется фразеологизм, содержащий зооним *пёс*: *злой (злбный) как цепной пёс*.

В обеих ФКМ наблюдается гендерная асимметрия в сторону превалирования ФЕ, называющих лиц женского пола, а также зафиксированы ФЕ, в состав которых входят феминные антропонимы (*Тāнвāрпэквa*, *Баба-яга*). Таким образом, женщина в обеих лингвокультурах выступает объектом маскулинной номинации: именно мужчине отводится более активная роль в лингвокреативной деятельности. Общекультурным в составе гендерно маркированных ФЕ является зооним *собака*.

Наиболее частотными в мансийском и русском языках при репрезентации образа злого человека являются субстантивные и адъективные ФЕ.

В стержневой позиции выделенные субстантивные ФЕ имеют большое разнообразие лексем: манс. *СЫМ* 'сердце', *МАЙТ* 'печень', *ТāН* 'сухожилие', *ТĒЛП* 'кровь', *САМ* 'глаз', *ВЙЛЬТ* 'лицо', *ЛāГЫЛ* 'нога', *НĒЛ ТАЛИХ* 'кончик ноги', *āкар*

‘овчарка’, *āмп* ‘собака’, *кўтюв* ‘собака’, *хомлах* ‘жук-стригун’, *тулма* ‘росомаха’, *хāрмис* ‘бык’, *ут* ‘существо (некое)’, *хōтпа* ‘человек’, *аңка* ‘мать’, *сянь* ‘мать’, *āсь* ‘отец’, *āги* ‘дочь’, *пыг* ‘сын’, *Тāнвāрпэквa* ‘Танварпэква’, *Куль* ‘Куль’, *явол* ‘дьявол’, *хола* ‘мертвец’, *уля* ‘огонь’, *тёр* ‘железо’, *яңк поталы* ‘комоч (кусоч) льда’, *āхвтас* ‘камень’, *хурьыг* ‘мешок’, *хусап* ‘коробка’, *мōлаң* ‘чучело’, *кант* ‘зло’, *лав* ‘злость’, *тōпал* ‘подлость’; рус. *сердце, душа, нога, шкура, кишки, кровь, жила, пот, собака, волк, бирюк, зверь, хорёк, пёс, змей, змея, змеюка, гадюка, гад, ёж, бык, отец, мать, брат, дядька, баба, племя, отродье, исчадие, сатана, чёрт, дьявол, леший, бука, ад, мох, юбка, палка, колесо, сок, камень, пазуха, обедня, дорога*. Имена существительные *сым* – *сердце, тёлп* – *кровь, лāгыл* – *нога, āмп* – *собака, хāрмис* – *бык, аңка* – *мать, āсь* – *отец, явол* – *дьявол, āхвтас* – *камень* являются лингвокультурными универсалиями.

Значительная часть исследуемых ФЕ является *адъективными*. В составе данных ФЕ используются следующие имена прилагательные: *āмп* ‘собачий’, *хāрмис* ‘бычий’, *кантың* ‘злой’, *люль* ‘плохой’, *пōлям* ‘холодный’, *тёрың* ‘железный’, *āхвтас* ‘каменный’, *сэмыл* ‘чёрный’, *мōтан* ‘другой’, *мāнь* ‘маленький’, *яныг* ‘большой’; рус. *собачий, волчий, бешеный, овечий, подколодный, ползучий, злой, злобный, жестокий, коварный, хитрый, свирепый, лютый, холодный, каменный, ледяной, чёрный, чёрствый, дьявольский, иродов, сатанинский*. Имена прилагательные *āмп* – *собачий, кантың* – *злой, пōлям* – *холодный, āхвтас* – *каменный, сэмыл* – *чёрный* являются лингвокультурными универсалиями.

Рассмотренный фразеологический материал позволил составить приблизительный портрет злого человека в мансийской и русской ФКМ. Согласно универсальным представлениям манси и русских, злым является человек, у которого нет сердца, равнодушно и холодно относящийся к людям и, в целом,

к окружающему миру. Представляется, что злой человек имеет дурные помыслы и намерения и может совершать по отношению к окружающим действия, направленные на изнурение, истощение их душевных или физических сил, что может причинять им нестерпимую боль и сильные мучения, при этом подобные действия могут быть направлены даже на самых ближайших родственников. Злой человек в обеих ФКМ обладает качествами различных животных – хищных и домашних. По представлениям манси и русских, жестокий, бессердечный человек обладает каменным, холодным или ледяным сердцем и не способен к проявлению каких-либо добрых чувств или эмоций. Семантика ФЕ позволяет отметить, что злой человек находится в состоянии вражды, ссоры с окружающими, что чаще фиксируется в мансийской ФКМ. Для русской ФКМ характерной является вербализация образа злого человека, наделённого хитростью и коварством.

Таким образом, исследуемые ФКМ имеют поликодовый характер и универсально связаны с антропным, духовным, соматическим, цветовым, природным, фитоморфным, зооморфным, пространственным, гастрономическим, артефактивным, мифологическим КК, при этом в обеих ФКМ отмечается тяготение к зооморфному и мифологическому КК.

Общечеловеческое мировидение при репрезентации образа злого человека выявляется посредством соматических компонентов *сердце, кровь, сухожилие, нога*. Наиболее продуктивным и частотным соматическим компонентом в обоих языках является *СЫМ* – *сердце*, а также *душа* в русском языке, при этом *сердце* универсально представляется *ПӖЛЯМ* – *холодным*, *ӀХВТАС* – *каменным* и *СӔМЫЛ* – *чёрным*. В мансийском языке понятие *душа* не находит отражения в составе фразеологизмов, репрезентирующих образ злого человека.

Значительным числом в обоих языках представлены фразеологизмы, имеющие в составе лексемы-зоонимы. Зооморфная метафора обнаруживается в виде ФЕ, имеющих в составе следующие зоонимы: манс. *ӓкар* ‘овчарка’, *ӓмп*

‘собака’, *кўтјов* ‘собака’, *тулмах* ‘росомаха’, *хърмис* ‘бык’, *хомлах* ‘жук-стригун’; рус. *собака*, *пёс*, *волк* (*бирюк*), *змея* (*змей*, *змеюка*, *гад*), *гадюка*, *зверь*, *хорёк*, *бык*, *ёж*. Универсальными являются зоонимы *āмп* – *собака*, *хърмис* – *бык*.

Общечеловеческое мировидение при репрезентации образа злого человека выявляется также посредством лексем *āхвтас* – *камень*, *яңк* – *лёд*, *явол* – *дьявол* и символики *чёрного* цвета.

Наиболее многочисленными базовыми лексемами-репрезентантами являются: манс. *сым* ‘сердце’ (26,4%), *āмп* ‘собака’, *кўтјов* ‘собака’ и *āкар* ‘овчарка’ (20%), *кант* ‘злоба (злость)’ и *кантиң* ‘злобный (злой)’ (15,1%); рус. *сердце* (14,8%), *злой* (*злобный*) и *душа* (по 9,3%), *волк* и *собака* (по 7,4%).

Анализ семантических характеристик ФЕ мансийского и русского языков выявил все четыре класса межъязыковых соответствий, среди которых четыре полных и семь частичных эквивалентов. Примерно в одинаковом соотношении представлены классы фразеологических аналогов и безэквивалентных ФЕ.

2.2. Фразеологическое представление умственных способностей человека¹⁰

Общий корпус мансийских фразеологизмов, описывающих умственные способности человека, составляет **54** ФЕ, из них **43** репрезентирует глупого и **11** – умного человека. В русском языке корпус исследования составляет **79** ФЕ, из которых **64** являются средствами представления образа глупого и **15** – образа умного человека. Ввиду небольшого числа фразеологизмов, репрезентирующих образ *умного* человека, национально-культурная специфика ФЕ, описывающих умственные способности человека, рассматривается в дихотомии *глупый* – *умный*.

¹⁰ В данном параграфе частично использованы материалы автора диссертации из статьи: Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии мансийского и русского языков (на примере фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств человека) // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8. – №2. – С. 229–248. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/dinislamova_o_yu_0.pdf.

Интеллектуальная сфера мансийского языка находит выражение посредством следующих лексем: *НОМТ* ‘память, мысль, ум, смысл’ [СМРРМ 1982: 72], *сāйт* ‘толк’ [Там же: 105], *НОМТЫҢ* ‘умный’ [Там же: 72], *сāйтыҥ* ‘толковый’, *ОССАМ* ‘глупый, глупость’ [Там же: 80], *сāйттал* ‘бестолковый’ [Там же: 105].

Лексема *НОМТ* используется для выражения познавательной способности и её функционирования, для описания определённых способностей человека, связанных с умственно-мыслительной деятельностью, т. е. воспринимается как интеллектуально-мыслительная способность.

Лексема *сāйт* не имеет однозначного толкования, на русский язык переводится как ‘толк’ [РМС 2005: 105]; ‘чувство, ощущение’ [Чернецов 1936: 95]; ‘чувство’ [Баландин 1958: 97]. Информанты считают данную лексему многозначной и дают следующие переводы: *разумность, сообразительность, сознательность* (М. Т. Двинянинова); *разумность, смышлённость, толк* (В. С. Иванова); *чувствительность, сознательность, сознание* (Л. Н. Панченко); *толк, сознательность, осознанность, осознание, сознание* (С. С. Динисламова), *осознанность, знание, понимание, сознание* (М. В. Кумаева). Представленные толкования могут свидетельствовать о том, что лексема *сāйт* помимо обозначения интеллектуально-мыслительной способности, номинирует *умственное развитие* человека, наличие у него сформировавшихся знаний, необходимых при достижении определённого возраста, например: *Няврам номтыҥ-сāйтыҥыҥ ёмтыс* ‘Ребёнок повзрослел (букв.: Ребёнок умным-соображающим стал)’; *Ойка-капай номтэ-сāйтэ тыпылтаҥкве патыс* ‘Дед стал глупеть (букв.: Дед ум-соображение терять начал)’.

Многозначность лексем, заключающих в своём содержании понятия ментальной сферы, позволяет предположить, что в их значении заложена духовность. Данные единицы, отличаясь ценностным статусом, занимают особое

место в мансийской ЯКМ, лексема *НОМТ* при этом рассматривается как высшая интеллектуально-мыслительная способность человека.

Интеллектуальная сфера русского языка находит воплощение посредством следующих лексем: *ум, интеллект, разум, мышление, мысль, рассудок, сознание; умный, разумный, толковый, благоразумный, смыслённый, рассудительный, соображающий, мудрый, понятливый, сметливый, мыслящий, здравомыслящий, сообразительный, башковитый; глупость, безумие, безрассудство, бессмыслие, неразумие, полоумие, скудоумие, слабоумие, тупость, наивность; глупый, безумный, безрассудный, бестолковый, безмозглый, безголовый, пустоголовый, непонятливый, тупой, несмышленный, недогадливый, неразумный, недалекий, ограниченный, простоватый, полоумный, придурковатый, слабоумный, скудоумный* и др.

В словарях встречается различное значение лексемы *глупый*: 1) «имеющий ограниченные умственные способности, несообразительный, бестолковый» [Ожегов, Шведова 1999: 133]; 2) «умственно ограниченный, неумный; недогадливый, несообразительный, бестолковый; несведущий, наивный» [НСРЯ 2001: 315]; 3) «имеющий ограниченные умственные способности, несообразительный, бестолковый» [Ушаков 2009: 116]. Лексема *умный* толкуется следующим образом: 1) «обладающий умом, выражающий ум» [Ожегов, Шведова 1999: 833]; 2) «тот, кто обладает хорошим, ясным умом; достаточно толковый человек» [НСРЯ 2001а: 856]; 3) «обладающий умом, весьма толковый» [Ушаков 2009: 866].

Проникнуть в онтологическую сущность, структурировать содержание данных понятий представляется возможным при обращении к описывающим их фразеологизмам.

Т. В. Леонтьева пишет, что «умные и, в большей степени, глупые люди получают множество наименований, поскольку процесс их названия всегда сопряжён с известным всплеском эмоций» [Леонтьева 2008: 3]. Высокая степень экспрессии потому и обусловила привлечение огромного количества образов для

выражения ограниченного числа смыслов: «Интеллектуальная деятельность человека является одной из тех сфер процессуально-событийного мира, которые “притягивают” к себе значительное количество метафор, обладающих в плане ассоциативно-образных связей большой центростремительной силой» [Воронина 2000: 298].

Проводя параллели между объектами интеллектуальной сферы и предметами (их свойствами, действиями) из других областей действительности, носитель языка, таким образом, при помощи языка «овеществляет бесплотное – делает чувственно воспринимаемыми ум, уровень интеллекта, размышление, мысль, понимание, знание, глупость, безумие, необразованность и многие другие объекты идеального мира» [Леонтьева 2008: 4].

Наличие или отсутствие ума универсально ассоциируется прежде всего с *головой* (также с *башкой* в русской ФКМ), что представляется закономерным, поскольку мыслительная деятельность человека всегда связана с *мозгом*, который локализован в соответствующей области человеческого тела. В мансийском и русском языках образ глупого человека находит отражение в виде следующих ФЕ: манс. *аквтоп пу҅ктӓл* ‘глупый (букв.: будто безголовый)’, *асы҅н пу҅к* ‘1) забывчивый человек; 2) глупый человек (букв.: дырявая голова)’, *пу҅к пӓнтсылэ (аквтоп) ййв поталы* ‘глупый, несообразительный человек (букв.: вместо головы (будто) кусок дерева (полено)’, *пу҅кет мось ат товылхаты* ‘слабоумный человек (букв.: в голове=его немного не хватает)’, *пу҅к пӓнтсылэ (аквтоп) тӓтыл тӓр пӓт* ‘глупый, тупой человек (букв.: вместо головы (будто) пустой железный котёл)’, *пу҅ке (аквтоп) а҅хвтасыл тохрувес* ‘глупый, несообразительный человек (букв.: голову=его (будто) камнями набили)’, *пу҅ктӓл а҅лн* ‘глупый человек (букв.: безголовый таймень)’, *пу҅ке ат рӓпиты* ‘глупый, несообразительный человек (букв.: голова=его не работает)’, *пу҅ке лӓль* ‘глупый человек; дурак, тронутый (букв.: голова=его плохая)’, *пу҅ке*

тыпылтастэ ‘глупый человек (букв.: голову=свою потерял)’, *пуңкет вѳт вѳтгасьлы* ‘легкомысленный, несерьёзный, глупый (букв.: в голове=его ветер дует)’, *пуңктāl-номттāl* ‘глупый человек (букв.: без головы-без ума)’, *пуңке тāра вѳтаве* ‘глупый, рассеянный человек (букв.: голову=его насквозь продувает)’, *марави пуңкуп* ‘глупый человек (букв.: с непроходимой (не воспринимающей) головой)’, *пуңкет вѳт вѳты (яласы)* ‘легкомысленный, несерьёзный, глупый человек (букв.: в голове=его ветер дует (гуляет)’, *сиськурек пуңк* ‘глупый человек (букв.: куриная голова)’, *тāтыл пуңк* ‘глупый, тупой человек (букв.: пустая голова)’, *пāлсāйтуп пуңк* ‘глупый, тупой человек (букв.: с половиной соображения (ума) голова)’, *пуңке пасапам* ‘глупый человек (букв.: голова=его продырявилась (прохудилась)’; рус. *баранья голова, без головы, бесталанная голова, ветер в голове (гуляет), винтиков в голове не хватает, голова два уха, голова еловая, голова мякиной (соломой) набита, голова садовая, дурная (дурья) голова, дырявая голова, ежовая голова, каша в голове, мякинная голова, пустая голова, со сквозняком в голове, худая голова, чугунная голова, опилки в голове, пороха не выдумает, звёзд с неба не хватает, голова не варит, с головой не дружит, без царя в голове, дубовая башка (голова), куриная башка, балда осиновая, Балда Ивановна.*

Образ умного человека в сопоставляемых языках представлен посредством ФЕ: манс. *посың пуңк* ‘умный человек (букв.: светлая голова)’, *пуңкен тāра паты* ‘умный, сообразительный человек (букв.: в голову=его сразу падает)’, *пуңкың хѳтпа* ‘умный человек (букв.: с головой человек)’, *пуңке ёмас* ‘умный, сообразительный человек (букв.: голова=его хорошая)’, *пуңке рўпиты* ‘умный, сообразительный человек (букв.: голова=его работает)’; рус. *золотая голова, с головой, светлая голова, с царём в голове, голова варит.*

В мансийской и русской ФКМ голова нередко сравнивается с *котелком*, что находит отражение при описании образов глупого и умного человека в виде

следующих ФЕ: манс. *пўтсове ат пайтахты* ‘глупый (букв.: котелок=его не кипит)’, *пўтсове ат рўпиты* ‘глупый, несообразительный человек (букв.: котелок=его не работает)’; *пўтсове рўпиты* ‘умный, сообразительный человек (букв.: котелок=его работает)’; рус. *котелок не варит, котелок варит*. В данных ФЕ голова образно уподобляется *котлу* как круглому сосуду, внешне напоминающему форму *головы*. Процесс обдумывания, анализирования, понимания в мансийской ФКМ уподобляется процессу приготовления пищи в котле, кипению жидкости.

Анализ фразеологического материала показал, что в составе ФЕ часто присутствует лексема *ум*: манс. *вāгтāл номтуп* ‘слабоумный, глупый человек (букв.: слабый ум имеющий)’, *вāти номтуп* ‘глупый, беспамятный человек (букв.: короткий ум имеющий)’, *номтэ ат товылхаты* ‘слабоумный, глупый человек (букв.: ума ему не хватает)’, *Тōрум номт ўртнэ мāн ат āлымас* ‘глупый, бездарный человек (букв.: к месту, где Торум раздавал ум, не успел)’; *посың номт* ‘умный человек (букв.: светлый ум)’; *тāк номт* ‘умный человек (букв.: крепкий ум)’; *Тōрумн номтыл ат сāлитавес* ‘умный, одарённый человек (букв.: Торум ума ему не пожалел)’; рус. *Бог ума не дал, Бог ума пожалел, Бог умом не обидел, острый ум, светлый ум, ума палата, цепкий ум*.

В квалификации умственных способностей человека в дихотомии *глупый* – *умный* в мансийском языке задействована лексема *сāйт* ‘толк, соображение’, в русском – лексемы *мозг* и *лоб*: манс. *сāйттāл матыр* ‘слабоумный, глупый человек (букв.: не имеющий ума (толка, сообразительности) некто)’, *пāлсāйтуп ут* ‘глупый человек (букв.: некто на половину без ума (толка, сообразительности)’, *осың-сāйтың* ‘умный человек (букв.: со внешностью-с толком (соответствующими возрасту)’; рус. *куриные мозги, мозги набекрень, мозги не на месте, одна извилина в мозгу и та прямая, три извилины в мозгу*

(и все параллельные), чугунные мозги, медный лоб, толоконный лоб, с мозгом, хорошие мозги, семь (семи) пядей во лбу.

В мансийском языке при репрезентации образа глупого или умного человека не было зафиксировано ФЕ, имеющих в составе лексемы *в̄алм* ‘мозг(и)’ и *в̄ильтъят* ‘лоб’, т. е. данные соматизмы не используются для концептуализации качеств умственной деятельности человека. Причиной, на наш взгляд, является своеобразие мансийского менталитета: в мансийской народной культуре существует представление о том, что умственной деятельностью, прежде всего, управляет *номт* ‘ум’ как совокупность способностей к мышлению, пониманию, оценке и принятию решения.

Согласно представлениям манси, глупый человек не в состоянии совершать некоторые элементарные действия, а также предвидеть, предусмотреть их последствия, например: *тул̄евланэ ловиньтаңкве ат в̄ерми* ‘глупый человек (букв.: пальцы=свои сосчитать не может)’, *н̄ёл̄эныл элаль ат к̄асалы* ‘глупый, недальновидный человек (букв.: носа=своего дальше не видит)’. В русском языке отмечается похожая ситуация: глупый человек отличается недальновидностью, непредусмотрительностью, а также считается неспособным к совершению каких-либо умственно-мыслительных действий, например: *пороха не выдумает, не видит дальше своего носа*. ФЕ *н̄ёл̄эныл элаль ат к̄асалы* ‘глупый, недальновидный человек (букв.: носа=своего дальше не видит)’ и *не видит дальше своего носа* являются частичными эквивалентами.

В мансийском языке для описания несерьёзности, легкомысленности, детской беспечности взрослого человека зафиксировано устойчивое выражение *пуня м̄аня* ‘великовозрастное дитя (о мужчине) (букв.: волосатый (пушистый) малыш)’; в русском – *великовозрастное дитя, взрослый ребёнок*.

В мансийских и русских ФЕ обнаружена общая черта, заключающаяся в наличии в их составе так называемых *фулизмов* – лексем, носящих сниженный, бранный, ругательный характер, служащих средством представления образа

глупого человека. В мансийском языке такой лексемой является прилагательное *оссам* ‘глупый’, например: *оссам п̄ала* ‘бестолковый, глупый человек (букв.: глупая половина)’, *оссам туйкуп* ‘глупый, бестолковый человек (букв.: глупый туйкуп (перевод неизвестен))’, *оссам Ванька* ‘бестолковый, глупый мужчина (букв.: глупый Ванька)’, *оссам Руня* ‘бестолковая, глупая женщина (букв.: глупая Груня)’, *оссам х̄ола* ‘бестолковый, глупый человек (букв.: глупый мертвец)’, *оссам пуйтуп* ‘глупый, тупой человек (букв.: глупая задница)’, *оссам пап* ‘глупый, тупой человек (букв.: глупая задница)’. В русском языке к фулизмам относится прилагательное *тупой*: *тупой как баобаб*, *тупой как бревно*, *тупой как валенок*, *тупой как дрова*, *тупой как осёл*, *тупой как полено*, а также ряд таких лексем как *дурак*, *дурень*, *олух*, *балда*, *дубина*, *балбешка*: *дурак дураком*, *круглый дурак*, *набитый дурак*, *петый (отпетый) дурак*, *непроходимый дурень*, *олух царя небесного*, *балда осиновая*, *дубина стоеросовая*, *балбешка стоеросовая*.

В сопоставляемых языках выделены ФЕ, репрезентирующие образ человека, ведущего себя несерьёзно или совершающего глупые поступки, выходки: манс. *оссамыг в̄архатуңкве* ‘1) придуриваться; 2) дурачиться, делать глупости (букв.: глупым делаться (притворяться))’; рус. *валять (ломать, корчить) ваньку*, *валять дурака (дурочку)*.

Образ слабоумного человека в русском языке представлен в виде сходных по значению ФЕ, носящих ироничный характер: *в детстве мамка ушибла, богом обиженный*, *богом убитый*.

Общекультурным для мансийских и русских ФЕ, описывающих образ глупого человека, является наличие в их составе сравнений с деревянными предметами (иногда наделёнными глазами): манс. *й̄йвсуп хурипа* ‘глупый человек (букв.: похожий на бревно)’, *х̄аль а̄ңквал сома* ‘глупый, тупой человек (букв.: словно берёзовый пень)’, *самың а̄ңквал* ‘глупый, тупой человек (букв.:

глазастый пень)»; рус. *глуп как пробка, пень берёзовый, пень с глазами, чурбан неотёсанный, чурка с глазами.*

Анализ ФЕ позволил установить, что важнейшая роль при представлении образов глупого и умного человека принадлежит *соматизмам* – 50,9% в мансийском и 55,1% в русском языке. Образ *глупого* человека представлен в виде следующих соматических компонентов: манс. *ПУҢК* ‘голова’, *НЁЛ* ‘нос’, *ТУЛЁВЫЛ* ‘палец’, *САМ* ‘глаз’, *ПУЙ* ‘зад, задница’, *ПАП* ‘зад, задница’; рус. *голова* (*башка*), *ухо*, *нос*, *глаз*, *мозги*, *лоб*. Универсальными для обоих ФКМ являются соматизмы *голова*, *нос*, *ухо* и *глаз*. Образ умного человека представлен соматизмами: манс. *ПУҢК* ‘голова’, *САМ* ‘глаз’, *ПАЛЬ* ‘ухо’; рус. *голова*, *мозг*, *лоб*. Универсальными являются соматические компоненты *ПУҢК* – *голова*.

Голова в обоих языках, а также *мозги* в русском являются наиболее продуктивными и частотными соматическими компонентами. Как символически маркированный компонент соматизм *голова* входит в состав 24 СФЕ мансийского языка (43,6%). В русском языке выявлено 29 СФЕ с компонентом *голова* и 8 СФЕ с компонентом *мозги*, что составляет 37,2% и 10,3% от общего числа ФЕ. Таким образом, именно *голова* является базовым соматическим компонентом при описании умственных способностей в мансийской и русской ФКМ.

В языковом сознании представителей мансийской и русской культур *голова*, являясь выразителем семантики *верхняя часть тела*, обнаруживается как вербальный символ центра разума, интеллекта, высшей ценности. Как неотделимая часть целого тела, она осмысливается как инструмент, управляющий рассудком и мышлением и, воплощая человеческий дух и жизненную силу, является символом высшей человеческой ценности. Выступая одной из важнейших характеристик человека, именно *голова* определяет его способности и возможности.

Общекультурным является тот факт, что лексемы *ПУҢК* ‘голова’ и *голова* в составе ФЕ при репрезентации интеллекта метафорически могут иметь:

- необычный, невозможный в действительности признак или состояние органа мышления: манс. *ПОСЫҢ ПУҢК* ‘умный человек (букв.: светлая голова)’, *АСЫҢ ПУҢК* ‘1) забывчивый человек; 2) глупый человек (букв.: дырявая голова)’; рус. *светлая голова, дырявая голова*. Данные примеры являются полными эквивалентами, что свидетельствует о схожести ФКМ манси и русских: положительная характеристика интеллекта человека в языках метафорически связывается с образной коннотацией наличия света, освещённости в голове (*светлая голова*); образное нарушение целостности головы (*дырявая голова*) эксплицируют проницаемость границы между внутренним и внешним пространством головы, представляет неспособность головы как вместилища удерживать во внутреннем пространстве необходимое наполнение (содержание);

- необычный, неестественный материал, приписываемый органу мышления, замещение содержимого головы или самой головы данным материалом: манс. *ПУҢК ПЁНТСЫЛЭ АКВТОП ЙЙВ ПОТАЛЫ* ‘глупый, несообразительный (букв.: вместо головы будто полено)’, *ПУҢК ПЁНТСЫЛЭ (АКВТОП) ТАҢЫЛ ТЁР ПУТ* ‘глупый, тупой человек (букв.: вместо головы (будто) пустой железный котёл)’ и др.; рус. *дубовая голова, голова еловая, чугунная голова, золотая голова* и др. Общим при этом является отражение отрицательной переносной семантики отсутствия интеллекта, связанной с твёрдыми материалами – деревом (полено, дубовая, еловая), неблагородным металлом, сплавом неблагородных металлов (железо, чугун). В русском языке наличие ума выражается с помощью ФЕ с отражением положительной переносной семантики на основе уподобления благородному металлу – *золотая голова*. В мансийской фразеологии подобных ФЕ не обнаружено.

Т. В. Леонтьева отмечает, что «для познания неуловимого, ускользающего человек устанавливает подобие между идеальными сущностями и собственными представлениями о материальном мире, стремится к овеществлению бесплотных понятий через посредство хорошо знакомых ему образов, сформировавшихся на

основе его понимания действительности – предметов и отношений между ними, – что находит своё отражение в виде метафорических образов, заключённых в составе языков» [Леонтьева 2008: 34]. Анализ ФЕ, описывающих образы глупого и умного человека в мансийской и русской ФКМ, позволил выявить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов.

Зооморфная метафора реализуется при репрезентации образа глупого человека посредством следующих ФЕ: манс. *сиськурек пу҅к* ‘глупый человек (букв.: куриная голова)’; рус. *баранья голова, ежовая голова, куриная башка, куриные мозги, тупой как осёл*. Общими для сопоставляемых ФКМ являются зоонимы *сиськурек – курица*.

В отличие от европейских культур, где человек представляется как царь природы, для обских угров природа одухотворена и является субъектом равного взаимодействия. Поэтому манси, как правило, не наделяли животных отрицательными характеристиками в плане их умственных способностей, поскольку они не подвергались сомнению.

Фитоморфная метафора находит отражение также только при представлении образа глупого человека: манс. *пу҅к пёнтсылэ (аквтоп) ййв поталы* ‘глупый, несообразительный человек (букв.: вместо головы (будто) кусок дерева (полено)’, *ййвсуп хурипа* ‘глупый (букв.: на бревно похожий)’, *самы҅ а҅квал* ‘глупый, тупой человек (букв.: глазастый пень)’, *халь а҅квал сома* ‘глупый, тупой человек (букв.: словно берёзовый пень)’; рус. *балда осиновая, голова еловая, голова мякиной (соломой) набита, дубовая башка (голова), мякинная голова, пень берёзовый, пень с глазами, тупой как баобаб, тупой как бревно, тупой как полено, чурбан неотёсанный, чурка с глазами, опилки в голове*.

Выявленные фитонимические компоненты относятся к следующим семантическим группам: *растения* (манс. *ййв* ‘дерево’; рус. осина, ель, дуб, береза, баобаб), *компоненты растений* (манс. *ййв поталы* ‘полено’, *ййвсуп*

‘бревно’, *āṅквал* ‘пень’; рус. пень, бревно, полено, чурбан, чурка). В русском языке фитонимы относятся к семантической группе *продукты переработки растений* (мякина, солома, опилки). Общекультурными фитонимами являются *ййв поталы* – полено, *āṅквал* – пень и *ййвсуп* – бревно как части дерева. Таким образом, универсальным символом *глупости* выступают деревянные предметы или части деревьев, прекратившие существовать как *живое* дерево.

Устойчивая связь *дерева* и человека является важнейшим аспектом мифологии, обрядности и фольклора. Это вполне понятно, учитывая, что в широком смысле народные знания и традиционная культура «наивно антропоцентричны» – они порождены человеком, исходят от него и на него же ориентированы, ведь человек описывает мир (в том числе, деревья) в терминах человеческого существования, по своему «образу и подобию».

Т. В. Леонтьева полагает, что «глупый человек ассоциируется с деревом, поскольку древесина вообще отличается прочностью. Мотив “твёрдый” восходит к сквозному мотиву “с трудом поддающийся внешнему воздействию” и далее к мотивационной доминанте “неспособный выполнять функцию восприятия (об органе мышления или человеке)”» [Леонтьева 2008: 125].

Подмечая тот факт, что «слова *болван, бревно, дубина, пень, полено, чурбан, чурка* и т. п. в прямом значении обозначают необработанные куски дерева или деревянные изделия, имеющие очень простую, примитивную форму», В. В. Глушкова выдвигает предположение о том, «что для появления переносных наименований глупого человека имеет значение именно тупая форма деревянных предметов» [Глушкова 1999: 238]. Таким образом, необработанность деревянного изделия в случае «упоминания деревянной заготовки даёт коннотацию “плохо изготовленный” (о человеке), которая выводит образ глупого человека, дурака как неудавшегося творения, “недочеловека”» [Леонтьева 2008: 204].

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*, находит отражение в виде следующих ФЕ: манс. *пуṅкет тай вōт*

ВѢТГАСЬЛЫ ‘легкомысленный, несерьёзный, глупый (букв.: в голове=его ветер дует)’, *ПУҢКЕ ТĀРА ВѢТАВЕ* ‘глупый, рассеянный человек (букв.: голову=его насквозь продувает)’, *ПУҢКЕТ ВѢТ ВѢТЫ (ЯЛАСЫ)* ‘легкомысленный, несерьёзный, глупый человек (букв.: в голове=его ветер дует (гуляет))’, *ПУҢК ПĒНТСЫЛЭ (АКВТОП) ТĀТЫЛ ТĒР ПŪТ* ‘глупый, тупой человек (букв.: вместо головы (будто) пустой железный котёл)’, *ПУҢКЕ (АКВТОП) ĀХВТАСЫЛ ТОХРУВЕС* ‘глупый, несообразительный человек (букв.: голову=его (будто) камнями набили)’; рус. *ветер в голове (гуляет), со сквозняком в голове, олух царя небесного, голова садовая, медный лоб, чугунная голова, чугунные мозги*. Образ умного человека в рамках данного вида метафоры находит отражение в виде следующих ФЕ: манс. *ПОСЫҢ ПУҢК* ‘умный человек (букв.: светлая голова)’, *ПОСЫҢ НОМТ* ‘умный человек (букв.: светлый ум)’; рус. *светлая голова, светлый ум, золотая голова*.

Представленный материал демонстрирует, что в мансийском языке компоненты *неживой природы* относятся к следующим семантическим группам: *стихии (ВѢТ ‘ветер’), вещества, материалы (ТĒР ‘железо’), природные объекты (ĀХВТАС ‘камень’), физические явления (ПОС ‘свет’)*; в русском – *стихии (ветер, сквозняк), вещества, материалы (чугун, медь, золото), пространство (небо, сад), физические явления (свет)*. В рамках данного вида метафоры лингвокультурными универсалиями являются *ветер, неблагородные металлы, сплавы*, которым уподобляется голова *глупого* человека, а также символика *света* как показатель ума.

В обоих языках находит отражение *артефактная* метафора, например: манс. *ПŪТСОВЕ АТ ПАЙТАХТЫ* ‘глупый (букв.: котелок=его не кипит)’, *ПŪТСОВЕ АТ РŪПИТЫ* ‘глупый, несообразительный человек (букв.: котелок=его не работает)’; рус. *винтиков в голове не хватает, глуп как пробка, дубина стоеросовая, балбешка стоеросовая, тупой как валенок, тупой как дрова, пороха не выдумает, котелок не варит, валять (ломать, корчить) ваньку*. Образ умного человека

формируется с помощью ФЕ: манс. *пӯтсове рӯпиты* ‘умный, сообразительный человек (букв.: котелок=его работает)’; рус. *ума палата, котелок варит*.

При описании образа глупого человека во ФКМ используются следующие артефакты: манс. *пӯтсов* ‘котелок’; рус. винтик, пробка, дубина, балбешка, валенок, дрова, порох, котелок, ванька (игрушка-неваляшка); образа умного человека: манс. *пӯтсов* ‘котелок’; рус. палата, котелок. Артефакт *котёл* является общим для обеих лингвокультур и в мансийском языке связан с хозяйственным бытом. Артефакты русской ФКМ представляют предметы хозяйственного быта и одежды.

Образ котла находит отражение и составе ФЕ, в которых реализуется *гастрономическая* метафора: манс. *пӯтсове ат пайтахты* ‘глупый (букв.: котелок=его не кипит)’; *пӯтсове рӯпиты* ‘умный, сообразительный человек (букв.: котелок=его работает)’; рус. *котелок не варит, голова не варит, каша в голове, толоконный лоб, котелок варит, голова варит*.

В обоих ФКМ находит отражение *антропоморфная* метафора: манс. *вāгтāl номтуп* ‘слабоумный, глупый человек (букв.: слабый ум имеющий)’, *самың аңквал* ‘глупый, тупой человек (букв.: глазастый пень)’; *самың-палиң* ‘умный, смыслённый человек (букв.: глазастый-ушастый)’ и др.; рус. *богом обиженный, богом убитый, с головой не дружить, пороха не выдумает, в детстве мамка ушибла; Василиса Премудрая* и др.

Универсально в системе ФЕ, репрезентирующих образы глупого и умного человека, присутствует аксиологически маркированный образ пространства, создаваемый в результате концептуализации действительности посредством языка и реализуемый в виде *пространственной* метафоры. Образ глупого человека формируется, к примеру, посредством ФЕ: манс. *вāти номтуп* ‘глупый, беспамятный человек (букв.: короткий ум имеющий)’, *нёлэныл элаль ат кāсалы* ‘недальновидный, глупый человек (букв.: носа=своего дальше не видит)’ и др.;

рус. *мозги набекрень, мозги не на месте, одна извилина в мозгу и та прямая, три извилины в мозгу (и все параллельные)*. Образ умного человека представлен ФЕ: манс. *пуҥкен т̄ара паты* ‘умный, сообразительный человек (букв.: в голову=его сразу падает)’; рус. *ума палата, семь (семи) пядей во лбу*. Отличительной чертой русской ФКМ является наличие в ней *числового* кода культуры.

В ходе исследования в сопоставляемых языках была выделена концептуальная метафора *вместилища*. Анализ ФЕ с соматическими компонентами *пуҥк* ‘голова’ и *голова* наглядно показывает структуру *головы* как *вместилища*, состоящего из внутреннего и внешнего пространства, между которыми существует граница. Нечто может находиться в *голове* или вне её, поэтому она может быть пустой: манс. *т̄атыл пуҥк* ‘глупый, тупой человек (букв.: пустая голова)’; рус. *пустая голова*; или наполненной чем-либо: манс. *пуҥке (аквтоп) а̄хвтасыл тохрувес* ‘глупый, несообразительный человек (букв.: голову=его (будто) камнями набили)’; рус. *голова мякиной (соломой) набита, каша в голове, опилки в голове*.

В целом метафора *вместилища* выявляется в виде значительного числа ФЕ, представляющих образ *глупого* человека, например: манс. *пункет мось ат товылхаты* ‘слабоумный человек (букв.: в голове=его немного не хватает)’, *пуҥк п̄нтсылэ (аквтоп) й̄йв поталы* ‘глупый, несообразительный человек (букв.: вместо головы (будто) кусок дерева (полено)’, *пункет тай в̄от в̄отгасьлы* ‘легкомысленный, несерьёзный, глупый (букв.: в голове=его ветер дует)’ и др.; рус. *без царя в голове, винтиков в голове не хватает, ветер в голове (гуляет), со сквозняком в голове* и др.

Образ умного человека при реализации данного вида метафоры находит отражение в единичных ФЕ: манс. *пуҥкен т̄ара паты (в̄ыг)* ‘умный, сообразительный (букв.: в голову=его сразу падает (берёт)’; рус. *с царём в голове*.

Таким образом, *голова* в составе фразеологизмов уподобляется различным типам *вместилищ*: в мансийском языке – помещению, некой ёмкости, мешку; в русском – мешку, чучелу, посуде, механизму, дворцу (тронному залу).

ФЕ могут характеризовать глупого и умного человека с точки зрения наличия или отсутствия у него *головы*: манс. *аквтоп пуңктāл* ‘глупый человек (букв.: будто безголовый)’, *пуңктāл-номттāл* ‘глупый человек (букв.: без головы-без ума)’, *пункың хōтпа* ‘умный человек (букв.: с головой человек)’; рус. *без головы, с головой*.

Важными лексическими компонентами, участвующими в образовании ФЕ, репрезентирующих образ злого человека, являются наименования *религиозно-мифологических* и *фольклорных* персонажей.

В мансийском языке при представлении образов глупого и умного человека выявлены ФЕ, содержащие имя *Тōрум*’а – верховного божества, бога неба в мифологии обских угров: *Тōрум номт уртнэ мāн ат āлымас* ‘глупый, бездарный человек (букв.: к месту, где Торум раздавал ум, не успел)’, *Тōрумн номтыл ат сāлитавес* ‘умный, одарённый человек (букв.: Торум ума ему не пожалел)’. В русском языке в составе ФЕ также зафиксировано имя могущественного сверхъестественного Высшего Существа в теистических и деистических религиях – *Бога*: *Бог ума не дал, Бог ума пожалел, Богом обиженный, Богом убитый, Бог умом не обидел*. В опосредованном виде имя Бога присутствует в составе ФЕ *олух царя небесного*.

Образная основа фразеологизмов очень близка: и манси, и русские представляют умного человека, интеллектуала как одарённого высшими силами, и наоборот, *глупый* человек представляется обделённым, обиженным богом.

В составе фразеологизмов русского языка при репрезентации умственных способностей используется образ *царя*: *без царя в голове, с царём в голове*, где под данным образом понимается титул верховного правителя, монарха, символизирующего высшую, абсолютную власть в государстве.

Смыслообразующими компонентами в составе ФЕ мансийского языка при представлении образов глупого мужчины и глупой женщины являются русские имена *Ванька (Иван)* и *Руня (Груня)*: манс. *оссам Ванька* ‘бестолковый, глупый мужчина (букв.: глупый Ванька)’, *оссам Руня* ‘бестолковая, глупая женщина (букв.: глупая Груня)’. Происхождение данных ФЕ, по видимости, связано с восприятием манси русских как недостаточно проворных и расторопных в быту, затем эти качества перенеслись в сферу интеллекта, ср. *нѣвлам Ванька а́ги* ‘медлительная, вялая девушка (букв.: вялого Ваньки дочь)’. В русском языке существуют ФЕ, имеющие в составе имена собственные, *валять (ломать, корчить) ваньку, Балда Ивановна*.

Ванька (Иван) – типичное на Руси и имеющее широкое бытование в произведениях русского фольклора имя (*Иван-дурак, Иванушка-дурачок*), прочно укрепившееся в русском фольклоре как отражение народного сознания русских людей, а уже позже прочно обосновавшееся в сознании мансийского народа, став распространённым именем (ср. образ *Ваньки-Турака* в мансийском фольклоре [Мифы, сказки, предания манси (вогулов) 2005: 116–140]). Таким образом, в обоих сопоставляемых языках имя *Иван* и его обиходно-разговорный вариант *Ванька* употребляются для номинации пустого, легкомысленного человека.

В русском языке образ умной, рассудительной женщины репрезентируется посредством ФЕ *Василиса премудрая*, имеющей фольклорное происхождение.

Наиболее частотными в мансийском и русском языках при репрезентации умственных способностей человека являются субстантивные и адъективные ФЕ.

В стержневой позиции выделенные субстантивные ФЕ имеют большое разнообразие лексем: манс. *пу́нк* ‘голова’, *нѣл* ‘нос’, *тулѣ́выл* ‘палец’, *номт* ‘ум’, *йй̄в поталы* ‘кусочек дерева (полено)’, *йй̄всуп* ‘бревно’, *пал* ‘половина’, *ту́йкуп* (значение неизвестно), *пу́т* ‘котёл’, *а́хвтас* ‘камень’, *во́т* ‘ветер’, *а́лн* ‘таймень’, *а́нқвал* ‘пень’, *сиськурек* ‘курица’, *То́рум* ‘Торум’, *Ванька* ‘Ванька’,

Руня ‘Груня’, *хōла* ‘мертвец’, *пуй* ‘зад, задница’, *пап* ‘зад, задница’, *хōтпа* ‘человек’, *мāня* ‘мальш’; рус. *голова, башка, ухо, мозги, лоб, нос, глаз, царь, бог, ум, ветер, винтик, пробка, мякина, солома, каша, место, извилина, пень, сквозняк, баобаб, бревно, валенок, дрова, осёл, полено, опилки, порох, котелок, ванька, балда, олух, дубина, балбешка, дурак, дурачок, дурочка, дурень, чурбан, чурка, мамка, Василиса, пядь, палата.*

Имена существительные *пу҅к* – *голова*, *номт* – *ум*, *нёл* – *нос*, *ййвсуп* – *бревно*, *а҅квал* – *пень*, *ййв поталы* – *полено*, *пут* – *котелок*, *вот* – *ветер*, *Ванька* являются лингвокультурными универсалиями.

Стержневой компонент адъективных фразеологизмов представлен непроеводными и производными именами прилагательными: манс. *вāti* ‘короткий’, *оссам* ‘глупый’, *люль* ‘плохой’, *сиськурек* ‘куриный’, *пуня* ‘волосатый (пушистый)’, *тāтыл* ‘пустой’, *тāк* ‘крепкий’, *ёмас* ‘хороший’, *пу҅ктāl* ‘безголовый’, *асы҅* ‘дырявый’, *вāгтāl* ‘слабый’, *тёры҅* ‘железный’, *пу҅ктāl* ‘безголовый’, *номттāl* ‘неумный, глупый’, *сайттāl* ‘не имеющий ума, толка, бестолковый’, *самы҅* ‘глазастый’, *осы҅* ‘со внешностью’, *сāйты҅* ‘с толком (толковый)’, *посы҅* ‘светлый’, *сёрни҅* – *золотой*, *пали҅* ‘ушастый’, *пу҅кы҅* ‘головастый’; рус. *осиновый, бараний, бесталанный, обиженный, убитый, глупый, еловый, садовый, стоеросовый, дубовый, дурной, дурий, дырявый, ежовый, круглый, куриный, медный, мякинный, набитый, непроходимый, прямой, параллельный, небесный, березовый, петый (отпетый), пустой, толоконный, тупой, худой, чугунный, неотёсанный, премудрый, золотой, острый, светлый, хороший, цепкий.*

Имена прилагательные *асы҅* – *дырявый*, *оссам* – *глупый*, *тāтыл* – *пустой*, *сёрни҅* – *золотой*, *посы҅* – *светлый*, *ёмас* – *хороший* являются лингвокультурными универсалиями при представлении умственных способностей человека.

Фразеологический материал позволил составить приблизительные портреты глупого и умного человека в мансийской и русской ФКМ. В первую очередь, глупым является человек, не обладающий элементарными знаниями, не умеющий обрабатывать, хранить и передавать получаемую информацию. Глупый человек отличается недальновидностью, непредусмотрительностью, неумением планировать наперёд. В обеих лингвокультурах глупость человека, его неспособность что-либо понять и что-либо ему объяснить, сравнивается с твёрдостью, «непрошибаемостью». Глупый человек всё воспринимает буквально, узко, прямолинейно мыслит, не может абстрагироваться, понять что-то, выходящее за пределы его кругозора, обладает плохой, короткой памятью. Глупость человека в мансийской и русской ФКМ сопряжена с легкомыслием, ветреностью, несерьёзностью, беспечностью. Знания в голове глупого человека являются неупорядоченными, бессистемными и не представляющими ценности. В противоположность умному, глупый человек представляется обделённым высшими силами. В обеих ФКМ присутствует метафорическое указание на то, что глупым человек является вследствие причинения ему физической травмы в детском возрасте.

По представлениям манси, глупый человек обладает коротким, слабым умом, работающим лишь в половину возможностей, характеризуется отсутствием некой хватки, изворотливости, неспособностью совершать некоторые элементарные действия. Глупый человек в мансийской ФКМ представляется мёртвым, неживым.

В русской ФКМ глупым является упрямый, непробиваемый, упёртый человек, не обладающими какими-либо талантами, не умеющим жить во взаимодействии с самим собой. При этом в русском обществе глупый человек может рассчитывать на снисхождение. Особенно отчётливо это находит отражение в образе дурака – «символе русской культуры» [Никитина 2013: 122].

Умный человек, согласно универсальным представлениям манси и русских, обладает хватким, цепким умом, высокой скоростью мыслительных процессов.

По своей природе такой человек проникновен, смыслён и сообразителен, представляется ясно, логично и рассудительно мыслящим, умеющим быстро уловить, переработать и сохранить необходимую информацию, в связи с чем является кладезем знаний. В сознании манси и русских представляется, что умный человек одарён интеллектуальными способностями свыше.

В мансийском языке умный человек представляется также обладающим крепким умом, внимательностью, сметливостью. В русской ФКМ умный человек – это мудрый человек, умеющий размышлять и думать, а также пользоваться только своей головой, предпочитая не полагаться на других, т. е. отмечается самостоятельность мышления, независимость от окружающих.

Таким образом, в исследуемых языках отмечается количественная асимметрия, заключающаяся в значительном превалировании ФЕ, репрезентирующих образ глупого, нежели умного человека. В мансийском языке из 55 фразеологизмов 44 единицы (80%) описывают образ глупого и 11 единиц (20%) – умного человека. В русском языке выделено 78 фразеологизмов, из которых 63 единицы (80,8%) используются при представлении образа глупого и 15 единиц (19,2%) образа умного человека. Приводимая статистика демонстрирует, что процентное соотношение в языках при представлении умственных способностей человека в дихотомии «глупый – умный» является практически одинаковым. Преобладание ФЕ с отрицательной оценкой подтверждает мысль, что процесс возникновения наименований интеллектуально неполноценных людей в обоих языковых сообществах всегда связан с высокой степенью эмоционального всплеска по отношению к ним. Как правило, умный человек не вызывает столь ярких и сильных эмоций, как глупый, поэтому доля ФЕ с положительной оценкой наличия ума всегда будет значительно меньше доли ФЕ, негативно оценивающих его отсутствие.

Исследуемые ФКМ имеют поликодовый характер. Универсально ФЕ, представляющие образ глупого человека, связаны с антропным, духовным, соматическим, зооморфным, фитоморфным, природным, артефактивным,

пространственным, временным, мифологическим и гастрономическим кодами, при этом в русской ФКМ присутствует числовой КК, и отмечается тяготение к артефактивному КК.

ФЕ, репрезентирующие образ умного человека, связаны с антропным, духовным, пространственным, мифологическим, природным, артефактивным, гастрономическим кодами. Помимо общекультурных в русском языке присутствуют цветовой и числовой коды.

Общечеловеческое мировидение при репрезентации образа глупого человека выявляется посредством соматических компонентов *голова, нос, ухо* и *глаз*. Универсальными являются соматизмы *ПУҢК – голова* и *НЁЛ – нос*, при этом голова представляется *АСЫҢ – дырявой* и *ТА̄ТЫЛ – пустой*, а также лексемы *сиськурек – курица*, *ЙЙВ ПОТАЛЫ – полено*, *АҢКВАЛ – пень*, *ЙЙВСУП – бревно*, *ВӨТ – ветер*, *ПӮТ – котёл*.

Образ *умного* человека универсально представлен посредством соматизма *ПУҢК – голова*, при этом голова является *ПОСЫҢ – светлой*, а также лексемы *ПӮТ – котёл*.

Наиболее многочисленными базовыми лексемами-репрезентантами являются: манс. *ПУҢК* ‘голова’ (43,6%), *НОМТ* ‘ум’ (14,6%), *ОССАМ* ‘глупый, тупой’ (12,7%); рус. – *голова* (37,2%), *ум* (9%), *тупой* (7,7%).

Анализ семантических характеристик ФЕ мансийского и русского языков выявил все четыре класса межъязыковых соответствий, среди которых шесть полных и восемь частичных эквивалентов. Небольшую группу соответствий составляют фразеологические аналоги. Основная группа ФЕ представлена безэквивалентными фразеологизмами.

2.3. Эмоциональная картина мира и её фразеологическое представление в мансийском и русском языках

С изменением парадигмы гуманитарного знания в сторону антропоцентризма изучение эмоций занимает одно из ключевых мест в современном языкознании, а исследование эмотивной лексики в настоящее время является одним из наиболее активно развивающихся направлений в лингвистике, поскольку эмоции отражают мировоззрение и ментальность народов и формируют, таким образом, национальные ЯКМ и ФКМ.

В. И. Шаховский сформулировал суть лингвистического подхода к изучению эмоций следующим образом: «Фиксирование эмоциональных процессов проходит посредством психического механизма их отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений. Отображение видового опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой структуре соответствующих слов – образов тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые и формируют эмотивность слова. Так эмоции “проникают” в слова, закрепляются в них, “хранятся” в них и при необходимости манифестируются, выражаются и опознаются с помощью этих слов» [Шаховский 2008: 5].

Следует признать, что дать эмоциям исчерпывающее естественнонаучное определение крайне затруднительно из-за произвольности дефиниции субъективного компонента феномена, в связи с чем, вслед за О. Д. Тарасовой, мы будем рассматривать эмоции как «особый психонервный процесс положительного и отрицательного качества, оценивающий текущую ситуацию, её значение для организма и отношение организма к ней, в том числе способным отражать вероятность удовлетворения актуальных потребностей и корригирующим адаптивное поведение» [Тарасова 2009: 26]. Иными словами, эмоции

представляют механизм индивидуальной адаптации, оценивающий адекватность взаимодействия организма со средой обитания в текущий момент.

С лингвистической точки зрения, разделяемое нами научное обоснование и подтверждение о существовании *эмоциональной картины мира* (ЭКМ) представлено в работах В. И. Шаховского: «когниция, мышление и сознание языковой личности неотделимо связаны с человеческими эмоциями, которым в таком конгломерате отводится основополагающее место» [Шаховский 2008: 237]. Таким образом, ЭКМ является результатом оценочной деятельности сознания при ментальном освоении фрагментов мира.

2.3.1. Фразеологическое представление эмоции *гнев*¹¹

Эмоция гнева, как и страха, включается в число эмоций, которые большинство психологов и физиологов считаются базовыми. В. Ю. Апресян пишет, что «подобно страху, гнев предположительно возник в ходе эволюции как способствующая выживанию реакция на потенциальную угрозу <...> В языке гнев выражается, в первую очередь, не как реакция на нечто ещё не произошедшее, на потенциальную угрозу, а как негативный эмоциональный ответ на нечто плохое, что уже произошло. По-видимому, это отражает в гораздо большей степени социальную, нежели эволюционную функцию гнева» [Апресян В. Ю. 2015: 367–368].

Т. Н. Яблокова относит гнев «к импульсивным эмоциям, составляющим спектр отрицательных эмоций, называемых психологами крайним недовольством, раздражением, сердитостью, возмущением, негодованием, озлоблением, яростью, злостью, ненавистью, бешенством, агрессией. Данное переживание

---

¹¹ В данном параграфе использованы материалы автора диссертации из статьи: Динисламова, О. Ю. Языковая репрезентация базовой эмоции 'гнев' в мансийской фразеологической картине мира // Вестник угроведения. – 2017б. – №3(30). – С. 28–35. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/dinislamova_o_yu_2.pdf

сопровождается повышением температуры и артериального давления, учащением сердцебиения, характерными вегетативными реакциями: покраснением или побледнением лица, тахикардией, головной болью» [Яблокова 2006: 5].

В словарях встречается схожее толкование эмоции гнева: «чувство сильного возмущения, негодования» [Ожегов, Шведова 1999: 134], «чувство сильного негодования, возмущения, раздражения» [Ушаков 2009: 117].

Корпус исследуемого материала состоит из **70** ФЕ мансийского и **68** ФЕ русского языков.

Денотативное значение ФЕ, репрезентирующих состояния гнева, можно определить «как состояние субъекта, при котором он захлестнут отрицательными эмоциями, испытывает негодование, озлобленность, не способен контролировать свои поступки» [Гарифуллина 2005: 150].

В синонимический ряд с доминантой *гнев* в целях более детального ознакомления с семантикой ФЕ, представляющих эмоцию гнева, включены следующие эмоции: *раздражение, недовольство, досада, возмущение, негодование, озлобление, злоба, злость, ярость, бешенство, исступление, ненависть*. Менее интенсивными проявлениями являются *недовольство* и *досада*, наиболее интенсивными – *ярость, исступление* и *бешенство*.

Эмоция гнева в мансийском языке находит своё выражение посредством следующих лексем: *КАНТ* ‘гнев, злоба, злость’; *КАНТЛУҢКВЕ* ‘гневаться, злиться, сердиться’, *КАНТМАЯҢКВЕ* ‘разгневаться, разозлиться, рассердиться’, *САГЛУҢКВЕ* ‘сердиться’, *ЛЯВТУҢКВЕ* ‘ругаться’, *ЛЯВЫЛЬТТАҢКВЕ* ‘ругать, бранить’, *ЛЯВТАЛТАХТУҢКВЕ* ‘заругаться’, *САРГУНКВЕ* ‘выражать недовольство, браниться’; *КАНТЫҢ* 1) ‘сердитый, злой’; 2) грозный, лютый; 3) суровый, строгий [СМРРМ 1982: 346].

В русском языке при репрезентации эмоции гнева используются следующие лексемы: *раздразниться, досадовать, возмущаться, злиться, сердиться, сердчать, гневаться, кипятиться, распаляться, беситься, бушевать,*

неистовствовать, лютовать, разъяриться и др.; недовольство, раздражение, досада, возмущение, злость, злоба, ярость и др.; хмурый, нервный, недовольный, раздосадованный, раздражительный, раздражённый, сердитый, возмущённый, негодующий, гневный, суровый, злой, грозный, разгневанный, разъярённый, взбешённый, яростный, лютый, свирепый, остервенелый.

В современных лингвистических работах распространён метафорический способ представления эмоций. Исследователи отмечают, что «языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-то. Поэтому наиболее адекватным лингвистическим описанием эмоций авторы считают описание через метафоры» [Лакофф, Джонсон 1990: 388; Лакофф 2004: 491].

Одними из базовых, по мнению исследователей, являются метафоры, представляющие целевые домены как *контейнеры*, или *вместилища* (container metaphors), где контейнер является пространством, отделённым границами от внешней среды, а часто и противопоставленным ей, например: манс. *СЫМЕ ТЁЛПЫЛ ХҮЛИГЛЫ* ‘злится (кто-либо) (букв.: сердце=его кровью наполняется)’, *КАНТ ХҮРЫГ* ‘1) разгневанный, рассерженный человек; 2) злой человек (букв.: мешок со злостью)’, *КАНТ ХУСАП* ‘1) разгневанный, рассерженный человек; 2) злой человек (букв.: коробка со злостью)’, *САМАГЕ ТЁЛПЫЛ ОВУМЛАВЕГ* ‘свирепеет (кто-либо) (букв.: глаза=его кровью наливаются)»; рус. *чаша терпения переполнилась, выйти (выходить) из терпения, быть вне себя, кровь бросилась (ударил) в голову*. Человеческое тело, таким образом, выступает «границей между внутренним миром человека и внешней средой, являясь вместилищем для эмоций, которые являются составной частью эмоциональной системы человека» [Магомедова 2015: 109].

В русском языке когнитивная метафора обеспечивает концептуализацию гнева по аналогии с образом *жидкости*, см. ФЕ *излить (изливать) гнев*, чего не наблюдается в мансийском языке.

Если человек мыслится как контейнер-вместилище, то эмоция воспринимается как *кипение* жидкости, заполняющей этот контейнер: манс. *тѐлпе нас пайтахты* ‘злиться (кто-либо) (букв.: кровь=его так и кипит)’; рус. *кровь вскипает (закипает, кипит) в жилах, накопело на сердце, кипит на сердце, сердце кипит (закипело), кипеть от гнева (ярости)*.

Поскольку процесс кипения всегда сопровождается образованием пены, метафорически гнев и его проявления уподобляются образу *пены*: манс. *нѐр хольт конгуҕкве* ‘неистовствовать, буйствовать (букв.: как пена кипеть)’, *нѐрыҕ супыл рѐҕхуҕкве* ‘яростно кричать (ругаться) (букв.: пенным ртом кричать (ругаться))’, *супе нѐрыл паялты* ‘кричит, ругается (букв.: рот=его пеной кипит)’; рус. *с пеной у рта*.

Находясь в рамках сдерживания гнева, человек ещё может относительно контролировать эмоции, но если рассматривать человеческое тело как сосуд, который наполнен яркими, интенсивными чувствами, то, очевидно, что ёмкость его не безгранична, и в любой момент переходное состояние может трансформироваться в метафору *взрыва* – третью стадию гнева: манс. *кантыл покматаҕкве* ‘прийти в ярость (букв.: от злости лопаться (взрываться))’; рус. *взорваться (взрываться) как порох, лопаться от злости*.

Метафорическое пространство эмоции гнева занимает реализация метафоры «гнев – стихия, природное явление», в которой представлены сопоставления эмоции с явлениями природы. В рамках данной метафоры отмечается реализация метафорических моделей «гнев – гроза» и «гнев – туча»: манс. *сяхлыг кургуҕкве* ‘злобно ругаться (букв.: грозой греметь)’, *няҕра сяхыл хуриныҕ ѐмтыс* ‘разбушевался (кто-либо) (букв.: как грозовая туча стал)’; рус. *метать гром и молнии, метать перуны, метать искры, сверкать глазами, мрачнее тучи, туча тучей, выпустить пар*. Образ данных ФЕ восходит к древним формам осознания мира, в которых гром и молния символически связываются с карающей силой.

Гром и молния соотносятся с природно-стихийным кодом культуры, т. е. с совокупностью имён, обозначающих природные явления.

В основе сопоставления с тучей лежит представление о гневе как о чём-то тёмном и способном затемнять (лицо или душу человека). В основе сопоставления с тучей лежит представление о гневе как о чём-то тёмном и способном затемнять (лицо или душу человека), о «грозовом» характере гнева, о его способности сгущаться и приобретать всё больший объём. Внутренние образы данных ФЕ основаны на природной метафоре, когда в состоянии крайней разгневанности человек уподобляется мощной природно-стихийной силе.

Одно из наиболее заметных образных соответствий гнева отражается посредством отождествления его с *огнём*. Основанием данного сопоставления служит разрушительная сила огня, что обнаруживается в образах ФЕ: манс. *самаге улял сālэг (пāсгēг)* ‘злобно глядит (букв.: глаза=его огнём вспыхивают (капают)’; рус. *вспыхнуть от гнева, вспыхнуть как спичка, (пылать) воспылать гневом, испепелить гневом, опалиться гневом, под запал*. Метафора огня высвечивает силу гнева, представляющего опасной стихией.

Таким образом, метафорически гнев оказывается связанным со всеми элементами мира: *огнём, водой, землёй и воздухом*; при этом обнаруживается соединение стихий огня и воды (кипящая жидкость), воды и воздуха (туча), воздуха и огня (молния).

В русском этносознании гнев концептуализируется также посредством метафоры «гнев – нагревание»: *под горячую руку, дойти (доходить) до белого каления, довести до белого каления*, где под словосочетанием *до белого каления* имеется в виду не собственно колоратив белый, а свечение металла (металлического изделия) белым светом при нагреве.

Наиболее интенсивные состояния гнева (ярость, иступление, бешенство) выражаются потерей контроля над речевой и поведенческой деятельностью. От внезапного приступа гнева, ярости, характеризующихся кратковременностью и отличающихся высоким накалом, человек может потерять контроль над собой

и своими эмоциями. Высокоэнергетическое состояние, сопровождающееся безумным поведением человека, концептуализировано в метафоре «*гнев – безумие, помутнение рассудка*»: манс. *КАНТЭН ТИТХАЛ ТА ПАТТУВЕС* ‘обезумел от ярости (кто-либо) (букв.: злость его надвое разделила)’, *ТИТХАЛ ПАТЫС* ‘обезумел (от ярости) (кто-либо) (букв.: надвое разделился)’, *СУТТУРИ ПАТЫС* ‘обезумел (от ярости) (кто-либо) (букв.: поперёк разума упал)’, *НОМТЭ ТЭЛЫГТАСТЭ* ‘помутился разум (у кого-либо) (букв.: мысль=свою смешал)’, *НОМТЭН ОССУВЛАВЭС* ‘потерял самообладание (кто-либо) (букв.: память=его оставила (покинула)»; рус. *сходить с ума, снесло (сорвало, отвернуло) башню, башня поехала, резьбу сорвало, крышу снесло, слететь с катушек, не помнить себя, потерять себя* и др.

Гнев, ярость могут концептуализироваться в метафорическом смысле *быть ослеплённым*, когда субъект совершенно не способен трезво оценивать ситуацию: манс. *САМЫГ СЭҢКВЫЛ ХАРТВЕСЫҢ* ‘в глазах помутилось (у кого-либо) (букв.: глаза=его туманом затянуло)’, *САМАҒЕ СЭҢКВЫН ВАГЛУВЕСЫҢ* ‘в глазах помутилось (у кого-либо) (букв.: на глаза=его туман спустился)’, *КАНТЫҢ-СЭҢКВЫҢ ХУМ* ‘буйный, яростный (человек) (букв.: злой-затуманенный человек)»; рус. *быть ослеплённым от ярости*.

В сравниваемых языках символическим значением обладает *желчь* как горькое вещество: манс. *ВОСЪРАМЕ НАС ПАҢГИ* ‘свирепствует, неистовствует (кто-либо) (букв.: желчь=его так и капает)’, *ВОСЪРАМЫН КОН ТЫ ПАТЫ* ‘свирепствует, неистовствует (кто-либо) (букв.: желчь=его вот-вот наружу выпадет)»; рус. *излить (изливать) желчь*. Связь гнева с желчью обусловлена онтологически, она служит возможностью для концептуализации гнева как горечи. Близость концептов вкуса и эмоций объясняется сходством их реакций. «Горькое вещество вызывает у человека усиленное выделение желчи, а впоследствии раздражительность, в то время как аналогичное состояние может быть вызвано эмоцией гнева, при

которой происходит изменение уровня желчи в организме» [Магомедова 2015: 111].

В мансийском языке метафорически эмоция гнева может объективироваться посредством отождествления с чем-либо *острым и твёрдым*: манс. *СЫМЕ ПЁЛЯЛАВЕ* ‘становится беспокойным, нервничает (кто-либо) (букв.: сердце=его колют)’.

Метафорическое пространство эмоции гнева занимает реализация метафоры «гнев – противник»: манс. *КАНТЭН ТА ЁВУМЛАВЕС* ‘злится (кто-либо) (букв.: злость=его окутывает)’, *КАНТЭ ЁХТУВЕС* ‘разозлился (кто-либо) (букв.: злость=его пришла)’, *КАНТЭН ТĀНАНЭ ХОСАГ НЮНСЛАВЕТ* ‘сводит от злости (кого-либо) (букв.: зло сухожилия=его в длину растягивает)’, *КАНТЭН ТОТЫГЛАВЕ* ‘злится, сердится (кто-либо) (букв.: злость=его носит (водит))’, *НЁЛ ТАЛИХ КАНТ* ‘отходит от злости (кто-либо) (букв.: злость=его на кончике носа)’, *КАНТЭ ПОЙТЫС* ‘успокоился (кто-либо) (букв.: злость=его кончилась)’, *КАНТЭН ТĀРАТАВЕС* ‘успокоился (кто-либо) (букв.: злость=его отпустила)’, *КАНТЭ МИНАС* ‘успокоился (кто-либо) (букв.: злость=его ушла)’; рус. *вспыхнуть от гнева, опалиться гневом, лопаться от злости* и др.

Метафорически в мансийском языке эмоция гнева объективируется также посредством образного воздействия на субъект *некой силы, сущности*: манс. *МАТАРЫН ЁХТЫГЛАВЕ* ‘раздражается (кто-либо) (букв.: что-то к нему приходит)’, *АКВТОП МАТЫР СЯЛТЫ* ‘начинает гневаться, злиться (букв.: будто что-то внутрь входит)’, *АКВТОП НАС ХУЙТАВЕ (ВОСГАВЕ)* ‘заводится (кто-либо) (букв.: будто его заставляют (нашёптывают))’, *ТЭНЭ-АЙНЭ УТ ХОЛЫТ СУНСУҢКВЕ (ĀҢКВАТАҢКВЕ)* ‘злобно, пожирающе смотреть (взглянуть) (букв.: как всепожирающее-всепьющее существо смотреть (взглянуть))’.

В русском языке опасность гнева при потере контроля над ним выражается концептуальной метафорой «гнев – опасное животное»: *как с цепи сорвался, закусить удила, показывать зубы, скалить зубы, показывать когти*.

В мансийской ФКМ зафиксирована когнитивная модель «гнев – болевые/неприятные ощущения», объективируемая в составе ФЕ *тйврет люль* ‘заводится, сердится (кто-либо) (букв.: во внутренностях=его плохо)’, *сыме тёлпыл пўтги (пўтгалтахтас)* ‘накаляется, злится (букв.: сердце=его кровью стучит (внезапно застучало)’, *сыме пёлялаве* ‘становится беспокойным, нервничает (кто-либо) (букв.: сердце=его колют)’.

Важнейшим звеном лингвокультурологической и лингвокогнитивной парадигм изучения фразеологии является *код культуры*, представляющий культуру как семиотическую систему.

Наиболее продуктивная группа фразеологизмов, репрезентирующих эмоцию гнева, представлена *соматическим* кодом культуры. В результате анализа ФЕ установлено, что больше половины ФЕ мансийского языка (54,3%) и почти треть русских ФЕ (31%) являются соматическими. Особенно ярко это прослеживается при описании внешнего вида и действий субъекта, находящегося в состоянии гнева: манс. *самыг кантыңысь хартумтаңкве* ‘сердито посмотреть (букв.: глазами сердито дёрнуть)’, *вильтэ хартыглы* ‘морщит лицо (букв.: лицо=своё дергает (растягивает, кривит)’, *вильтэ хот-нуумтахтас* ‘изменился в лице (кто-либо) (букв.: лицо=его сдёрнулось)’, *люль (кантың) самыл аңкватаңкве (сунсуңкве)* ‘злобно смотреть (букв.: плохими (злыми) глазами смотреть (взглянуть)’, *самаге тэгыг-аёг* ‘злобно, с яростью смотреть’ (букв.: его глаза едят-пьют)’, *самаге хартахартсыг* ‘вытаращил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его большими растянулись)’, *самаге кон ты патёг* ‘вытаращил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его вот-вот выпадут наружу)’, *самыг сюрхилтаңкве* ‘злобно смотреть (с прищуром) (букв.: глаза (злобно) щурить)’, *питьми тóвтуңкве*

(*т̄овмуҥкве*) ‘губы поджимать (букв.: губу жевать (прикусывать)’, *ӯлысь пуҥкытыл яхыртаҥкве* (*сихиртаҥкве*) ‘скрипеть зубами (букв.: коренными зубами скрипеть (скрежетать)’, *не̄вле нас т̄орги* ‘дрожит, трясётся (кто-либо) (букв.: мясо (мышцы)=его так и трясётся (дрожит)’; рус. *сквозь зубы* (*говорить, бормотать*), *цедить* (*процедить*) *сквозь зубы, стиснуть зубы, скрежетать* (*скрипеть*) *зубами, вытаращить глаза, не в духе.*

В состав СФЕ мансийского языка входят наименования 16 частей тела: *сам* ‘глаз’, *сым* ‘сердце’, *т̄елп* ‘кровь’, *восьрам* ‘желчь’, *т̄ивыр* ‘внутренности’, *в̄ильт* ‘лицо’, *не̄л* ‘нос’, *питьми* ‘губы’, *с̄уп* ‘рот’, *пуҥк* ‘зуб’, *тур* ‘горло’, *не̄выль* ‘мясо (мышцы)’, *та̄н* ‘сухожилие’, *ма̄йт* ‘печень’, *ла̄гыл* ‘нога’, *ка̄т* ‘рука’. В русском языке в состав СФЕ входят 12 наименований: *сердце, кровь, жилы, печень, желчь, голова, глаз, рот, зуб, рука, нога, когти.*

Особую продуктивность соматического компонента *сам* ‘глаза’ в сфере мансийского фразеомообразования можно объяснить тем, что, как правило, именно наружные части человеческого тела являются наиболее активными и функционально очевидными для окружающих, в связи с чем они наделяются устойчиво ассоциируемым символическим смыслом. Посредством глаз, являющихся одним из важнейших органов восприятия, человек получает основную информацию об окружающем мире, а также имеет возможность выражения своего внутреннего состояния. Как отмечает Д. А. Герасимова: «Глаза являются центральным элементом системы восприятия и метонимически наделяются способностью к самостоятельной функции, при этом глаза и взгляд выступают как смежные понятия. В определённых ситуациях подтверждением этому является сходство их синтагматики, глаза и взгляд могут отражать любые душевные состояния субъекта, они “говорят” о его настроении, отношении к другим субъектам» [Герасимова Д. А. 2009].

Несколько менее продуктивным в мансийском языке является соматизм *СЫМ* ‘сердце’. Говоря о данном органе, нельзя не повториться, что именно оно отвечает за чувства и эмоции людей. В наивном сознании представителей большинства лингвокультур сердце воспринимается как вместилище чувств, носитель эмоций и душевных переживаний.

В мансийской культуре жизненно важным органом, угроза которому означает угрозу телесной жизни человека, является *тур* ‘горло’, которое, в свою очередь, оказывается метонимически связанным с возможным нарушением дыхания.

В русском языке наиболее частотными являются соматические компоненты *сердце* и *зубы*, что свидетельствует о том, что в картине мира его носителей эмоция гнева локализуется именно в этих органах. Так, внешнее отражение эмоции проявляется посредством совершения человеком различных действий зубами (стискивание, скрежетание, скрипение и т. п.).

В сопоставляемых языках *зубы* выступают как символ агрессии, как оружие нападения или защиты. Вероятно, здесь следует говорить об общекультурной зооморфной метафоре, при которой поведение человека уподобляется поведению животных, поскольку в животном мире зубы являются главным оружием.

ФЕ с компонентом *кровь* раскрывают архаическое мироощущение и мировосприятие, для которых характерно сакральное восприятие крови, имеющей особое значение в обрядовых и ритуальных действиях.

В образе фразеологических аналогов *нѣрың супыл рѣхуңкве* ‘яростно кричать (ругаться) (букв.: пенным ртом кричать (ругаться)’ и *с пеной у рта* (*доказывать, спорить, утверждать*) в значении ‘изо всех сил, настойчиво’ «рот метонимически отождествляется с речевой способностью: речевая деятельность подчиняется эмоционально-чувственному восприятию, уходит из-под контроля рационального начала, что проявляется в излишней возбужденности говорящего, который, споря, не слушает никаких разумных доводов. Пена символизирует

интенсивность и излишнюю эмоциональность речевого процесса, сопровождающегося обильным слюновыделением в процессе взволнованного, возбуждённого разговора» [Захаренко 2013: 19].

Образ ФЕ мансийского и русского языков с компонентом *нога* основан на архетипическом противопоставлении «*правый – левый*», в свою очередь, связанного с оппозициями «*правда – неправда*», «*добро – зло*». Исследователи пишут, что «*правый* ассоциируется с положительным началом и соответствует представлению о правильном, справедливом» [Михайлова 2017: 126], а «*левый* выступает в качестве отрицательного начала, отображая представления о “кривом”, искажённом как о неправильном, отклоняющемся от истины» [БФСРЯ 2006: 139]. «В народно-религиозном сознании правая сторона связывается с идеей успеха, везения, а левая с неудачей, поскольку каждый человек за правым плечом имеет доброго духа-покровителя, а за левым – злого духа-искусителя» [СРФ 1998: 406]. В мансийском языке лексема *в̄ортыпал* ‘левый’ переводится как ‘с этой стороны леса’, тогда как *ёмаспал* ‘правый’ – ‘с хорошей стороны’.

При выражении эмоций в рассматриваемых языках находит отражение универсальный соматический компонент *м̄айт* ‘печень’. Если мансийская ФЕ прямо представляет эмоцию гнева (*кантэ м̄айтын ёхтыс* ‘сильно злится, свирепеет (кто-либо) (букв.: злость=его до печени дошла)’, то русская ФЕ *сидеть в печёнках* используется в значении ‘раздражать, досаждать’. В мансийской лингвокультуре печень занимает особенное место, что находит подтверждение в значительном количестве иных ФЕ (ср. *м̄айтум ул пувтэли* ‘не делай мне больно (букв.: печень=мою не коли)’; *сымтāl-м̄айттāl* ‘злодей (букв.: без сердца-без печени)’ и др.). Печень у манси считается органом, посредством которого выражаются некоторые душевные качества и эмоциональные состояния человека. В наивной картине мира манси печень, как и сердце, считаетсяместилищем жизненной силы.

В системе ФЕ мансиского и русского языков присутствует аксиологически маркированный образ *пространства*, создаваемый в результате концептуализации действительности посредством языка и реализуемый на основе *пространственного* кода культуры, например: манс. *с̄о̄ви сунсӯнкве* (*а̄ңквата̄нкве*) ‘недовольно смотреть (глядеть) (букв.: криво/косо смотреть (глядеть)’, рус. *повысить голос*. Выражение пространства в языках является указанием на расположение объекта относительно говорящего, при этом в мансийском языке отмечается движение в: а) вертикальном направлении вверх: *турын ёхтӯнкве* ‘быть на грани, в раздражении (букв.: к горлу подойти)’, (*аквтоп*) *мо̄т ла̄глэ̄тыл н̄о̄х-лю̄лис* ‘проснулся не в духе (кто-либо) (букв.: (будто) другой ногой вверх встал)’, (*аквтоп*) *во̄ртыпал ла̄глыл лю̄лис* ‘проснулся не в духе (кто-либо) (букв.: (будто) левой ногой встал)’; б) вертикальном направлении вниз: *восьраме нас па̄сги* ‘свирепствует, неистовствует (кто-либо) (букв.: желчь=его так и капает)’; в) горизонтальном направлении: *кантэ ёт х̄айтыгты* ‘злится (букв.: со злом=своим вместе бегаёт), *кантэн тотыглаве* ‘злится, сердится (кто-либо) (букв.: злость=его носит (водит)’, а также: г) вертикальном направлении вниз и наружу: *восьрамын кон ты паты* ‘свирепствует, неистовствует (кто-либо) (букв.: желчь=его вот-вот наружу выпадет)’.

В русском языке отмечается движение в: а) вертикальном направлении вверх: *лезть на стенку, вставать не с той ноги, встал с левой ноги*; б) вертикальном направлении вниз: *снесло (сорвало, отвернуло) башню, слететь с катушек*; в) горизонтальном направлении: *прийти (приходить) в бешенство (ярость), башня поехала*, а также: г) наружу: *выйти (выходить) из себя, выйти (выходить) из терпения, излить (изливать) желчь, излить (изливать) гнев*; д) вовнутрь: *лезть в бутылку, лезть в пузырь, входить (войти) в раж*.

В сопоставляемых языках находит отражение *антропный код культуры*, являющийся одним из самых сложных в системе знакового кодирования: манс. *СЫМЕ КАНТЛЫ* ‘сердится, злится (кто-либо) (букв.: сердце=его сердится)’, *АКВТОП ЛЮЛЬСАН ХУЯС* ‘раздражённый человек (букв.: будто плохо спал)’, *СЫМЕ АТ ВЁРИТЫ* ‘заводится, раздражается (кто-либо) (букв.: сердце=его не терпит)’, рус. *под сердитую руку, терять самообладание, потерять терпение.*

В составе ФЕ представлен *артефактный код культуры*, способствующий представлению, осмыслению, познанию и оценке сущности отвлечённых понятий в опоре на вполне конкретные образы, отсылая нас к предметному, вещному коду традиционной народной культуры манси и русских, например: манс. *КАНТ ХУРЫГ* ‘1) злой, сердитый человек; 2) постоянно злой человек (букв.: мешок со злостью)’, *КАНТ ХУСАП* ‘1) злой, сердитый человек; 2) постоянно злой человек (букв.: коробка со злостью)’, *САМАГЕ СЯЙ АНЫ ПИС ХУРИП* ‘вытаращил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его на чайные блюдца похожи)’, рус. *закусить удила, как с цепи сорвался, взорваться (взрываться) как порох, лезть в бутылку, чаша терпения переполнилась.* Большинство артефактов представляет собой предметы домашнего быта.

Маркером отношения к эмоции гнева в мансийской и русской лингвокультуре является *цвет*: манс. *ВЙЛЬТЭ ТУҢРА АВРАХ ХОЛЬТ ЁМТЫС* ‘изменился в лице (кто-либо) (букв.: лицо=его цвета торфяного обрыва стало)’, рус. *позеленеть от ярости.*

Важным в лингвокультурах при представлении эмоции гнева представляется *зооморфный код культуры*: манс. *АМП ХОЛЬТ КАРГУҢКВЕ* ‘злобно ругаться (букв.: подобно собаке рычать)’, *ХАРМИС САМЫЛ АҢКВАТАҢКВЕ (СУНСУҢКВЕ)* ‘злобно смотреть (букв.: бычьими глазами глядеть (смотреть)’, *УРИНЭКВА ХОЛЬТ РОҢХУҢКВЕ* ‘громко ругаться (кричать) (букв.: как ворона кричать)’, *ТУЛМАХ ХОЛЬТ СУНСЫ* ‘злобно смотрит (кто-либо) (букв.: как росомаха

смотрит)»; рус. *зверь просыпается (в ком-либо), как разъярённый бык, точно муху проглотил, смотрит (глядит) зверем, быком смотрит (глядит)*. В русском языке имеется ФЕ как *с цепи сорвался*, содержащая в своей основе опосредованное указание на образ *собаки*.

В ходе анализа в языках выявлены ФЕ, имеющие в составе компоненты-наименования *религиозно-мифологического* персонажа: манс. *КАНТЫҢ ЯВОЛ* ‘1) разъярённый человек; 2) злодей, негодяй (букв.: злой дьявол)’ *заим.*, *ХОМЫЛ ЯВОЛ* ‘1) разъярённый человек; 2) злодей, негодяй (букв.: ничтожный дьявол)’ *заим.*; рус. *сам дьявол вселился, смотрит (глядит) чёртом (дьяволом)*.

В ходе проведённого анализа были получены следующие выводы:

Мансийский и русский языки располагают большим количеством ФЕ семантического поля *гнев*, способных проиллюстрировать динамику развития эмоции, начиная с зарождения и заканчивая её самыми экстремальными стадиями.

Наибольшее распространение среди фразеологизмов, описывающих эмоцию гнева, получили глагольные ФЕ (87% в мансийском и 89% в русском языках). При этом глаголы в составе ФЕ могут быть как самостоятельно смыслообразующими: манс. *рōҥхуҥкве* ‘кричать’, *тōргуҥкве* ‘дрожать, трястись’, *тэҥкве-аюҥкве* ‘есть-пить’, *сāлгуҥкве* ‘вспыхивать, сверкать’, *каргуҥкве* ‘рычать’, *кантлуҥкве* ‘злиться’ и др.; рус. *воспылать, взрываться, испепелить, закусить, сорваться, вскипать* и др.; так и выступать в качестве опорных компонентов: манс. *вāруҥкве* ‘делать’, *патуҥкве* ‘стать, становиться’, *ёхтуҥкве* ‘приходить’, *хулиглалуҥкве* ‘наполняться’ и др.; рус. *выходить, доходить, показывать* и др.

Материалы исследования эмоции гнева позволяют отметить, что образные ассоциации ФЕ преимущественно базируются на метафорическом переносе значения. Анализ базовых моделей проявления эмоции гнева позволяет прийти

к выводу, что общекультурными являются следующие метафорические модели: «гнев – заполнитель контейнера»; «гнев – кипение»; «гнев – пена»; «гнев – взрыв»; «гнев – стихия», в рамках которой выделяются модели «гнев – туча», «гнев – гроза», «гнев – огонь»; «гнев – безумие, помутнение рассудка»; «гнев – ослепление»; «гнев – желчь как горькое вещество»; «гнев – противник».

Национально-культурное своеобразие заключается в обнаружении в мансийском языке метафорических моделей «гнев – нечто острое и твёрдое», «гнев – болевые/неприятные ощущения», «гнев – некая сила, сущность»; в русском языке моделей «гнев – жидкость», «гнев – нагревание», «гнев – опасное животное».

Общечеловеческое, универсальное мировидение при представлении эмоции гнева в мансийском и русском языках выявляется посредством: соматических компонентов *сам* – глаз, *сым* – сердце, *тѣлп* – кровь, *восьрам* – желчь, *суп* – рот, *пуңк* – зуб, *майт* – печень, *ка̄т* – рука, *ла̄гыл* – нога; зоонимических компонентов *ха̄рмис* – бык; при этом, несмотря на то, что в составе ФЕ русского языка, описывающих эмоцию гнева, прямо не встречается лексема *собака* или её производные, нельзя отрицать, что данный образ является общекультурным при репрезентации эмоции гнева; наименования религиозно-мифологического персонажа *явол* (заим.) – дьявол; наименований явлений природы *не̄р* – пена, *сяхыл* – туча.

Национальное своеобразие языков выявляется посредством соматических компонентов: манс. *вѣльт* ‘лицо’, *не̄л* ‘нос’, *питьми* ‘губы’, *тур* ‘горло’, *не̄выль* ‘мясо (мышцы)’, *та̄н* ‘сухожилие’; рус. *жилы*, *голова*, *когти*, а также лексемы *дух*, рассматриваемой в работе с точки зрения её соматической природы [ФОСРЯ 2009: 109, 166, 167]; зоонимических компонентов: манс. *ӯринэква* ‘ворона’, *тӯлмах* ‘росомаха’; рус. *зверь*; наименований артефактов: манс. *хӯрыг* ‘мешок’,

хусап ‘коробка’, *āны пис* ‘блюдец’; рус. *удила, цепь, порох, крыша, бутылка, пузырь, чаша*.

Наиболее частотными базовыми лексемами-репрезентантами являются: манс. *кант* ‘злоба / злость’ и её производные (27%), *сам* ‘глаз’ (17%), *сым* ‘сердце’ (8,6%); рус. – *зубы* и *гнев* (по 8,5%).

Анализ семантических характеристик ФЕ языков выявил все четыре класса межъязыковых соответствий, среди которых один полный и семь частичных эквивалентов. Основная группа ФЕ представлена фразеологическими аналогами и безэквивалентными ФЕ.

2.3.2. Фразеологическое представление эмоции *страх*¹²

Языковое представление эмоции страха, воплощённой во ФЕ, следует изучать в соответствии с лингвокультурологическим подходом, поскольку невозможно описать «эмоциональные сценарии» без исследования связи национального языка и этнокультуры. Так, эмоцию страха у детей народа манси могли вызывать такие различные фольклорные и мифологические существа, присущие исконно мансийской культуре, как *Тāнвāрпэквa*, *куль*, филин, щука, мышь, например: *Молях ёл хуипен, тах Тāнвāрпэквa ёхты* ‘Быстро спать ложись, а то Танварпэква придёт’; *Эла ул минэн, тот пись-пись олы* ‘Далеко не уходи, там мышка живёт’; *Вōрн ул минэн, йипыгн ёхтавен* ‘В лес не ходи, а то филин (чудище) к тебе прилетит (придёт)’; *Витн ул новхатэн, яныг сорт ху́лн витн харттaвен* ‘В воду понапрасну не лезь (не трогай), а то большая щука тебя в воду затянет’.

¹² В данном параграфе использованы материалы автора диссертации из статьи: Динисламова, О. Ю. Языковая репрезентация базовой эмоции ‘страх’ в мансийском языке (на материале соматических фразеологических единиц) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017в. – Т. 11. – №4. – С. 7–19. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/1982/1969>.

Изучение ФЕ исследуемых языков, представляющих эмоцию страха, позволяет сделать вывод об их сложной концептуальной структуре: ФЕ осуществляют роль хранилища информации о том, что происходит во внутреннем мире человека, о том, как эмоция проявляется внешне, как её проявление оценивается окружающими и самим субъектом.

Чувство страха было присуще ещё древнему человеку: страх перед будущим, необъяснимыми явлениями природы, страх нападения, преодоления трудностей, страх за свою жизнь и жизнь окружающих – все эти примеры являются подтверждением того, что данная эмоция является одной из доминантных и носит общечеловеческий характер. В то же время она обладает специфическими для каждого народа чертами, что объясняется наличием субъективного восприятия окружающей действительности.

Фразеологизмы, описывающие эмоцию страха, обладают различной степенью интенсивности. «ФЕ со слабой степенью интенсивности выражают такие оттенки страха, как *сомнение, робость, недоверие, волнение, напряжённость*. Фразеологизмы, детерминирующие *тревогу, нервозность, испуг, боязнь*, демонстрируют среднюю степень проявления этого чувства. ФЕ, обладающие высшей степенью проявления чувства страха, демонстрируют такие эмоции как *трепет, перепуг, ужас, паника, жуть*» [Кораблева 2008: 229].

Особым проявлением страха является *испуг*, иногда называемый «неожиданным страхом» [Ильин 2008: 168]. Он возникает как реакция на неожиданный сильный звук, событие, явление или какой-либо объект. Для такого страха характерна кратковременность протекания.

В словарях встречается различное толкование лексемы *страх*: 1) «очень сильный испуг, сильная боязнь» [Ожегов, Шведова 1999: 772]; 2) «состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас» [Ушаков 2009: 797].

Страх является эмоцией, заключающейся «в резком и неприятном нарушении психического равновесия, возникающем под воздействием какого-

либо стрессового фактора, несущего в себе опасность того или иного рода» [Рогозина 1999: 281]. Поведение человека носителями различных лингвокультур оценивается по-разному, соответственно, результат эмоционального осмысления ситуации страха по-разному отражается во фразеологизмах.

Корпус исследуемого материала составляет практически равное количество ФЕ: **109** в мансийском и **107** в русском языках.

Репрезентация эмоции страха в сопоставляемых языках находит своё выражение посредством системы лексем и комплекса образных выражений разной структурной и семантической организации.

В мансийском языке имеется достаточно обширный синонимический ряд с доминантой *бояться*: манс. *пилуңкве* ‘бояться, трусить’, *рохтуңкве* ‘испугаться; струсить’, *рохтуптаңкве* ‘напугать, пугать’, *рохтыглаңкве* ‘пугаться’, *рохтыгләлуңкве* ‘пугаться’, *хурахлаңкве* ‘бояться’, *ургалахтуңкве* ‘остерегаться’, *эссамтаңкве* ‘робеть’, *рампуңкве* ‘трепетать’, *торгуңкве* ‘трепетать, дрожать’, *расгуңкве* ‘трепетать’.

В русском языке синонимический ряд с доминантой *бояться* представлен следующими глаголами: *трусить*, *робеть*, *опасаться*, *страшиться*, *пугаться*, *трепетать*, *дрожать*, *паниковать*, *ужасаться*.

В мансийском языке наименование эмоции номинируется лексемами *пилысьма* ‘страх, боязнь’, *рохтыл* ‘испуг’, *яныг пилысьма* ‘ужас’; в русском языке лексемами *боязнь*, *испуг*, *ужас*, *трепет*, *паника*.

Прилагательными, используемыми при описании эмоции страха, являются: манс. *пилысьмаң* ‘страшный’, *хурахлаң* ‘трусливый’, *пиласиң* ‘трусливый’, *рохтың* ‘боязливый, пугливый’; рус. *страшный*, *ужасный*, *жуткий*, *кошмарный*, *боязливый*, *пугливый*, *робкий*, *несмелый*, *трусливый*.

В сопоставляемых языках имеются две семантические группы прилагательных. Одна из них сочетается с компонентами причины:

манс. *ПИЛЫСЬМАҢ* ‘страшный’; рус. *страшный, ужасный, жуткий, кошмарный*. Для другой группы прилагательных характерны свойства личности, которые возникают в контактах с другими людьми: манс. *хурахлаҢ* ‘трусливый’, *пиласиҢ* ‘трусливый’, *рохтыҢ* ‘боязливый, пугливый’; рус. *боязливый, пугливый, робкий, несмелый, трусливый, малодушный*.

Для сопоставительного исследования языков наиболее эффективным представляется *анализ оппозиций* [Щур 1974: 15]. Для этого выделим следующие возможные оппозиции ФЕ, представляющих эмоцию страха: 1) интенсивность эмоции; 2) кратковременность – долговременность; 3) характер эмоции (благородный – неблагородный); 4) контролируемость – неконтролируемость; 5) проявления эмоции.

По шкале *интенсивности* эмоции страха менее интенсивными проявлениями являются *робость* и *боязливость*, которые находят отражение во ФЕ: манс. *с᠔выр сым* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: заячье сердце)’, *пиласи сым* ‘трусливый человек (букв.: трусливое сердце)’, *исхоретыл пилы* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: тени=своей боится)’, *суил пилы* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: звука боится)’; рус. *заячья душа, собственной тени боится*.

Наиболее интенсивные проявления эмоции страха – *ужас* и *паника* – находят отражение в следующих ФЕ: манс. *сыме титтыг ты паты (толматы)* ‘испытывает сильный страх (кто-либо) (букв.: сердце=его вот-вот надвое разделится (разорвётся))’, *м᠔т совын патуҢкве* ‘испытать сильный страх (букв.: в другую шкуру (кожу) попасть)’; *яныг пилысьмал пинвес* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: большой страх положили (на него))’ и др.; рус. *трепетать от страха, сердце оборвалось (оторвалось), обезуметь от страха* и др.

В оппозиции *кратковременность – долговременность* во ФКМ выявлены ФЕ, имеющие в своей семантике или форме показатели долговременности или

кратковременности протекания действия, например: манс. *исе хот рагатас* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: душа=его выпала)’ – *исе хот ты рагаты* ‘сильно боится (кто-либо) (букв.: душа=его выпадает)’; *сыме рохтыглас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его испугалось)’ – *сыме рохтыс* ‘боится (кто-либо) (букв.: сердце=его боится)’ и др.; рус. *сердце ёкнуло* – *сердце ёкает*; *оцепенел от страха* – *цепенеет от страха* и др.

Категорию *благородство* в группе ФЕ, репрезентирующих оппозицию *характер эмоции (благородный – неблагородный)*, возможно выделить только при определённом контексте, например, если человек боится за своих близких, а не за себя, что будет служить оправданию «низменного» чувства страха, поскольку в обоих лингвокультурных сообществах чувство страха и его различные проявления не приветствуется. При отсутствии контекста в пределах данной группы ФЕ из существующих оппозиций «хорошо – плохо» и «одобрение – неодобрение» можно выделить «нейтрально – плохо» и «нейтрально – неодобрение» [Малышев 2008: 244], например: манс. *сыме пилысьмал т̄агиньтас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его страхом наполнилось)’, *сыме тув янтвес* ‘испугался (букв.: сердце=его загустело)’, *ла̄глаге тув к̄артсыг* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его недвижимыми стали)’ и др.; рус. *окаменеть от страха*, *потерять дар речи*, *страх овладел кем-либо* и др. Данные примеры являются более или менее нейтральными на обеих шкалах и не выражают отношения говорящего к описываемому.

В следующих примерах показывается неодобрение и даже презрительное отношение к человеку, испытывающему страх, например: манс. *лю̄ль в̄арӯнке* (*в̄арапан̄кве*) ‘наложить в штаны (от страха) (букв.: плохое сделать (быстро сделать))’, *тӯйкуп хольт лю̄лю̄нке* ‘оцепенеть (от страха) (букв.: тӯйкуну (перевод неизвестен) подобно стоять)’; рус. *наложить (наделать) в штаны*, *поджать хвост*.

Поскольку «страх по своей природе является произвольной и иррациональной эмоцией, то зачастую ему сопутствуют неконтролируемые действия» [Белая 2006: 108]. Так, в состоянии очень сильного страха человек может убежать, закричать и т. п., например: манс. *лāглыг сēприныл виңкве* ‘мчаться сломя голову (букв.: из затылка ноги брать)’, *люль турыл рōңхуңкве* ‘кричать от страха (букв.: плохим горлом кричать)’; рус. *бежать, поджав хвост, кричать не своим голосом*.

Как видно, действия субъекта, испытывающего сильный страх, что подтверждается приведёнными выше примерами, могут как снижать, так и не снижать статус субъекта.

В случае анализа эмоции на материале ФЕ, выражающих внутренние или внешние переживания, можно говорить об оппозиции *контролируемость – неконтролируемость*. При этом о контролируемости действий можно говорить лишь с некоторой натяжкой, так как данные переживания под воздействием настолько экспрессивной эмоции являются спонтанными, хотя относительная контролируемость может быть отмечена. Так, среди выделенных ниже моделей относительной контролируемостью обладают ФЕ, описывающие внешне выраженную поведенческую реакцию человека, некоторые вербальные действия, например: манс. *самаге кон ты патэг* ‘вытаращил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его вот-вот выпадут наружу)’, *суп āтим, нēлм āтим* ‘потерял дар речи (кто-либо) (букв.: рта нет, языка нет)’; рус. *съёжиться от страха, затаить дыхание*. Неконтролируемые реакции человека могут быть выражены посредством ФЕ: манс. *вйльтэ туйт хурипаг емтыс* ‘побледнел от страха (кто-либо) (букв.: лицо=его как снег стало)’, *лāгыл-кāt тāнанэ нас тōргēгыт* ‘дрожит от страха (кто-либо) (букв.: на ногах-руках=его сухожилия так и трясутся)’; рус. *покрыться гусиной кожей, ноги стали ватными*.

Основой для формирования ФЕ, описывающих эмоцию страха, являются внутренние и внешние переживания человека. На материале образных оснований

данных ФЕ выделим модели, основанные на различиях между проявлениями данных переживаний с точки зрения культурно-национальной маркированности.

Фразеологический материал позволяет установить, что наиболее существенная и значимая роль в представлении эмоции страха отводится СФЕ, обладающим наиболее высокой фразеомообразовательной активностью, в особенности при описании физиологических проявлений эмоции страха. Установлено, что большинство ФЕ мансийского языка (75,2%) и больше половины русских ФЕ (54,2%) являются соматическими.

Среди компонентов, репрезентирующих эмоциональное состояние *страха* в мансийской ФКМ, зафиксированы 24 различных соматизма: *СЫМ* ‘сердце’, *ВЙЛЬТ* ‘лицо’, *КАТ* ‘рука’, *ЛАГЫЛ* ‘нога’, *ТУР* ‘горло’, *НЁВЫЛЬ* ‘мясо (мышцы)’, *ОС* ‘кожа лица’, *ПУЊК* ‘голова’, *АТ* ‘волосы’, *ПУЊК* ‘зуб’, *САМ* ‘глаз’, *АЛПИ* ‘тело’, *ИС* ‘душа’, *ИСХОР* ‘душа-тень’, *ЛЫЛЫ* ‘душа-дыхание’, *ТЁЛП* ‘кровь’, *ТАРС* ‘жила (кровеносный сосуд)’, *СОВ* ‘кожа’, *НЁЛМ* ‘язык’, *СЁПРИ* ‘затылок’, *СУП* ‘рот’, *ТУЛЯ* ‘палец’, *ХАЊРА ПАТТА* ‘пятка’, *ТАН* ‘сухожилие’. В русском языке в состав СФЕ входят наименования 22 соматизмов: *сердце, нога, лицо, язык, глаза, кровь, голова, хвост, кожа, пятка, волосы, душа, плечо, спина, грудь, зоб, лоб, зуб, колени, горло, жилы (кровеносные сосуды), сухожилия.*

Общекультурными являются 15 соматизмов: *СЫМ – сердце, ЛАГЫЛ – нога, ВЙЛЬТ – лицо, САМ – глаз, ПУЊК – голова, ПУЊК – зуб, ИСХОР, ЛЫЛЫ – душа, НЁЛМ – язык, АТ – волосы, ТУР – горло, ТЁЛП – кровь, СОВ – кожа, ХАЊРА ПАТТА – пятка, ТАРС – жила (кровеносный сосуд), ТАН – сухожилие.*

Фразеологическая активность соматического компонента, его частотность в составе ФЕ определяется «степенью закреплённости в общественном сознании и понимании необходимости того или иного органа или части человеческого тела в труде и жизни» [Петрова 2007: 136].

В мансийском языке наиболее продуктивными являются лексемы *СЫМ* ‘сердце’, *ЛАГЫЛ* ‘нога’, *ВИЛЬТ* ‘лицо’. Как символически маркированные компоненты они входят в состав 25,7%, 10% и 9,2% СФЕ соответственно. В русском языке наблюдается аналогичная ситуация: лексемы *сердце*, *нога* и *лицо* являются наиболее продуктивными соматическими компонентами (13%, 6,5% и 5,6%).

Значительное число СФЕ, репрезентирующих эмоцию страха в мансийском языке, содержит в составе компоненты *НЁЛМ* ‘язык’ и *тур* ‘горло’ (по 5,5%), в русском – соматизм *язык* (4,7%).

Наиболее продуктивным смыслообразующим компонентом мансийских и русских СФЕ является *сердце* – это не только средоточие чувств, желаний и настроений человека, но и центр интуиции, центр сознания и бессознательного, души и тела, греховности и святости, мышления и воли. В связи с высокой значимостью данного компонента для ФКМ считаем необходимым рассмотреть его функционирование более подробно.

В обеих ФКМ *сердце* представляется способным покинуть своё привычное место нахождения, ср.: манс. *сыме ёл рагатас (патыс)* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его вниз выпало (упало)’; рус. *сердце в пятки ушло*. При рассмотрении образа «ухода сердца со своего места» отмечается, «что грамматические (глагольные) средства выражения этой ситуации и фразеологические образы специфичны для каждого языка: при этом обозначается ситуация движения (выскакивания) сердца вверх или вниз» [Самедов 2006: 41–42]. В основе данных образов лежит мифологическое представление о возможности сердца перемещаться в теле. Соответственно, в системе ФЕ, описывающих эмоцию страха, присутствует аксиологически маркированный образ пространства, создаваемый в результате концептуализации действительности посредством языка и реализуемый в виде *пространственной* метафоры.

Метафорические выражения, основанные на исходном образе движения по вертикали, Д. Лакофф и М. Джонсон определили как *ориентационные* метафоры. Общим основанием для образного переноса в таких метафорических именах являются закреплённые в языке архетипические представления о пространственной вертикали. Физической основой метафорических выражений, характеризующих настроение, состояния посредством глаголов движения по вертикали, является наблюдение за поведением человека, испытывающего те или иные эмоции. Универсальной особенностью пространственной метафоры при репрезентации эмоции страха является движение сердца в вертикальных направлениях:

вниз – наружу, ср.: манс. *СЫМЕ КОН ТЫ ПОРЫГМИ* ‘боится, испытывает страх (кто-либо) (букв.: сердце=его вот-вот выпрыгнет наружу)’, *СЫМЕ ЁЛ РАГАТАС (ПАТЫС)* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его вниз выпало (упало)’, *СЫМЕ КОН АЛА МИНАС* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его чуть наружу не ушло)’; рус. *сердце выпрыгивает из груди*;

вниз – внутрь, ср.: *СЫМЕ ЛАҒЫЛ ТУЛЁВЫЛН ЁХТЫГПАЛЫС* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его очень близко к пальцу ноги доходило)’, *СЫМЕ ЁЛ-ОЙМАТАС* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его соскользнуло)’, *СЫМЕ ХАҢРА ПАТТАН ХОЯС* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его пяток коснулось)’; рус. *сердце опустилось, с упавшим сердцем, сердце в пятки ушло, сердце закатывается (закатилось), сердце оборвалось (оторвалось), сердце упало (падает)*.

Движение *сердца* в вертикальном направлении *вверх* при представлении эмоции страха не характерно для языков, что свидетельствует об универсальности образов, лежащих в основе метафорического осмысления данной эмоции.

«Образы “отсутствия” сердца в привычном, “положенном” месте (в груди) и перемещения его на периферию человеческого тела означают нарушение

нормального положения вещей, угрожающее жизни человека» [БФСРЯ 2006: 632]. СФЕ с компонентом *сердце* в языках, в целом, восходят к древнейшему архетипическому противопоставлению «жизнь – смерть», где страх и смерть часто отождествляются, ср.: манс. *сяма ала рагатас* ‘чуть не умер (от страха) (букв.: насмерть чуть не упал)’; рус. *испугаться до смерти*. Таким образом, ФЕ с компонентом *сердце* соотносятся с телесно-антропным, физически-процессуальным и телесно-пространственным кодами культуры.

Метафора *пребывания, нахождения* в пространстве реализуется в виде ФЕ, образно обозначающих замирание, застывание сердца на одном месте, ср.: манс. *сыме тув к̄артыс* ‘сердце замирает (у кого-либо) (букв.: сердце=его обмерло (окаменело)’; рус. *с замиранием сердца, сердце захолонуло*.

В языках находит отражение *антропоморфная* метафора, выявляющаяся в сознании носителей в виде отождествления *сердца с человеком*. В основе данной метафоры, кодирующей исследуемую эмоцию, лежат такие явления, как *персонификация* и *олицетворение*, ср.: манс. *сыме рохтыс* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его испугалось)’, *сыме хурахлы* ‘боится (кто-либо) (букв.: сердце=его боится)’, *сыме хасумтас* ‘испугался (букв.: сердце=его дёрнулось)’, *сыме хотталь та сялтапас* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его куда-то спряталось (исчезло)’, *пиласи сым* ‘трусливый человек (букв.: трусливое сердце)’; рус. *сердце замирает, сердце в пятки ушло, сердце сжимается*.

В сопоставляемых языках выявлена *зооморфная* метафора, реализуемая в составе эквивалентных ФЕ посредством отождествления *сердца* с образом *зайца*, повадки которого сравниваются с несмелым, трусливым поведением человека, например: манс. *с̄выр сым* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: заячье сердце)’, *с̄выр сым т̄эс* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: заячье сердце съел)’; рус. *заячье сердце, заячья душа, робок как заяц, труслив как заяц*.

Сердце может обладать предметными признаками в виде метафоры *сердце – предмет*, например: манс. *сыме кон ты повари (нэҕлы)* ‘сильно боится (кто-либо) (букв.: сердце=его словно сейчас наружу выкатится (вылезет)’, *сыме лап-минас* ‘сердце сжалось (у кого-либо) (букв.: сердце=его захлопнулось)’, *сыме лап-тотыгпавес* ‘сердце сжалось (у кого-либо) (букв.: сердце=его сжало)’, *сыме ты покапи* ‘боится (букв.: сердце=его сейчас лопнет (треснет)’, *сыме титтыг ты паты (толматы)* ‘испытывает сильный страх (кто-либо) (букв.: сердце=его вот-вот надвое разделится (разорвётся)’; рус. *сердце закатывается (закатилось)*.

Эмоция страха репрезентируется посредством образного *дрожания, трепетания* сердца, например: манс. *сыме нас тōрги* ‘боится (кто-либо) (букв.: сердце=его так и дрожит)’, *сыме сорнятас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его вздрогнуло)’, *сыме манумтас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его рванулось)’; рус. *сердце дрожит как овечий хвост, сердце ёкает*.

Анализ ФЕ с ключевым соматическим компонентом *сердце* позволяет констатировать, что данный соматизм является базовой лексемой-репрезентантом эмоции страха в составе ФЕ сопоставляемых языков. Согласно наивной анатомии, *сердце* является вместилищем, главным местом локализации эмоции.

В качестве дополнения стоит отметить, что в мансийском языке в рамках пространственной метафоры отмечается движение сердца не только в вертикальном, но и в *горизонтальном* направлении, при этом отмечается мгновенность действия, выражаемая посредством глаголов движения, например: *сыме хотталь та ояс (сӯлттыс)* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его куда-то (неожиданно) сбежало (умчалось)’, *сыме нёвумтас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его сдвинулось (резко)’, а также метафорический образ *исчезновения* сердца из «поля видимости», например: *сыме хотталь та сялтапас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его куда-то спряталось (исчезло)’, *сыме та*

тыпылтастэ ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=свое потерял)’, *сымтāl ала патыс* ‘чуть не умер (от страха) (кто-либо) (букв.: без сердца чуть не остался)’.

В мансийской ФКМ выявлены следующие базовые метафоры: *вместилища*: *сыме пилысьмал тāгиньтас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его страхом наполнилось)’; *воздействия*, частными видами которого являются: *деформация*, например: *сыме таңыртаве (таңралаве)* ‘сердце сжимается (у кого-либо) (букв.: сердце=его жмут (мнут)’; *деструкция*, например: *сымен матыр пēлхатас* ‘сердце кольнуло (букв.: что-то в сердце=его воткнулось (вонзилось)’.

Для метафор подобного рода характерна связь с телесной сферой: осознается, что негативное воздействие эмоции направлено на определённые органы, функционирующие как вместилища эмоций.

Следующим важным символически маркированным соматическим компонентом являются *ноги*, культурное значение которых можно свести к некоторым базовым представлениям, к древнейшим формам осознания и моделирования мира [Захаренко 2003: 86]: *ноги* связаны с представлением о точке опоры естественного для жизнедеятельности человека вертикального положения в пространстве и выступают в роли символа устойчивости в окружающем человека мире. Естественным для человека является стремление избежать опасности, в случае её возникновения возможны два варианта развития событий – активная позиция, когда субъект проявляет повышенную физическую деятельность (убегает, мечется, вступает в схватку и т. п.), и пассивная, когда субъект замирает, впадает в оцепенение, ступор.

В мансийском языке первый вариант может быть проиллюстрирован на примере ФЕ *лāглыг сēприныл виңкве* ‘мчаться (быстро) (букв.: из затылка ноги брать)’, *лāглыл сēприн хоюңкве* ‘мчаться (быстро) (букв.: ногами затылок задевать)’, в русском – на примере ФЕ *бежать сломя голову, бежать как ошпаренный*.

Во втором случае человек в момент сильного страха, впадая в состояние оцепенения, теряет контроль над мышцами (в первую очередь, над мышцами ног), что грозит ему потерей опоры в пространстве, ср.: манс. *лāглаге ёл-ханасыг* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его вниз прилипли)’; рус. *ноги подкашиваются*. Посредством соматического компонента *ноги* ФЕ соотносятся с телесно-антропным кодом культуры, а посредством смысловых глаголов *ёл-ханасыг* ‘вниз прилипли’, *подкашиваются* – с физически-процессуальным кодом. Подобные ФЕ образованы телесно-пространственной метафорой, уподобляющей переживание страха, ужаса ощущению, похожему на паралич, оцепенение или обездвижение ног.

Метафора *пробывания, нахождения* в пространстве как разновидность пространственной метафоры реализуется посредством ФЕ: манс. *лāглаге тув сāйтсыг* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его онемели)’, *лāглаге тув кāртсыг* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его недвижимыми стали)’, *санс накануне тув кāртсыг* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: коленные суставы=его недвижимыми стали)’, *лāглаге аквтоп мāнн ханасыг* ‘оцепенел (букв.: ноги=его будто к земле прилипли)’, *лāглаге ёл-ханасыг* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его вниз прилипли)’, *лāглаге аквтоп мāнн ёл-пуввесыг* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его будто земля вниз поймала)’; рус. *ноги не шевелятся, стоят как вкопанный, прирасти к земле от страха*.

Эмоция страха репрезентируется посредством образной *тяжести* ног, ср.: манс. *лāглаге āнқвалыг ёмтапасыг* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его пнями сделались)’; рус. *ноги тяжелеют*, а также их *слабости*, ср.: манс. *лāглаге-кāтаге хот-нёвламасыг* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги-руки=его обмякли)’; рус. *ноги подгибаются, ноги подкашиваются, ноги отнялись, ноги стали ватными, еле стоять на ногах*.

В мансийском языке эмоция страха представлена посредством образного *дрожания* ног, например: *лāглаге нас тōргег* ‘ноги трясутся (от страха) (букв.: ноги=его так и дрожат)’, *лāгыл-кāt тāныт нас тōргēгыт* ‘дрожит от страха (кто-либо) (букв.: на ногах-руках=его сухожилия так и трясутся)’.

Анализ ФЕ с ключевым соматическим компонентом *ноги*, характеризующих эмоцию страха, показывает, что данный соматический компонент наряду с компонентом *сердце* является местом локализации эмоции страха.

Следующим важным локусом страха в мансийской и русской ФКМ является *лицо* человека. Большое внимание при этом обращает на себя цвет лица. Данный признак важен для понимания эмоционального состояния человека. Бледность исследователь определяет признаком страха или усталости [Пименова 2009: 101].

Бледность, побледнение как маркер страха актуализируется во фразеологизмах: манс. *вйльтэ яңкыг сёнхатас* ‘побледнел от страха (кто-либо) (букв.: лицо=его белым побледнело)’, *вйльтэ туйт хурипаг ёмтапас* ‘побледнел от страха (кто-либо) (букв.: лицо=его как снег стало)’, *осэ хот-нуйомтавес* ‘побледнел от страха (кто-либо) (букв.: лица кожу=его сдёрнули)’; рус. *лицо побелело от страха, краска сползает с лица, ни кровинки в лице нет, стать бледным как полотно, быть бледным как смерть, быть бледным от страха*. В русском языке можно отметить целый цветовой ряд постоянных сравнений, описывающих бледный цвет лица: *белый как снег, белый как мертвец, белый как мел, белый как скатерть* и т. п.

Анализ *цветовой* метафоры указывает, что в мансийском языке эмоция страха может осмысливаться посредством образного потемнения лица: *вйльтэ тунра аврах хольт ёмтыс* ‘изменился в лице (кто-либо) (букв.: лицо=его цвета торфяного обрыва стало)’, *осэ пут хурипаг ёмтыс* ‘изменился в лице (кто-либо) (букв.: кожа лица=его как котёл стала)’. Отношения «эмоции – цвет» не носят

случайного характера: они «сцеплены» между собой на очень глубокой основе и являются важными при представлении эмоции страха.

В исследуемых языках выявлены частичные эквиваленты *ВЙЛЬТТĀЛ ПАТЫС* ‘лица нет (у кого-либо) (от страха, потрясения) (букв.: безликим стал)’ и *лица нет*, содержащие в своём значении образное указание на *отсутствие* лица, поскольку в моменты эмоциональных расстройств мимическая мускулатура лица срабатывает соответствующим образом, поэтому и его выражение становится отсутствующим. В момент сильного страха черты лица могут изменяться до такой степени, что человек теряет свой привычный облик: манс. *ВЙЛЬТЭ СЌВИ ХАРТХАТАС* ‘лицо перекошилось (букв.: лицо=его криво стянулось)’, *ВЙЛЬТЭ МЌТАНЫГ ЁМТАПАС* ‘изменился в лице (кто-либо) (от страха, потрясения) (букв.: лицо=его другим вдруг стало)’, *ВЙЛЬТЭ ХАСЬТĀЛЫГ ВĀРАПАХТАС* ‘изменился в лице (кто-либо) (от страха) (букв.: лицо=его незнакомым (неузнаваемым) сделалось)’; рус. *измениться в лице, страх исказил его лицо*.

Общекультурным для мансийской и русской лингвокультур является объективация страха через описание выражения *глаз*: манс. *САМАГЕ КОН АЛ РАГАТАСЫГ* ‘глаза чуть не выпали (у кого-либо) (букв.: глаза=его чуть наружу не выпали)’, *САМАГЕ СЯЙ АНЫ ПИС ХУРИП* ‘вытаращил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его на чайные блюда похожи)’, *САМАГЕ ЯНГЫГ ХАРТХАТСЫГ* ‘вытаращил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его большими растянулись)’; рус. *вытаращить глаза от страха, глаза на лоб лезут*.

В состоянии страха иначе воспринимаются явления окружающей действительности, искажаются размеры и очертания объектов: манс. *САМЫГ СĀЃКВЫЛ ХАРТВЕСЫГ* ‘в глазах помутилось (у кого-либо) (букв.: глаза=его туманом затянуло)’, *САМАГЕ ЛАП-МИНВЕСЫГ* ‘в глазах помутилось (у кого-либо) (букв.: глаза=его совсем чем-то зашлись (прикрылись)’; рус. *не взвидеть*

(невзвидеть, не видеть) света (белого), небо с овчинку кажется, в глазах помутилось.

В ситуации переживания страха у субъекта возникают проблемы с речепорождением, что отражено в виде ФЕ: манс. *нѐлме аквтоп ѓл-ханас* ‘потерял дар речи, онемел (от страха) (кто-либо) (букв.: язык=его словно прилип (прилепился)’, *нѐлме сѓйттѓл патыс* ‘онемел (от страха) (кто-либо) (букв.: язык=его онемевшим стал)’, *нѐлме тагапа҅кве патыс* ‘онемел (от страха) (букв.: язык=его застревать стал)’; рус. *язык онемел, язык не поворачивается*. Семантический признак трудности речепорождения может актуализироваться вплоть до потери контроля над речью: манс. *нѐлме аквтоп хот-яктапавес* ‘потерял дар речи, онемел (от страха) (кто-либо) (букв.: язык=его словно срезали)’; рус. *язык проглотил от страха, язык отнялся* (ср. *лишиться дара речи, онеметь от страха*).

Символическим значением страха обладает соматический компонент *горло*: манс. *туре лап-ѓнтвес* ‘дыхание перехватило (у кого-либо) (букв.: горло=его закрылось)’, *туре лап-ѓртвес* ‘дыхание перехватило (у кого-либо) (букв.: горло=его перегородил (запер, закрыл) (кто-то)’; рус. *ком в горле застрял. Горло* в мансийской лингвокультуре является жизненно важным органом, угроза которому означает угрозу телесной жизни человека, что, в свою очередь, оказывается метонимически связанным с возможным нарушением дыхания. В мансийском языке ФЕ с соматическим компонентом *горло* используются при описании *крика*, издаваемого человеком в состоянии страха: *хасьтѓл турыл рѓ҅ху҅кве* ‘громко кричать (от страха) (букв.: неузнаваемым горлом кричать)’, *яныг турыл рѓ҅ху҅кве* ‘громко кричать (от страха) (букв.: большим горлом кричать)’ (ср. рус. *не своим голосом (кричать)*).

В мансийской и русской ФКМ особое место занимает соматический компонент *душа* как отражение мансийской и русской национальной

ментальности. Сложный концепт *душа* в мансийском языке номинирован рядом таких лексем, как *ис* ‘душа’, *исхор* ‘душа-тень’, *лылы* ‘душа-дыхание’. Данные лексемы находят отражение во фразеологизмах при репрезентации эмоции страха, например: *исе хот-рагатас* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: душа=его выпала)’, *исхоре минас (ояс)* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: душа=его (одна из душ) ушла (сбежала)’, *лылытэ кон ала патыс* ‘испугался (кто-либо) (букв.: душа-дыхание=его чуть наружу не выпала)’. В русском языке соматический компонент *душа* находит отражение в составе ФЕ: *душа в пятки ушла, страх за душу берёт, захолонуло на душе*. В обоих языках понятия *сердце* и *душа* используются как взаимозаменяемые.

Очевидно, что квазиорган *душа* в ситуации грозящей или воображаемой опасности в мансийской ФКМ подобно *сердцу* покидает пределы тела в поисках временного образного убежища вне тела. Подобное происходит и в русской ФКМ, где *душа* из нормального положения перемещается в самую дальнюю часть тела.

Эмоция страха репрезентируется посредством ФЕ, имеющих в составе компонент *кровь*, и часто базируется на представлениях, связанных с *холодом*, например: манс. *тёлп тārсанэ сома яңкын хартумтавёсыт* ‘испугался (кто-либо) (букв.: кровеносные сосуды=его словно льдом затянуло)’, *тёлпе сома тув пōлис* ‘испугался (кто-либо) (букв.: кровь=его словно заледенела)’; рус. *кровь в жилах стынет (застывает, леденеет, холодеет), ни кровинки в лице нет*.

Наряду с «холодными» метафорами встречаются и метафоры, в которых страх воспринимается как *жар*: манс. *рēгыл пинвес* ‘испугался (кто-либо) (букв.: жаром положило)’; рус. *в жар бросает, обдало жаром*.

Частым во фразеологии встречается описание *озноба* как симптома страха: манс *алпитэ нас тōрыгтаве* ‘дрожит от страха (кто-либо) (букв.: тело=его просто трясут), *лāглаге нас тōргēг* ‘ноги трясутся (от страха) (букв.: ноги=его так

и дрожат)’, *лāгыл-кāt тāнанэ нас тōргēгыт* ‘дрожит от страха (кто-либо) (букв.: на ногах-руках=его сухожилия так и трясутся)’, *нēвле нас тōрги* ‘дрожит, трясётся от страха (кто-либо) (букв.: мясо (мышцы)=его так и дрожит)’, *пуңканэтыл нас тōрги* ‘стучит зубами от страха (кто-либо) (букв.: зубами=своими так и стучит)’ и др.; рус. *трепетать (дрожать, вздрогнуть) от страха, зуб на зуб не попадает, зубы стучат, бросает в дрожь, коленки трясутся, поджилки трясутся* и др.

Одним из характерных проявлений страха являются *мурашки*, возникающие вследствие сужения кровеносных сосудов и сокращения кожных мускулов, из-за чего начинают шевелиться или подниматься волосы: манс. *алпихаре (аквтоп) поналн хусатаве* ‘покрывается мурашками (кто-либо) (букв.: тело=его (будто) крапивой жалят)’; рус. *покрыться гусиной кожей, мороз по коже (продирает, пробегает), мороз по спине (дерёт, продирает, пробегает, идёт)*.

Аналогичный механизм проявления страха лежит в образной основе ФЕ, содержащих соматический компонент *волосы*, ср.: манс. *āтанэ аквтоп нас нювсалтавет* ‘волосы на голове шевелятся (от страха) (букв.: волосы=его будто кто-то качает)’, *āтанэ нōх-алмхатсыт (нōх-люльсыт)* ‘волосы встали дыбом (от страха) (букв.: волосы=его вверх поднялись (встали)’; рус. *волосы шевелятся, волосы становятся дыбом*. Когда человек испытывает сильный страх или какую-либо иную форму стресса, то волосы человека могут посесть: манс. *пуңк āтанэ вōтвēсыт* ‘поседел от страха (букв.: головы волосы=его обветрились)’; рус. *посесть от страха*.

Эмоция страха находит отражение во ФЕ с соматическим компонентом *зубы*: манс. *пуңканэ нас тōргегыт* ‘стучит зубами (букв.: зубы=его так и стучат)’; рус. *зуб на зуб не попадает, зубы стучат*.

В мансийской и русской ФКМ находит отражение такой продукт жизнедеятельности человека как *пот*: манс. *пōлям рēг витын пēрыглас*

‘испугался (кто-либо) (букв.: холодным потом (=горячей водой) завернуло)’; рус. *обливаться холодным потом, пот прошибает (прошиб), холодный пот выступил*. Универсальной является отрицательная температурная характеристика пота.

Анализ ФЕ, представляющих эмоцию страха в мансийской и русской ФКМ, позволил выявить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов.

Одними из важнейших базовых метафор являются метафоры, представляющие целевые домены как вместилища, или контейнеры. В основе данной метафорической модели лежит семантический признак «наполняемость (наполненность) страхом»: манс. *сыме пилысьмал тагиньтас* ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его страхом наполнилось)’. В русской ФКМ подобных ФЕ не обнаружено.

В рамках данной метафоры в обоих языках выявлены ФЕ, в которых контейнером является тело человека или его части, ср.: манс. *мо́т совын пату́нке* ‘испытать страх (букв.: в другую кожу (шкуру) попасть)’; рус. *ком в горле застрял, кровь в жилах стынет (застывает, леденеет, холодеет), в зобу дыханье спёрло*.

В системе ФЕ при описании эмоции страха присутствует аксиологически маркированный образ пространства, при этом метафорические образы пространственного перемещения преимущественно строятся на основе соматических компонентов *сердце* и *нога*. Данный вид когнитивной метафоры, являющийся едва ли не самым распространённым для обозначения различных эмоциональных состояний, представлен в исследуемых языках на материале большого количества фразеологизмов.

Универсальной особенностью пространственной метафоры при репрезентации эмоции *страха* является движение объектов:

– в вертикальных направлениях *вниз*, ср.: манс. *сяма ала та рагатас* ‘чуть не умер (от страха) (букв.: насмерть чуть не упал)’, *самаге кон ал рагатасыг* ‘глаза чуть не выпали (у кого-либо) (букв.: глаза=его чуть наружу не выпали)’, *исе хот-рагатас* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: душа=его выпала)’, *сыме кон ала минас* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его чуть наружу не ушло)’; рус. *душа в пятки ушла (уходит), втянуть голову в плечи*;

– в вертикальных направлениях *вверх*: манс. *āтанэ нōх-алмхатсыт (нōх-лјольсыт)* ‘волосы встали дыбом (от страха) (букв.: волосы=его вверх поднялись (встали))’; рус. *волосы становятся дыбом, глаза на лоб лезут*;

– в *горизонтальном* направлении: манс. *исхоре минас (ояс)* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: душа=его (одна из душ) ушла (сбежала))’; рус. *мороз по спине (пробегаёт, идёт), мороз по коже (пробегаёт), мурашки по спине (ползают, бегают)*.

В рамках пространственной метафоры реализуется метафора *пребывания, нахождения* в пространстве в виде ФЕ, описывающих замирание, застывание, оцепенение и т. п., ср.: манс. *акв мāн кāртуңкве* ‘оцепенеть от страха (букв.: в одном месте застыть)’, *аквтоп ёл-ханыс* ‘оцепенел от страха (кто-либо) (букв.: словно туда приклеился)’, *тув тосыс* ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: на месте засох)’, *туйкуп хольт лјюлюңкве* ‘оцепенеть (от страха) (букв.: туйкупу (перевод неизвестен) подобно стоять)’, *āхвтасыг овумлас* ‘оцепенел от страха (кто-либо) (букв.: камнем обтёк)’; рус. *страх приковал к месту, окаменеть от страха, оцепенеть от страха, замереть от страха, застыть от страха, стоять как вкопанный, прирасти к земле от страха*.

В мансийской и русской ФКМ находит отражение *антропоморфная* метафора: манс. *исхоре минас (ояс)* ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: душа=его (одна из душ) ушла (сбежала))’, *лылытэ нэґлыс* ‘едва живой (кто-либо)

(от страха) (букв.: душа-дыхание=его спаслась)'; рус. *душа в пятки ушла* (уходит), *краска сползает с лица, глаза на лоб лезут*.

В рамках данной модели выделяется возможный вариант, где страх воплощается в образе активного субъекта, представляющего опасность: манс. *яныг пилысьмал ёхтувес* 'сильно испугался (кто-либо) (букв.: большой страх пришёл (к нему))'; рус. *страх заставил его содрогнуться, страх за душу берёт, страх напал на него, страх овладел кем-либо, страх приковал к месту* и т. п. Следовательно, в мансийской и русской лингвокультурах страх может концептуализироваться в виде метафорической модели «страх – некая сила», воздействующая на субъект извне.

Метафорическое описание эмоциональных состояний посредством глаголов со значением физического воздействия является достаточно распространённым способом концептуализации эмоций в мансийской и русской ФКМ. При этом отличительной особенностью является тот факт, что в русском языке данный вид метафоры активно реализуется в виде представленной выше модели *страх – активный субъект*, в то время как в мансийском данная модель представлена только в виде ФЕ *яныг пилысьмал ёхтувес* 'сильно испугался (кто-либо) (букв.: большой страх пришёл (к нему))'.

Фитоморфная метафора в языках реализуется в виде следующих ФЕ: манс. *āңквал хольт люлюңкве* 'оцепенеть (от страха) (букв.: пню подобно стоять)', *лāглаге āңквалыг ёмтапасыг* 'ноги оцепенели (у кого-либо) (букв.: ноги=его пнями сделались)', *хāпка лүпта хольт тōргуңкве* 'дрожать (трепетать) от страха (букв.: осины листу подобно дрожать (трепетать))', *хāль ййв сās халюп хольт тōргуңкве* 'дрожать (трепетать) от страха (букв.: берёзового дерева бересты плёнке подобно трепетать)', *алпихаре (аквтоп) поналн хусатаве* 'покрывается мурашками (кто-либо) (букв.: тело=его (будто) крапивой жалят)'; рус. *дрожать (трястись) как осиновый лист*.

Выявленные фитонимические компоненты распределены по семантическим группам *компоненты растений* (манс. *āŋквал* ‘пень’, *лӯпта* ‘лист’, *сās* ‘береста’, *хāлюп* ‘плёнка (бересты)’; рус. лист), *растения* (манс. *ййв* ‘дерево’, *хāпка* ‘осина’, *хāль* ‘береза’, *понал* ‘крапива’; рус. осина).

Зооморфная метафора в мансийском языке представлена на основе единственного зоонимического образа – *зайца*: *сōвыр сым* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: заячье сердце)’, *сōвыр сым тэс* ‘трусливый, боязливый человек (букв.: заячье сердце съел)’.

В русской ФКМ наблюдается большее разнообразие животных, чьи поведение, повадки служат основой метафорического переосмысления переживания эмоции страха: *заячье сердце, заячья душа, робок как заяц, труслив как заяц, дрожать как заяц, покрыться гусиной кожей, сердце дрожит как овечий хвост, мурашки по спине ползают (бегают)*. Также в русском языке имеются ФЕ *бежать, поджав хвост* и *поджать (поджимать) хвост*, содержащие в своей основе указание на образ животного (собаки, волка).

Общечеловеческое мировидение мансийского и русского народов присутствует во ФЕ с зоонимическим компонентом *заяц*, образ которого в современном массовом сознании манси и русских присутствует как персонаж народных сказок, в которых он фигурирует как незащитное существо, а также является олицетворением трусости. Отметим, что в русском языке в большей степени, чем в мансийском, страх описывается через аллюзию к животным.

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*, находит отражение в следующих ФЕ: манс. *вйльтэ туйт хурипаг ёмтыс* ‘побледнел (кто-либо) (от страха) (букв.: лицо=его как снег стало)’, *лāглаге аквтоп мāнн ёл-пуввесыг* ‘ноги оцепенели (у кого-либо) (букв.: ноги=его будто земля вниз поймала)’, *лāглаге аквтоп мāнн ханасыг* ‘ноги оцепенели (букв.: ноги=его будто к земле прилипли)’, *рēгыл пинвес* ‘испугался

(кто-либо) (букв.: жаром положило)', *исум витыл равтасавес* 'испугался (кто-либо) (букв.: горячей водой плеснули)', *тѣлп тѣрсанэ сома яҥкын хартумтавѣсыт* 'испугался (кто-либо) (букв.: кровеносные сосуды=его словно льдом затянуло)', *тѣлпе сома тув пѣлис* 'испугался (кто-либо) (букв.: кровь=его словно заледенела)', *пѣлям (яҥкын) витыл равтасавес (сѣсыгпавес)* 'испугался (кто-либо) (букв.: холодной (ледяной) водой плеснули (облили)', *самыг сѣҥквыл хартвесыг* 'в глазах помутилось (у кого-либо) (букв.: глаза=его туманом затянуло)', *ѣхвтасыг овумлас* 'оцепенел, окаменел (кто-либо) (букв.: камнем обтѣк)', *пуҥке сѣҥквыҥ* 'голова кружится (у кого-либо) (букв.: голова=его туманная)'; рус. *душа леденеет, бросает то в жар, то в холод, обдало жаром, холодеет от страха, в жар бросает, кровь в жилах стынет (застывает, леденеет, холодеет), застыть от страха, леденеть от страха, не взвидеть (невзвидеть, не видеть) света (белого), небо с овчинку кажется, прирасти к земле от страха, окаменеть от страха, мороз по спине (дерёт, продирает, пробегает, идёт), собственной тени боится, мороз по коже (продирает, пробегает).*

Представленный фразеологический материал демонстрирует, что в мансийском языке компоненты неживой природы распределяются по семантическим группам: *стихии* (*вѣт* 'ветер', *вит* 'вода', *мѣ* 'земля'); *состояния стихий* (*рѣг* 'жар', *яҥк* 'лёд'); *атмосферные осадки* (*туйт* 'снег'); *природные явления* (*сѣҥкв* 'туман'); *природные объекты* (*ѣхвтас* 'камень'); *оптические явления* (*исхор* 'тень'); в русском языке: *стихии* (земля); *состояния стихий* (лёд); *природные явления* (жар, холод, мороз), *пространство* (небо, свет); *природные объекты* (камень); *оптические явления* (тень).

Таким образом, натуроморфная метафора обнаруживает значительное сходство в образных основах ФЕ языков, а их ФКМ обладают существенным количеством средств для репрезентации эмоции страха.

В сопоставляемых языках активно реализуется *артефактная* метафора. В состав фразеологизмов включаются наименования предметов домашнего быта и одежды: манс. *осэ пұт хурипаг ёмтыс* ‘изменился в лице (кто-либо) (букв.: кожа лица=его как котёл стала)’, *самаге сәй аны пис хурип* ‘вытаращил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его на чайные блюдца похожи)’, *кәсь паттатэ тәрвительыңыг ёмтыс* ‘наложил в штаны (от страха) (букв.: штанов дно=его тяжёлым стало)’, *кәсин пинуңкве* ‘наложить в штаны (от страха) (букв.: в штаны положить)’, *кәсь паңктуңкве* ‘наложить в штаны (от страха) (букв.: штаны замарать)’; рус. *стать бледным, как полотно, наложить (наделать) в штаны, небо с овчинку кажется, ноги стали ватными*. Универсальной здесь является лексема *кәсь – штаны*, находящая отражение при реализации метафорической модели «страх – дефекация». Данная модель находит отражение в виде мансийской ФЕ *люль вәруңкве (вәрапаңкве)* ‘наложить в штаны (от страха) (букв.: плохое сделать)’.

Состояние интенсивного страха может привести к нарушению или замедлению работы таких когнитивных функций, как мышление, восприятие, самоконтроль, рассудок, сознание, что находит отражение в языках: манс. *номтэ тәлыгтастэ* ‘помутился разум (у кого-либо) (букв.: мысль=свою смешал)’, *номтэн оссулавёс* ‘потерял рассудок (кто-либо) (букв.: память=его его оставила (покинула)’, *номтэ хот-устхатас* ‘потерял рассудок (кто-либо) (букв.: ум=свой потерял)’, *пуңк тыпылтаңкве* ‘потерять контроль (букв.: голову потерять)’, *сәйттәл пилуңкве* ‘обезуметь от страха (букв.: без ума (соображения) бояться)’, *сәйтэ холас* ‘потерял сознание (кто-либо) (букв.: разум закончился)’, *номтэ сови ми́нас (патыс)* ‘свихнулся, сошёл с ума (кто-либо) (букв.: ум=его набок ушёл (упал)’; рус. *небо с овчинку кажется, обезуметь от страха, потерять рассудок, потерять себя, рассудок помутился, испугаться до потери сознания*.

Данные примеры наглядно демонстрируют, что человек в состоянии страха теряет способность контролировать себя и адекватно реагировать на происходящее.

Наконец, для мансийского и русского языкового сознания характерна образная связь *страха* и *смерти*: манс. *сяма ала та рагатас* ‘чуть не умер (от страха) (букв.: насмерть чуть не упал)’, *сяма рохтуңкве* ‘умирать от страха (букв.: насмерть испугаться)’, *лылытэ а́тим* ‘ни жив, ни мёртв (кто-либо) (букв.: души-дыхания=его нет)’; рус. *испугаться до смерти, умирать от страха, чуть не умер от страха, быть ни живым, ни мёртвым (ни жив, ни мёртв)*.

Наибольшее распространение среди ФЕ, репрезентирующих эмоцию страха, получили глагольные ФЕ (96,3% в мансийском и 89,7% в русском языках). При этом глаголы в составе ФЕ могут быть самостоятельно смыслообразующими, например: манс. *пилуңкве* ‘бояться’, *рохтуңкве* ‘испугаться’, *то́ргуңкве* ‘дрожать (трепетать)’, *хурахлаңкве* ‘бояться, трусить’, *ро́ңхуңкве* ‘кричать’, *се́нхатаңкве* ‘побледнеть’, *по́люңкве* ‘мёрзнуть, холодеть’, *хот-не́влумаңкве* ‘отниматься, онемевать’, *ка́ртуңкве* ‘застыть’, *хусатаңкве* ‘жалить’, *хот-яктапаңкве* ‘срезать’ и др.; рус. *бояться, бежать, вытаращить, застыть, подкашиваться, содрогаться, трепетать, захолонуть, обезуметь, леденеть, поседеть, ёкать, умирать* и т. д. Они могут выступать также в качестве опорных компонентов: манс. *ёмтуңкве* ‘становиться’, *ва́руңкве* ‘делать’, *хартсуңкве* ‘растягивать’, *лю́люңкве* ‘стоять’, *пинуңкве* ‘положить’ и др.; рус. *быть, стать, выступить, уходить, опускаться, поворачиваться, стоять* и др.

Итак, ФЕ мансийского и русского языков имеют поликодовый характер и универсально связаны антропным, духовным, соматическим, артефактивным, природным, пространственным, зооморфным, фитоморфным и цветовым кодами культуры. В обеих ФКМ отмечается тяготение к природному коду, в мансийском языке – к фитоморфному, в русском – к зооморфному. Помимо универсальных, в мансийском языке присутствует числовой код.

Анализ базовых моделей проявления эмоции страха показывает, что общекультурными для сопоставляемых лингвокультур являются следующие представления о страхе: 1) ощущение холода; 2) ощущение жара; 3) дрожь, озноб; 4) внешние изменения, неприятные ощущения; 5) потеря человеком сознания, рассудка, способности воспринимать, замедление скорости мышления; 6) образная утрата обычного места нахождения органов; 7) нарушение ритма дыхания; 8) онемение, оцепенение, замирание человека или его органов, в том числе: а) онемение, заплетание языка; б) слабость, подкашивание ног; в) застывание, сжимание (сжатие) сердца; 9) пограничное состояние между жизнью и смертью; 10) ощущение боли в сердце, нарушение его работы; 11) широко открытые глаза; 12) временное нарушение зрения; 13) внешне выраженная поведенческая реакция; 14) вербальные действия, совершаемые объектом, находящимся в состоянии страха, в том числе: а) крик; б) молчание; в) дефекация от страха; г) ступор.

Общечеловеческое мировидение при представлении эмоции страха выявляется посредством соматических компонентов *СЫМ* – сердце, *ЛАҒЫЛ* – нога, *ВЙЛЬТ* – лицо, *САМ* – глаз, *ПУҢК* – голова, *ПУҢК* – зуб, *ИСХОР*, *ЛЫЛЫ* – душа, *НЁЛМ* – язык, *АТ* – волосы, *ТУР* – горло, *ТЁЛП* – кровь, *СОВ* – кожа, *ХАҢРА ПАТТА* – пятка, *ТАҢС* – жила (кровеносный сосуд), *ТАҢ* – сухожилие; лексем *СӨВЫР* – заяц, *ХАҢКА ЛУПТА* – осинный лист, *МА* – земля, *РЁГ* – жар, *ЯҢК* – лёд, *АХВТАС* – камень, *КАСЬ* – итаны; символикой белого цвета.

Наиболее многочисленными базовыми лексемами-репрезентантами являются: манс. *СЫМ* ‘сердце’ (25,7%), *ЛАҒЫЛ* ‘нога’ (10%), *ВЙЛЬТ* ‘лицо’ (9,2%); рус. – *страх* (22,4%), *сердце* (13%).

Анализ семантических характеристик ФЕ выявил все четыре класса межъязыковых соответствий, среди которых всего один полный и двенадцать частичных эквивалентов. Основная группа ФЕ представлена фразеологическими аналогами и безэквивалентными ФЕ.

Выводы

В данной главе содержится сопоставительный анализ фразеологизмов мансийского и русского языков в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах. Материалы исследования позволили выявить и описать образы *доброго / злого, глупого / умного* человека, а также образ человека эмоционального на примере эмоций *гнев* и *страх*.

Количественное распределение ФЕ по выделенным группам свидетельствует о наличии общей закономерности, сходства между фразеологическими системами языков при представлении образов *доброго, злого* и *умного* человека, а также при представлении эмоции *гнева* в его внешних и внутренних проявлениях.

Образ *глупого* человека и эмоция *страха* репрезентированы существенно бóльшим количеством фразеологических средств. Такая неравномерность, относящаяся к национальной специфике языков, может быть объяснена социальными установками народов, их психическим и умственным складом, национальным характером и менталитетом.

Выделение и параллельное описание семантических полей ФЕ, представляющих образ внутреннего человека, позволило установить общие черты в полном / частичном совпадении и частичном / полном несовпадении образов, в участии компонентов, представляющих внутреннюю форму ФЕ, в наличии общих стереотипов, эталонов. Наличие общих или сходных черт подчёркивает универсальность структур мышления носителей языка в отображении окружающего мира.

Национальная специфика ФЕ определяется многими факторами: материальной и духовной культурой, природно-географическими и климатическими условиями проживания, различиями в перцепции окружающей действительности, особенностями менталитетов, национальных характеров, систем ценностей, культурно-историческом наследии, образом мышления и т. д.

В то же время национальное своеобразие фразеологического фонда свидетельствует не о различном восприятии действительности разными этносами, а о чрезвычайно широких и даже бесконечных возможностях её образного осмысления и отражения средствами языка.

Различия в восприятии и интерпретации образов мансийских и русских фразеологизмов можно объяснить действием не только объективного, но и субъективного фактора, который заключается в самой произвольной избирательности, основанной на разной трактовке одной и той же реалии во фразеологии разных языков.

Заключение

В представленной работе проведено сопоставительное исследование лингвокультурных и лингвокогнитивных особенностей ФЕ мансийского и русского языков, репрезентирующих некоторые аспекты внутреннего мира человека: качества характера (образы *доброго* и *злого* человека), умственные способности (образы *глупого* и *умного* человека), а также базовые эмоции *гнева* и *страха* как одни из наиболее ярких и экспрессивных психологических состояний.

Изучение языкового материала проводилось в несколько этапов с применением комплекса методов, использующихся в лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, этнолингвистике.

В результате проведённого анализа в соответствии с целью и задачами исследования были получены следующие результаты:

1) В результате проведённого анализа в соответствии с целью и задачами был выявлен и систематизирован инвентарь ФЕ мансийского и русского языков, описывающих образ человека, с определением их семантики. Выявленный инвентарь ФЕ, описывающих рассматриваемые аспекты языкового образа человека, представлен **329** мансийскими и **363** русскими фразеологизмами (образ *доброго* человека – 40 и 45 ФЕ; образ *злого* человека – 56 и 64 ФЕ; образ *умного* человека – 11 и 15 ФЕ; образ *глупого* человека – 43 и 64 ФЕ; эмоция *гнева* – 70 и 68 ФЕ; эмоция *страха* – 109 и 107 ФЕ).

2) На основе представленного обзора существующих подходов к изучению и описанию ФЕ в русской и финно-угорской фразеологии с целью определения места ФЕ в системе языковых знаков мансийского языка, установлено, что основными типами ФЕ являются идиомы, к которым относятся фразеологические сращения и фразеологические единства, фразеологические сочетания, отличающиеся друг от друга степенью семантической слитности входящих в их

состав компонентов, а также фразеологические выражения, построенные по типу словосочетаний, т. е. номинативного характера (поговорки).

Отнесены к фразеологизмам парные слова, словосочетания с изобразительными словами, являющиеся устойчивыми языковыми единицами, а также устойчивые сравнительные обороты мансийского языка, репрезентирующие различные качества человека, обладающие ярко выраженной образностью, экспрессивностью и целостным значением, при этом являющиеся общеизвестными и воспроизводимыми в готовом виде, иначе говоря, полностью соответствующие общепринятому определению фразеологизма и его основным признакам.

Наиболее частотными при репрезентации образов доброго, злого, умного и глупого человека в мансийском и русском языках являются субстантивные и адъективные фразеологизмы, при репрезентации эмоций гнева и страха – глагольные.

3) Фундаментальной в теории сопоставительного языкознания является категория межъязыковой фразеологической эквивалентности, в пределах которой следует рассматривать различные типы межъязыковой эквивалентности. В данной работе мы анализировали традиционно выделяемые типы межъязыковой эквивалентности – *полные и частичные эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологизмы*. Описание ФЕ, основанное на подобной классификации, даёт представление о совпадениях и различиях в номинационных возможностях ФЕ.

Первый тип межъязыковых соответствий представлен небольшим количеством единиц (2%). Частичные эквиваленты составляют 15,5% от общего числа ФЕ.

Значительная часть межъязыковых соответствий представлена фразеологическими аналогами (33%). Наконец, большую часть соответствий составляют безэквивалентные фразеологизмы (49,5%), являющиеся, с точки зрения этнолингвистики и лингвокультурологии, знаками национальной культуры

и одними из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Именно в них заключены этнокультурность своеобразия и особенности метафорического переосмысления реалий из области традиционного быта, обычаев, уклада, жизни носителей языков.

Аксиологический аспект фразеологии актуализируется благодаря репрезентации в ней общекультурных и национально-культурных ценностей, объективируемых аксиологическими фразеологическими диадами.

Универсально мансийской и русской фразеологии присущи такие ценности, как национальные традиции и обычаи, историческое прошлое, фольклор, растительный, животный миры, повседневный быт.

В мансийской ФКМ многочисленными являются лакунарные компоненты, этимологически восходящие к языческим мотивам, фольклору, мифологии, традиционным видам деятельности (охота, рыболовство, собирательство, ремесло, национальное искусство), что позволяет говорить о ценностном отношении к данным понятийным сферам в изучаемом лингвокультурном сообществе.

В отличие от мансийской, в русской ФКМ широко представлены лакунарные единицы, связанные с православием, духовной связью с Богом, сельским хозяйством, гастрономией. В одних случаях это обуславливается более длительным периодом развития определённой сферы деятельности в русском лингвокультурном сообществе, в других – национальными особенностями нравственных норм поведения в нём.

4) Результаты анализа позволяют отметить, что образные ассоциации ФЕ мансийского и русского языков преимущественно базируются на метафорическом и метонимическом переносе значений. Помимо базовых концептуальных метафор типа пространственной, метафоры вместилища и др., в сравниваемых языках выявлен многочисленный ряд образных метафорических моделей (ср. «доброта – золото», «доброта – мягкость», «злоба – нечистая сила», «злоба – опасное животное», «ум – свет», «ум – кипение», «глупость – пустота», «глупость –

твёрдость», «*страх – холод*», «*страх – смерть*», «*гнев – взрыв*», «*гнев – стихия*», «*гнев – ослепление*» и др.). Тем не менее, различия в перцепции окружающей действительности, укладе жизни, системе ценностей, особенностях мировосприятия мансийского и русского народов представлены уникальным набором лексем, формирующих переносные значения метафор.

5) Центральным для лингвокультурологической парадигмы исследования является понятие *код культуры*, или *культурный код*, вытекающее из представления о культуре как о семиотической системе. С этой точки зрения мир – природа, артефакты, внешние качества и внутренние свойства человека – обретают в процессе их освоения и познания семиотический смысл.

В данной работе продемонстрировано многообразие закодированных компонентов, лежащих в основе семантики ФЕ, в виде разнообразных кодов культуры: а) *антропного* (совокупность наименований человека в целом и представлений о нем); б) *биоморфного* (образы животных, птиц, насекомых, растений); в) *природного* (образы явлений и объектов природы); г) *артефактивного* (разнообразные предметы быта, построек, жилища, его деталей и т. п.); д) *соматического* (части тела человека); е) *временного* (представления о времени); ж) *пространственного* (представления о пространстве); з) *числового* (единицы измерения); и) *гастрономического* (явления гастрономической культуры); к) *цветового* (образы, связанные с символикой цвета); л) *мифологического* (образы религиозных и сверхъестественных представлений человека, сказочных персонажей и т. п.); м) *духовного* (нравственные ценности и эталоны), а также их разнообразных субкодов.

б) В сопоставляемых языках наблюдается тематическое распределение рассматриваемых фразеологизмов по трём большим группам – *естественный мир*, *искусственный мир* и *мир общественный*, при этом в обоих языках отмечается преобладание в процентном соотношении фразеологизмов группы *естественный мир* (77,7% в мансийском и 75% в русском), что говорит о том, что,

прежде всего, человек репрезентирует себя во ФКМ как *неотъемлемую часть природы*.

В рамках группы *естественный мир* обнаруживается преобладание *соматического* кода культуры (61,1% в мансийском и 43,9% в русском). Именно соматические ФЕ обладают повышенной межъязыковой фразеологической эквивалентностью, поскольку слова – названия частей тела входят в высокочастотную и исконную лексику каждого языка и обладают высокой фразообразовательной активностью. Следовательно, с точки зрения ценностно ориентированных установок, человек сам по себе выступает их объектом.

Фразеологическая активность соматизма, его частотность в составе ФЕ определяется степенью закреплённости в общественном сознании и понимании необходимости того или иного органа или части человеческого тела в труде и жизни. В материалах выборки выделены наиболее продуктивные частотные соматические компоненты, образующие ФЕ: в мансийском языке – *сым* ‘сердце’ (18,8%), *пуҥк* ‘голова’ (8,8%) и *сам* ‘глаз’ (8,2%); в русском – *сердце* (8,8%), *голова* (8,5%) и *душа* (5,6%).

Одним из базовых, давшим богатую систему эталонов является *зооморфный* (анималистический) код культуры (8,8% в мансийском и 12,5% в русском). Анималистические представления как архаичный элемент ФКМ отражаются не только в «очеловечивании» природы (олицетворение), но и в обратном процессе – переносе явлений окружающего мира на человека (метафоризация). Следовательно, человек мыслится как часть природы – отдающее и принимающее начало.

В тематической группе ФЕ «естественный мир» значительным количеством представлен *природный* код культуры, включающий природно-стихийный и природно-ландшафтный субкоды и являющийся одним из наиболее важных в процессе организации культурных знаков из других компонентов (представлен 12,5% ФЕ мансийского и 8,8% ФЕ русского языков).

Закономерным и обязательным этапом развития человеческого знания о себе является включение знаний о растительном мире в систему средств репрезентации образов человека, расширение и углубление знаний о самом человеке посредством сравнения и сопоставления, поиска и подобия образам реального мира природы, что носит общечеловеческий характер. *Фитоморфный* код культуры представлен 2,8% мансийских и 3,4% русских ФЕ.

Тематическая группа *искусственный мир* представлена 6% ФЕ мансийского и 10% ФЕ русского языков, группа *общественный мир* – 16,3% ФЕ мансийского и 15% ФЕ русского языков.

Наиболее многочисленными из рассматриваемых фразеологизмов в изучаемых языках являются фразеологизмы, представляющие эмоцию *страха* (34% в мансийском и 28,5% в русском), что, по-видимому, связано с активным выражением данной эмоции невербальными средствами, поскольку *страх* является непроизвольной эмоцией, отражающей защитную биологическую реакцию субъекта при переживании им реальной или мнимой опасности, что не может не отразиться в системе языка.

Проведённое исследование доказывает выдвинутую гипотезу о том, что лингвокультурологический анализ образа человека позволяет выявить универсальные и уникальные (национально-культурные) фрагменты мансийской и русской языковой картины мира, а фразеологизмы отображают одну из сторон категориального языкового мышления этносов, структурирующуюся под влиянием внутренних и внешних факторов. Формирование части ФЕ мансийского языка складывалось под влиянием языковых контактов, в частности, с русскоязычным населением.

Значимость выполненной научной работы определяется дальнейшей возможностью сравнительного исследования мансийского и ряда родственных или неродственных языков для изучения национально-культурной специфики восприятия окружающей действительности посредством вербализации фразеологическими средствами.

Список литературы

1. Абукаева, Л. А. Синтаксические фразеологизмы в марийском языке: монография / Л. А. Абукаева. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2005. – 191 с.
2. Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типы: Сб. науч. тр. / Под ред. Карасика В. И. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.
3. Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2002. – 222 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Антропоцентрическая фразеология: парадоксы и реалии / Н. Ф. Алефиренко // Slovo. Tekst. Czas. VIII. Человек во фразеологии и лексике славянских языков. Szczecin, 2005. – С. 66–71.
5. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, Наука, 2005а. – 412 с.
6. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ЭЛПИС, 2008а. – 271 с.
7. Алпатов, В. М. История лингвистических учений: Учеб пособие. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
8. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
9. Аннай, Э. К. Экспрессивная лексика тувинского языка, характеризующая человека (в сопоставительном аспекте): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Аннай Эллада Кан-ооловна. – Новосибирск, 2021. – 232 с.
10. Апресян, В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Апресян Валентина Юрьевна. – Москва, 2015. – 322 с.
11. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Апресян Юрий Дереникович. – М.: Наука, 1974. – 356 с.

12. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Избр. труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 348–388.
13. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского словаря: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Арсентьева Елена Фридриховна. – Казань, 1993. – 322 с.
14. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2006. – 171 с.
15. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 5–23.
16. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 895 с.
17. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразеологизмы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1964. – 315 с.
18. Афанасьева, Н. Р. Основы комплексного исследования образных репрезентаций внутреннего мира человека: на материале русской и англоязычной психологической прозы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Афанасьева Наталья Рудольфовна. – Омск, 2006. – 243 с.
19. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
20. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Бабаева Елена Викторовна. – Волгоград, 2004. – 40 с.
21. Бабкин, А. М. Русская фразеология, её развитие и источники / А. М. Бабкин.

- Л.: Наука, 1970. – 264 с.
22. Багаутдинова, Г. А. Концепт «Счастье» как компонент фразеологической диады / Г. А. Багаутдинова // Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания. – Улан-Удэ: БГУ, 2005. – С. 167–169.
  23. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Багаутдинова Гузель Анваровна. – Казань, 2007. – 333 с.
  24. Байбурин, А. К. Ритуал в системе знаковых средств культуры / А. К. Байбурин // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. – С. 13–38.
  25. Байбурин, А. К. О кулинарном коде ритуала / А. К. Байбурин // Симпозиум по структуре текста. Балканские чтения-2. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1992. – С. 66–67.
  26. Байрамова, Л. К. Ментальность русского человека в аспекте лингвистической аксиологии / Л. К. Байрамова // Этнонациональная ментальность в художественной литературе. – Ставрополь: Изд-во Ставропольск, 1999. – С. 79–82.
  27. Байрамова, Л. К. Введение в контрастивную лингвистику: учеб. пособие / Л. К. Байрамова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 116 с.
  28. Байрамова, Л. К. Аксиологизм человеческих эмоций (смех – плач) и его отражение в языке / Л. К. Байрамова, Г. А. Багаутдинова // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. – 2006. – № 1. – С. 81–89.
  29. Балашова, Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв.): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Балашова Любовь Викторовна. – Саратов, 1999. – 42 с.
  30. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

31. Баранов, А. Н. Основы фразеологии : краткий курс : учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский ; Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики, Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. – 307 с.
32. Барцева, Л. И. К вопросу о становлении устойчивых сочетаний на метонимической основе в марийском языке / Л. И. Барцева // Финно-угроведение. – 1997. – №2. – С. 53–57.
33. Барцева, Л. И. Полисемия в марийских фразеологизмах / Л. И. Барцева // Congressus Nonus internationalis fenno-ugristarum. 7. – 13.08.2000. Tartu. Pars II. Summaria acroaism in sectionibus et symposiis factarum. Linguistica / Redegerunt: Anu Nurk, Triinu Palo, Tonu Seilenthal. Tartu, 2000. – S. 25–26.
34. Белая, Е. Н. Теоретические основы исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека: на материале русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Белая Елена Николаевна. – Омск, 2006. – 210 с.
35. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. Изд. 2-е, стереотип. / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
36. Блинова, И. С. Концепт «старость» в русской и немецкой лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Блинова Инга Сергеевна. – Волгоград, 2009. – 210 с.
37. Борисова, Л. В. Концепт «дерево» как лингвокультурный код / Л. В. Борисова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2014. – №1. – С. 34–45.
38. Вакк, Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Вакк Феликс Александрович. – Таллинн, 1964. – 30 с.

39. Васильев, В. М. Идиомы, иносказательные изречения, слова-пережитки в марийском языке // Ученые записки МарНИИ. – 1948. – Т. 1. – С. 107–129.
40. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / Перевод с английского, ответственный редактор М. А. Кронгауз, вступительная статья Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
41. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / Анна Вежбицкая; [Пер. с англ. А. Д. Шмелёва под ред. Т. В. Булыгиной]. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – XII, 776 с.
42. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Анна Вежбицкая ; [пер с англ. А. Д. Шмелёва]. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
43. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Анна Вежбицкая ; [пер. с англ. А. Д. Шмелёва]. – М.: Яз. славян. культуры, 2001а. – 272 с.
44. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. №5. – 1953. – С. 140–161.
45. Виноградов, В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка / В. В. Виноградов // Мысли в современном русском языке: сб. ст. / под ред. акад. В. В. Виноградова. – М.: Просвещение, 1969. – С. 5–23.
46. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
47. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1999. – 1140 с.
48. Возелова, Л. Г. Научные исследования в области фразеологии хантыйского языка / Л. Г. Возелова // Культура и цивилизация. – 2017. – Том 7. – №4А. – С. 46–54.

49. Волошин, Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект) / Ю. К. Волошин. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. – 282 с.
50. Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2008. – 336 с.
51. Воронина, Т. М. Интеллектуальная деятельность человека в образном представлении (на материале глагольной метафоры) / Т. М. Воронина // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – Екатеринбург, 2000. – С. 298–306.
52. Гаврин, С. Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения) / С. Г. Гаврин. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 1974. – 269 с.
53. Гагарина, О. А. Фразеология коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Гагарина Ольга Анатольевна. – Ижевск, 1999. – 175 с.
54. Гайдарова, З. Т. Антропоцентризм в идиоматической картине мира лезгинского, русского, английского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гайдарова Зайнаб Тагировна. – Махачкала, 2010. – 171 с.
55. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – М.: Наука, 1977. – 264 с.
56. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языка / В. Г. Гак. – М., 1983. – 287 с.
57. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С.11–26.
58. Гарифуллина, А. М. Фразеологические единицы, выражающие эмоции и чувства человека, в турецком и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гарифуллина Альбина Маратовна. – Казань, 2005. – 432 с.
59. Гвоздарев, Ю. А. Основы русского фразообразования / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1977. – 184 с.

60. Гвоздарев, Ю. А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов н/Д.: МарТ, 2008. – 352 с.
61. Герасимова, Д. А. Концепт Eyes в английской языковой картине мира: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Герасимова Дарья Алексеевна. – Иркутск, 2009. – 24 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/304568/a?#?page=24> (дата обращения: 10.06.2019).
62. Герасимова, Д. В. Фразеологизмы в мансийском (вогульском) языке / Д. В. Герасимова // Ugor Műhely: előadások, Budapest, Szeptember, 17–19, 1997. – Budapest, 1997. – С. 13–23.
63. Герасимова, Д. В., Фразеологизмы в русском и мансийском языках (сопоставительный анализ) / Д. В. Герасимова, Н. В. Богдановская // Русский язык в диалоге культур народов России в год А. С. Пушкина: материалы Всероссийской конференции. – СПб., 1999. – С. 157–159.
64. Герасимова, Д. В. Русско-мансийские фразеологические соответствия в учебниках нового поколения / Д. В. Герасимова, Н. В. Богдановская // Теория и практика образования в контексте отечественной культуры: тезисы докладов и сообщений VIII Международной конференции «Ребёнок в современном мире. Отечество и дети». 18–20 апреля 2001. – СПб., 2001. – С. 522–526.
65. Герасимова, Д. В. Мансийские фразеологизмы в зеркале русской фразеологии / Д. В. Герасимова, Н. В. Богдановская // Теория и практика образования в контексте отечественной культуры: тезисы 11 докладов и сообщений VIII Международной конференции «Ребёнок в современном мире. Отечество и дети», 18–20 апреля 2001. – СПб., 2001а. – С. 526–529.
66. Гергокова, Ж. Х. Фразеологическая концептуализация понятия «человек»: на материале карачаево-балкарского, английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гергокова Жанета Хызыровна. – Нальчик, 2004. – 193 с.

67. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Сост. Е. И. Ромбандеева. – Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010а. – 648 с.
68. Глухова, Н. Н. Системы ценностей финно-угорского суперэтноса: Монография / Н. Н. Глухова, В. А. Глухов. – Йошкар-Ола: ООО «Стринг», 2009. – 276 с.
69. Глушкова, В. В. Номинативная модель «дерево – человек» в русском и болгарском языках / В. В. Глушкова // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. – Екатеринбург, 1999. – №3. – С. 238–241.
70. Грачёва, Ф. Т. Фразеология марийского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Грачёва Фаина Тихоновна. – Тарту, 1977. – 21 с.
71. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Гудков Дмитрий Борисович. – Москва, 1999. – 400 с.
72. Гудков, Д. Б., Ковшова, М. Л. Телесный код русской культуры. – М.: Гнозис, 2007. – 285 с.
73. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
74. Гусейн-Заде, И. А. Метафора движения по вертикали в образной характеристике чувств и эмоций / И. А. Гусейн-Заде // Культурология, теория и история культуры. – 2012. – № 1(5). – С. 5–10.
75. Дежурова, М. С. Компонент-зоосемизм в составе фразеологизмов мансийского и коми языков / М. С. Дежурова, В. С. Иванова // Оленья тропа: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Традиционные и инновационные формы сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Севера» (Санкт-Петербург, 24 апреля 2015 г.) / Под ред. М. Д. Люблинской, В. С. Ивановой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – 99 с.

76. Денисова, Г. И. Соматические фразеологические единицы эрзянского и немецкого языков (сопоставительный анализ): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Денисова Галина Ивановна. – Саранск, 2003. – 18 с.
77. Диалектология мансийского языка: учеб. пособие / А. И. Сайнахова; отв. ред. докт. филол. наук, проф. Р. А. Вафеев. – Ханты-Мансийск: ООО «Доминус», 2012. – 104 с.
78. Динисламова, С. С. Семантика традиционной культуры в эпических песнях народа манси (по книге И. И. Авдеева «Песни народа манси»): монография / С. С. Динисламова. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2011. – 115 с.
79. Динь, Тхи Тху Хуэн. Русские фразеологизмы со значением характера человека с позиции носителя вьетнамского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Динь Тхи Тху Хуэн. – Москва, 2001. – 313 с.
80. Добровольский, Д. О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков: на материале немецкого, английского и нидерландского языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Добровольский Дмитрий Олегович. – Москва, 1990. – 441 с.
81. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // *Вопр. языкознания*. 1997. – № 6. – С. 37–49.
82. Добровольский, Д. О. Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом / Д. О. Добровольский // *Русский язык в научном освещении*. – 2011. – №2 (22). – С. 219–246.
83. Долгополов, Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Долгополов Юрий Алексеевич. – Казань, 1973. – 263 с.
84. Дьёрке, З. Межъязыковая фразеологическая омонимия в сфере русско-венгерской фразеологии / З. Дьёрке // *Első Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia I, Nyíregyháza*. 1991. máj. 3–4. – Nyíregyháza, 1991. – С. 382–385.

85. Дьёрке, З. Отражение фразеологической полисемии и омонимии в русско-венгерских фразеологических словарях / З. Дьёрке // *Nemzetközi Szlavisztikai Napok IV, Szerk.: Gadányi Károly, Szombathely, 1991a.* – С. 391–397.
86. Дэнги, А. Фразеологизмы с анималистическим компонентом в русском языке: с позиции носителя венгерского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дэнги Анита. – Москва, 2002. – 187 с.
87. Егоров, А. В. Удмуртская соматическая фразеология: в сопоставлении с венгерской: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Егоров Александр Викторович. – Ижевск, 2010. – 305 с.
88. Егоров, А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской) / А. В. Егоров. – Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2011. – 200 с.
89. Ефимов, А. И. Об изучении языка художественных произведений. – М.: Учпедгиз, 1952. – 142 с.
90. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М.: Изд-во Московского университета, 1957. – 448 с.
91. Ефимов, А. И. Стилистика русского языка / А. И. Ефимов. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.
92. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
93. Жуков, В. П. Русская фразеология: Учеб. пособие / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 310 с.
94. Захаренко, И. В. «Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии) / И. В. Захаренко // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов.* – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 25. – 200 с.
95. Захаренко, И. В. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры / И. В. Захаренко // *Язык, сознание,*

- коммуникация: Сб. статей / Редкол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. – С. 15–31.
96. Зверева, Т. Р. К специфике национально-языковой картины мира русских и удмуртов (по данным фразеологии) / Т. Р. Зверева // Виноградовские чтения. Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике: Тезисы докладов науч. конф. (5 февраля 1999 г.). – М., 1999. – С. 20–21.
97. Зверева, Т. Р. Концепт «эмоции» во фразеологической картине мира русского и удмуртского народов / Т. Р. Зверева // Толерантность и проблема идентичности: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (27–29 июня 2002 г.). Т. 9. Вып. 4. Ежегодник Российского психологического общества. Москва–Ижевск, 2002. – С. 199–204.
98. Зверева, Т. Р. Эмоции во фразеологической картине мира русского языка: С позиции носителя удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Зверева Татьяна Рудольфовна. – Москва, 2002а. – 159 с.
99. Иванова, В. С. Обрядность северных манси в конце XIX – начале XXI века: локальные особенности: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Иванова Валентина Селивёрстовна. – Санкт-Петербург, 2009. – 316 с.
100. Ивин, А. А. Аксиология / А. А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
101. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2008. – 783 с.
102. Казыро, Г. Н. Концепт семьи в пословичной картине мира марийского языка / Г. Н. Казыро // Фундаментальные исследования. – 2013. – №10. – С. 674–678.
103. Каксин, А. Д., Чертыкова, М. Д. Об устойчивых сочетаниях на базе соматической лексики в хантыйском языке // Урал – Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. I том: Филология / Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – Уфа, 2010. – С. 158–162.

104. Каксин, А. Д. Об устойчивых сочетаниях с характеризующим значением в хантыйском языке // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: Научно-методический бюллетень. Вып. 8 / Отв. ред. И. В. Пекарская. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2011. – С. 28–31.
105. Каксин, А. Д. Стилистические функции устойчивых сочетаний с сомонимами в хантыйском языке // IX конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / Редкол.: В. А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011а. – С. 501–502.
106. Каксин, А. Д. Устойчивые сочетания на базе соматической лексики как предмет когнитивной лингвистики / А. Д. Каксин // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2011б. – №1(13). – С. 11–16.
107. Калюжная, И. А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Калюжная Ирина Анатольевна. – Волгоград, 2007. – 229 с.
108. Каннисто, А. Драматические представления на медвежьем празднике манси / А. Каннисто, М. Лиимола; Перевод с немецкого языка и публикация Н. В. Лукиной. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. – 242 с.
109. Карманова, А. Н. К вопросу изучения диалектной соматической фразеологии коми языка / А. Н. Карманова // Вопросы лексикологии коми языка – 1979. – №22. – С. 38–44.
110. Карманова, А. Н. Фразеология / А. Н. Карманова // Современный коми язык. Лексикология / АН СССР. Коми филиал ИЯЛИ. – М.: Наука, 1985. – С. 160–173.

111. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте: монография / Л. П. Дронова [и др.]; отв. ред. З. И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 355 с.
112. Катермина, В. В. Национально-культурная специфика образа человека: на материале русского и английского языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Катермина Вероника Викторовна. – Волгоград, 2005. – 339 с.
113. Кириллова, Н. Н. Сопоставительная фразеология романских языков / Н. Н. Кириллова // Пособие к спецкурсу. – Л.: ЛГПИ, 1986. – 83 с.
114. Кириллова, Н. Н. Основы идиоэтнической фразеологии романских языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / Кириллова Нина Николаевна. – Ленинград, 1991. – 388 с.
115. Китиков, А. Е. Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (к проблеме национального и интернационального) / А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола, 1989. – 178 с.
116. Ковшова, М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ковшова Мария Львовна. – Москва, 1996. – 244 с.
117. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ковшова Мария Львовна. – Москва, 2009. – 654 с.
118. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – Изд. 2-е. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 456 с.
119. Кольовска, Е. Г. Природно-ландшафтный код в аспекте лингводидактики: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Кольовска Елена Георгиевна. – Москва, 2014. – 240 с.
120. Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология / Под ред. Лыткина В. И. Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное издательство, 1962. 340 с. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/378457-1-avtorskiy-kollektiv->

- komi-permyackiy-yazik-vvedenie-fonetika-leksika-morfologiya-uchebnik-dlya-visshih-uchebnih-zave.php (дата обращения: 25.11.2018).
121. Комлев, Н. Г. Лингвистическая аксиология (постановка проблемы) / Н. Г. Комлев // Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М., 1981. – С. 90–110.
  122. Коновалова, Н. И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург: Дом учителя, 2001. – 150 с.
  123. Контрастивная лексикология и лексикография: монография / под ред. И. А. Стернина, Т. А. Чубур. – Воронеж: Истоки, 2006. – 341 с.
  124. Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. – 143 с.
  125. Копыленко, М. М. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы / М. М. Копыленко, З. Д. Попова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: межвузовский сборник научных трудов / [редкол.: З. Д. Попова и др.]. – Воронеж, 1983. – С. 149–155.
  126. Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка) / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 192 с.
  127. Кораблева, Е. А. Семантическая организованность процессуальных фразеологизмов, выражающих чувство страха в русском и английском языках / Е. А. Кораблева // Вестник ЧГПУ. Филология и искусствоведение. – 2008. – №9. – С. 227–235.
  128. Коротун, О. В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коротун Ольга Владимировна. – Омск, 2002. – 193 с.
  129. Коськина, Е. В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: Образно-ассоциативный и прагмастилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент»: дис. ... канд.

- филол. наук: 10.02.01 / Коськина Елена Владимировна. – Омск, 2004. – 200 с.
130. Кравцов, С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «поведение человека»): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кравцов Сергей Михайлович. – Ростов-на-Дону, 2008. – 391 с.
131. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Н. А. Красавский. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
132. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – 164 с.
133. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
134. Красных, В. В. Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В. Н. Телия) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Т. 50. – М.: Макс Пресс, 2014. – С. 167–175.
135. Кривощёкова-Гантман, А. С. Фразеология / А. С. Кривощёкова-Гантман // Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: Учебник для высших учебных заведений / под ред. В. И. Лыткина. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1962. – С. 131–146.
136. Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: «Наука», 1991. – 240 с.
137. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
138. Кузнецова, А. И. Диахроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии обско-угорских и самодийских языков (на примере идиоматических эвфемизмов) /

- А. И. Кузнецова // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Hamburg: Helmut Buske, Bd. 23. – Verlag, 2001. – S. 99–103.
139. Кунин, А. В. Английская фразеология / А. В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
140. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
141. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
142. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // *Теория метафоры*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
143. Ларин, Б. А. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике / [Отв. ред. проф. Б. А. Ларин]. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. – 234 с.
144. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
145. Лебедева, Э. Н. Язык марийских пословиц и поговорок: автореферат дис. ... канд. фил. наук: 10.02.07 / Лебедева Элина Николаевна. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет. – 1995. – 18 с.
146. Леонидова, М. А. Проблемы структурно-семантической типологии болгарских и русских фразеологизмов / М. А. Леонидова. – София: Гос. изд-во «Народная просвета», 1986. – 289 с.
147. Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.
148. Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира: моногр. / Т. В. Леонтьева; под ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. – 280 с.
149. Лесникова, Г. Н. Фразеология удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Лесникова Галина Николаевна. – Ижевск, 1994. – 233 с.

150. Ли, Чуньли. Сопоставительный анализ фразеологизмов, выражающих характер человека, в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ли Чуньли. – Москва, 2018. – 258 с.
151. Лиджиева, А. С. Семантика соматизмов в составе фразеологизмов (на материале калмыцкого языка и языка ойратов Китая): дис. ... канд. филол. наук: 10:02:02 / Лиджиева Анна Сергеевна. – Элиста, 2021. – 262 с.
152. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: Коллективная монография / Отв. ред. Л. Г. Викулова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
153. Литвиненко, Ю. Ю. Концепт возраст в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Литвиненко Юлия Юрьевна. – Омск, 2006. – 256 с.
154. Лю, Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира: на фоне китайской: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лю Бо. – Владивосток, 2010. – 282 с.
155. Любина, И. М. Аксиология концепта «возраст» в русской, британской и американской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Любина Ирина Михайловна. – Краснодар, 2006. – 205 с.
156. Магомедова, С. М. Метафоризация гнева в аварском языке / С. М. Магомедова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – №2. – С. 107–114.
157. Мазаел, Одай М. Интеллектуальные качества человека в зеркале русской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мазаел Одай М. – Воронеж, 2014. – 150 с.
158. Макейчик, А. А. Аксиология: монография / А. А. Макейчик. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 128 с.
159. Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря идиом (АТИСИ): идеология и технология // Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-

- идеографического словаря русских фразеологизмов. (Образцы словарных статей) / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991.
160. Максимец, С. В. Ценности лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Максимец Сергей Викторович. – Ростов-на-Дону, 2015. – 166 с.
161. Малышев, К. К. Структура фразеосемантической группы «страх» / К. К. Малышев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – №37(80). – С. 243–245.
162. Мансийская (вогульская) народная поэзия: тексты мифологического содержания, молитвы / сост., транслит. текстов, пер. на рус. яз., паспортиз. текстов Е. И. Ромбандеевой, – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. – 152 с.
163. Мансийские «Песни о судьбе» («Личные песни») (В записи Артуру Каннисто, 1901–1906 гг.) / Автор-составитель Т. Д. Слинкина. – Ханты-Мансийск, 2013. – 110 с.
164. Мансийский язык: учеб. для пед. училищ / Е. И. Ромбандеева, М. П. Вахрушева; под ред. Ю. Н. Караулова. – 3-е изд., дораб. – Л.: Просвещение, 1989. – 239 с.
165. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 208 с.
166. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: [учебное пособие] / Валентина Авраамовна Маслова. – Минск: ТетраСистем, 2004. – 256 с.
167. Медвежьи эпические песни манси (вогулов) / Е. И. Ромбандеева. – Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. – 658 с.
168. Мелерович, А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: Учеб. пособие по спецкурсу / А. М. Мелерович. – Ярославль: Яросл. гос. пед. ин-т, 1979. – 79 с.
169. Мельчук, И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И. А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – №4. – С. 73–81.

170. Миляхова, Ю. Г. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) / Ю. Г. Миляхова, В. Н. Соловар // Вестник угроведения. – 2013. – №2(12). – С. 44–49.
171. Мирсаетова, Л. А. Образ человека во фразеологической картине мира в татарском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мирсаетова Лайсан Анваровна. – Уфа, 2004. – 165 с.
172. Миски, Г. Передача русских фразеологизмов при помощи перевода на венгерский язык / Г. Миски // Slavica tergestina. 5. Славянские языки и перевод: доклады первого международного симпозиума, г. Печ, Венгрия, 28–29 апреля 1995 г. – 1997. – С. 365–375.
173. Мифы, предания, сказки хантов и манси: пер. с хантыйского, мансийского, нем. яз. / [АН СССР, Ин-т востоковедения; сост., предисл., с. 5–57, и примеч. Н. В. Лукиной]. – М.: Наука, 1990. – 567 с.
174. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. – Новосибирск: Наука, 2005. – 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).
175. Михайлова О. А., Чэн, Юйсяо Специфика образной мотивации в русской и китайской фразеологии / О. А. Михайлова, Чэн Юйсяо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №3 (69): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 125–127.
176. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
177. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 2005. – 257 с.
178. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 283 с.

179. Мосин, М. В. Финно-угорская лексика в мордовских и прибалтийско-финских языках: семантический анализ. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1985. – 85 с.
180. Мāньси мāхум пēs йис э́ргыт = Старинные песни народа манси. В записи Берната Мункачи, 1888–1889 гг.: научное издание / авт.-сост. Т. Д. Слинкина; отв. ред. Е. И. Ромбандеева; Деп. образования и молодёжной политики ХМАО – Югры, Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. – 232 с.
181. Натуральнова, Г. А. Структурно-семантические особенности именных фразеологизмов в шокшанском диалекте эрзянского языка / Г. А. Натуальнова // Вестник угроведения. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 53–60.
182. Никитина, Л. Б. Образ-концепт «homo sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Никитина Лариса Борисовна. – Омск, 2006. – 380 с.
183. Никитина, Л. Б. Архетипические истоки современных языковых репрезентаций человека в его интеллектуальной ипостаси / Л. Б. Никитина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – №2 (293). – Вып. 74. – С. 120–127.
184. Николюкина, Т. М. Русские фразеологические средства нравственной характеристики человека: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Николюкина Татьяна Михайловна. – Тамбов, 2007. – 279 с.
185. Общественно-политическая газета «Лӯимā сәрипос». Архив. URL: <http://www.khanty-yasang.ru/luima-seripos>.
186. Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. Учеб. пособие для вузов / С. И. Ожегов. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.
187. Осипов, Б. И. К сопоставительному изучению русской и удмуртской фразеологии / Б. И. Осипов // Вестник Удм. ун-та. 1994. № 7. С. 34–37.

188. Осипов, Б. И. Типология удмуртских фразеологизмов в плане их сопоставления с русскими / Б. И. Осипов // *Congressus Octavus Internationalis Fennougristarum. Pars II: Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum.* Jyväskylä, 1995. С. 146–147.
189. Петрова, Л. И. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии / Л. И. Петрова // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки.* – 2007. – №1. – С. 133–144.
190. Пименова, М. В. Базовая метафора «человек – книга» (стереотипы русской культуры) / М. В. Пименова // *Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию В. В. Колесова.* – Севастополь: Рибэст, 2009. – 504 с.
191. Попова, С. А. Обрядовая деятельность народа манси. Обряды жизненного цикла: учеб.-методическое пособие / С. А. Попова. Ч. 1. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 111 с.
192. Потеня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потеня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
193. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие / Т. Б. Радбиль. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 328 с.
194. Райхштейн, А. Д. Межъязыковое сопоставление фразеологических единиц / А. Д. Райхштейн // *Иностранные языки в школе.* 1979. – № 4. – С. 3–8.
195. Райхштейн, А. Д. О сопоставлении фразеологических единиц / А. Д. Райхштейн / А. Д. Райхштейн // *Иностранные языки в школе.* 1980. – №4. – С. 8–15.
196. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980а. – 143 с.
197. Райхштейн, А. Д. Лингвострановедческий аспект устойчивых словесных комплексов / А. Д. Райхштейн // *Словари и лингвострановедение.* М., 1982. – С. 142–153.

198. Рогожина, В. Ф. Функционирование фразеологизмов разговорной речи и их семантическая группировка / В. Ф. Рогожина // Финно-угорский мир. – 2013а. – № 2. – С. 70–77.
199. Рогозина, И. Ф. Страх и бесстрашие: ценности и модели поведения (на материале русских и французских сказок) / И. Ф. Рогозина // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 280–284.
200. Ройзензон, Л. И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма / Л. И. Ройзензон // Вопросы фразеологии. – УзССР: Ташкент: Наука, 1965. – С. 136–147.
201. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии: Учеб. пособие / Л. И. Ройзензон. – Самарканд: [б. и.], 1973. – 223 с.
202. Ройзензон, Л. И. Русская фразеология: Учебное пособие / Л. И. Ройзензон. – Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1977. – 119 с.
203. Ромбандеева, Е. И. Мансийский (вогульский) язык / Е. И. Ромбандеева; отв. ред. К. Е. Майтинская; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1973. – 208 с.
204. Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов) / Е. И. Ромбандеева. – Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. – 208 с.
205. Ромбандеева, Е. И. Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование: монография. 2-е изд. / Е. И. Ромбандеева. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2017. – 318 с.
206. Рыбалова, Т. В. Телесность в традиционной культуре ханты и манси: дис. ... канд. культ. наук: 24.00.01 / Рыбалова Татьяна Валерьевна. – Тюмень, 2009. – 153 с.

207. Рябчикова, З. С. Соматическая лексика хантыйского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Рябчикова Зоя Степановна. – Санкт-Петербург, 2008. – 24 с.
208. Савченко, Л. В. Функции соматического кода культуры в формировании фразеосистемы русского и украинского языков / Л. В. Савченко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Том 27 (66). – №1. Ч. 2. – С. 88–92.
209. Савченко, Л. В. Модель антропоного кода культуры во фразеологической картине мира / Л. В. Савченко // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* – 2014. – №7 (9). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1454> (дата обращения: 12.01.2019).
210. Савченко, Л. В. Репрезентация концептуальных кодов культуры во фразеосистеме / Л. В. Савченко // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LXIII междунар. науч.-практ. конф. №8 (63). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 68–76.
211. Сакаева, Л. Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, таджикского и татарского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Сакаева Лилия Радиковна. – Казань, 2009. – 408 с.
212. Салимьянова, И. В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Салимьянова Ирина Викторовна. – Омск, 2011. – 245 с.
213. Самедов, М. Д. Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональные и интеллектуальные состояния человека, в английском и арчинском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Самедов Махач Джалилович. – Махачкала, 2006. – 162 с.

214. Седова, Н. А. Соотношение образов частичного (частей) и целостного человека в языковой картине мира: На материале семантико-функционального макрополя «часть человека» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Седова Наталья Александровна. – Омск, 2000. – 167 с.
215. Семушина, Е. Ю. Сопоставительный анализ субстантивных фразеологических единиц и сложных слов, семантически ориентированных на характер человека, в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Семушина Елена Юрьевна. – Казань, 2004. – 207 с.
216. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 656 с.
217. Серасхова, М. Е. Фразеологические соматизмы в хантыйском языке (Приуральский диалект) и английском языках / М. Е. Серасхова // Духовно-нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история, культура. – Ханты-Мансийск: [б. и.], 2007. – С. 75–80.
218. Серасхова, М. Е. Фразеологическое поле хантыйского языка (приуральский диалект) / М. Е. Серасхова // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – №3(18). – С. 10–15.
219. Серасхова, М. Е. Зоонимы во фразеологии хантыйского языка приуральского диалекта / М. Е. Серасхова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – №7. – С. 214–216.
220. Сидоренко, М. И. О смысловой структуре фразеологизма / М. И. Сидоренко // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – 1969. – Т. 370. – С. 5–53.
221. Симбирцева, Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. 2016. – №1. – С. 157–167.

222. Синтаксис мансийского (вогульского) языка / Е. И. Ромбандеева; отв. ред. В. З. Панфилов; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1979. – 156 с.
223. Синтаксис современного мансийского языка: монография / Е. И. Ромбандеева; Департамент образования и молодёжной политики Ханты-Манс. авт. окр. – Югры, Об.-угор. ин-т прикладных исслед. и разраб. – Тюмень: ФОРМАТ, 2017а. – 248 с.
224. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М.: Московский Государственный Университет, 1998. – 260 с.
225. Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование: монография / Е. И. Ромбандеева; Департамент образования и молодёжной политики Ханты-Манс. авт. окр. – Югры, Об.-угор. ин-т прикладных исслед. и разраб. – Тюмень: ФОРМАТ, 2017б. – 318 с.
226. Современный русский язык: учебник. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под ред. Л. А. Новикова. – СПб.: Лань, 2001. – 864 с.
227. Соколова, М. В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Соколова Марина Валерьевна. – Йошкар-Ола, 2015. – 326 с.
228. Соловар, В. Н. Соматическая фразеология в хантыйском языке / В. Н. Соловар // Перспективные направления развития в современном финно-угроведении: тезисы Международной научной конференции (Москва, 18–19 ноября 1997 года). – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 81–82.
229. Соловар, В. Н. Соматические фразеологизмы хантыйского языка / В. Н. Соловар // *Linguistica Uralica*. – Таллин, 1999. – №4. – С. 286–290.

230. Соловар, В. Н. Фразеологизмы хантыйского языка, связанные с укладом жизни и обычаями / В. Н. Соловар // Материалы IX Международного конгресса финно-угроведов. – Тарту, 2001. – Т. 6. – С. 240–243.
231. Соловар, В. Н. Особенности семантики фразеологизмов с компонентом «сердце» в хантыйском и тюркских языках / В. Н. Соловар // Тюркская филология в XXI веке: проблемы и перспективы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Стерлитамак, 21.03.2014). – Стерлитамак: Башкирский гос. ун-т, 2014. – С. 169–172.
232. Соловар, В. Н. Диалектные фразеологизмы хантыйского языка / В. Н. Соловар // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XV Всерос. науч. конф. – Уфа: ФГ БУ науки, Ин-т истории, языка и литературы, Уфимского науч. центра РАН, 2015. – С. 261–263.
233. Соловар, В. Н. Семантика фразеологизмов-соматизмов с компонентом сым/сӓм ‘сердце’ в обско-угорских языках / В. Н. Соловар // Финно-угорский мир. – 2017. – №4. – С. 65–70.
234. Солодуб, Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования / Ю. П. Солодуб. – М.: МГПИ, 1985. – 110 с.
235. Солодухо, Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии / Э. М. Солодухо. Казань: КГУ, 1977. – 159 с.
236. Солодухо, Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э. М. Солодухо. – Казань: Изд. Казанского университета, 1982. – 168 с.
237. Солодухо, Э. М. Теория фразеологического сближения / Э. М. Солодухо. – Казань: Изд-во КГУ, 1989. – 295 с.
238. Сподина, В. И. Соматический код традиционной культуры (на материале обских угров и самодийцев) / В. И. Сподина // Финно-угорский мир. – 2014. – №2. – С. 79–85.

239. Средства образного выражения в удмуртском языке / Сост., пер. К. Н. Дзюиной. – Ижевск, 1996. – 144 с.
240. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1975. – 271 с.
241. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 246 с.
242. Стернин, И. А. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии / И. А. Стернин, К. Флекенштейн. – Галле: ун-т Мартина Лютера Галле, 1989. – 129 с.
243. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2004. – 189 с.
244. Сыгвинский диалект мансийского (вогульского) языка = Sygvinskij dialect mansijskogo (vogul'skogo) jazyka / Е. И. Ромбандеева; отв. ред. Р. М. Баталова; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – Гамбург: Клаус, 1995. – 204 с. – (Унифицированное описание диалектов уральских языков; Вып. 14).
245. Сязи, А. А. Соматизмы в составе фразеологизмов хантыйского языка / А. А. Сязи // Материалы XXIII международной конференции финно-угорских студентов. Ч. 1. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – С. 236–239.
246. Сязи, А. А. Сомоним сэм «глаз» в составе фразеологизмов хантыйского языка (на материале шурышкарского языка) / А. А. Сязи // Материалы третьей научно-практической конференции, посвящённой памяти А. А. Дунина-Горковича. – Нижневартовск: Издательский дом «Югорский», 2008а. – С. 69.
247. Та́гт ма́хум мойтыт-пётрыт. Сказания-рассказы людей Сосьвы / В. С. Иванова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 126 с.
248. Тараканов, И. В. Удмурт лексикая очеркъёс / И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 96 с.

249. Тараканов, И. В. Туала удмурт кыл: Лексикология / И. В. Тараканов. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – С. 105–114.
250. Тарасова, О. Д. Анализ лингвокультурологического поля «эмоции» в сопоставительном аспекте (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Тарасова Ольга Дмитриевна. – Москва, 2009. – 170 с.
251. Татаровская, И. Г. Структурно-семантические типы фразеологизмов в языке лингала: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Татаровская Ирина Геннадьевна. – Москва, 2004. – 233 с.
252. Телия, В. Н. Что такое фразеология? / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1966. – 86 с.
253. Телия, В. Н. Типы языковых значений : Связ. значение слова в яз. / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
254. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
255. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
256. Телия, В. Н. Первоочередные задачи, методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 333 с.
257. Ткаченко, О. Б. Одна общая семантико-фразеологическая изоглосса финно-угорских и русского языков (к вопросу финно-угорского субстрата в русском языке) / О. Б. Ткаченко // Советское финно-угроведение. – 1976. – № 4. – С. 245–253.
258. Ткаченко, О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков / О. Б. Ткаченко. – Киев: Наукова думка. 1979. – 299 с.

259. Толстая, С. М. К понятию культурных кодов / С. М. Толстая // АБ-60. Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. – СПб.: Издательство Европейского ун-та, 2007. – С. 23–31.
260. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. Вып. 1. – С. 135–168.
261. Файзуллина, Г. Ч. Образ человека в диалектной языковой картине мира (на материале татарских народных говоров юга Тюменской области): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Файзуллина Гузель Чахваровна. – Казань, 2017. – 406 с.
262. Фам, Тхи Тхань Ха. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов английского и вьетнамского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Фам Тхи Тхань Ха. – Казань, 2005. – 224 с.
263. Фёдоров, А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. / А. И. Фёдоров; Отв. ред. д-р филол. наук, проф. К. А. Тимофеев; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – 171 с.
264. Федотова, В. П. Фразеологические единицы в карельском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Федотова Виэно Петровна. – Петрозаводск, 1977. – 214 с.
265. Федяева, Н. Д. Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий градуальности, дуальности, оценки, нормы: На лексическом и текстовом материале современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Федяева Наталья Дмитриевна. – Омск, 2003. – 171 с.
266. Фёльдеш, Ч. О межъязыковом сопоставлении фразеологических единиц на материале русского и венгерского языков / Ч. Фёльдеш // «Studia Russica». – VIII. Вр., – 1985. – С. 123–133.
267. Фольклор манси Северной Сосьвы / Сост. А. М. Хромова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 76 с.

268. Фразеология современного французского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Г. Назарян. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 287 с.
269. Фролова, И. Е. Человек в образных репрезентациях космической темы в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Фролова Ирина Евгеньевна. – Омск, 2009. – 268 с.
270. Хабибуллина, А. Э. Фразеологические единицы, выражающие состояние человека, в русском, английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хабибуллина Алсу Эдвардовна. – Казань, 2010. – 194 с.
271. Хайдарова, Н. В. Соматической фразеологизмъёс / Н. В. Хайдарова // Вордском кыл. – 1997. – №4. – 77–85-тӥ б.
272. Хайдарова, Н. В. «Син» кылэн соматической фразеологизмъёс / Н. В. Хайдарова // Вордском кыл. – 1998. – №3. – 62–67-тӥ б.
273. Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии: моногр. / Э. Н. Акимова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова и др. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 156 с.
274. Чибышева, О. А. Концепт «Женщина» в русской и английской фразеологии: На материале предметных фразеологизмов, именующих женщину: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чибышева Ольга Анатольевна. – Челябинск, 2005. – 250 с.
275. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: [б. и.], 2001. – 238 с.
276. Чэтэ, Т. Соматические фразеологизмы в русском и венгерском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чэтэ Тимеа. – Москва, 1999. – 199 с.
277. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
278. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.

279. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. Изд. 5-е, испр. и доп. / Н. М. Шанский. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. – 272 с.
280. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В. И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
281. Ширманкина, Р. С. Фразеология мордовских языков: автореферат дис. ... канд. филол. наук: Ширманкина Раиса Семеновна. – Тарту, 1970. – 24 с.
282. Шиянова, А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Шиянова Анастасия Антоновна. – Ханты-Мансийск, 2013. – 180 с.
283. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
284. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
285. Юй, Шэнбо. «Человек» как объект фразеологической репрезентации: на материале русского и китайского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Юй Шэнбо. – Белгород, 2010. – 305 с.
286. Юсупов, У. К. Проблемы сопоставительной лингвистики / У. К. Юсупов. Ташкент: Фан, 1980. – 135 с.
287. Яблокова, Т. Н. Выражение гнева и восторга в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Яблокова Татьяна Николаевна. – Москва, 2006. – 173 с.
288. Якимова, Э. С. Соматические фразеологизмы в марийском языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Якимова Эмма Семеновна. – Таллин, 1975. – 26 с.
289. Яковлева, С. Л. Сравнительный анализ метафорических моделей концепта «семья» в марийской и финской паремиологии / С. Л. Яковлева, Г. Н. Казыро // Фундаментальные исследования. – 2014. – №5. – С. 649–652.
290. Dobrovol'skij, D. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik / Dmitrij Dobrovol'skij. – Leipzig: Enzyklopädie, 1988. – 264 с.

291. Dobrovol'skij, D. On the cross-linguistic equivalence of idioms / Dmitrij Dobrovol'skij // «Langue» and «parole» in synchronic and diachronic perspective. Selected proceedings of the XXXIst Annual Meeting of the Societas Linguistica Europae, St. Andrews, 1998 / Ed. by C. Beedham. – Amsterdam, Oxford, 1999. P. 203–219.
292. Földes, Cs. A frazeológiai univerzálék és az idegen nyelvek tanítása / Cs. Földes // Idegen nyelvek tanítása. – 1987. – № 4. – S. 109–116.
293. Földes, Cs., Magyar-német-országi beszédfordulatok. Bevezetés / Cs. Földes. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1987a. – S. 7–57.
294. Hadrovics, L. Magyar frazeológia: Történeti áttekintés / L. Hadrovics. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1995. – 410 l.
295. Hakamies, P. Venäläisten sananparsien vaikutus karjalaiseen ja suomalaiseen sananparistoon / P. Hakamies. – Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 1986. – 451 s.
296. Hessky, R. Phraseologie: Linguistische Grundlagen und kontrastives Modell deutsch-ungarisch. (Kandidátusi értekezés. Kézirat.) / R. Hessky. – Budapest, 1985.
297. Hyvärinen, I. Zum Festigkeitsgrad des Verbs und zur aktionalen Reihenbildung bei deutschen und finnischen Verbidiomen: Ein Werkstattbericht im Rahmen des Projekts «Kontrastive Verbidiomatik Deutsch-Finnisch» / I. Hyvärinen // J. Korhonen (ed.), Phraseologie und Wortbildung – Aspekte der Lexikonerweiterung. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. – S. 21–38.
298. Kannisto, Ártturi. Über die Wogulische Schauspielkunst / Ártturi Kannisto // Finnisch-ugrische Forschungen. – Helsinki, 1906–1908. VI. – S. 213–237.
299. Kannisto, Ártturi. Über den Eidschwur bei den ob-ugrischen Völkern / Ártturi Kannisto // Nyelvtudományi Közlemények. – Budapest, 1936. S. 139–150.
300. Kannisto, Ártturi. Über die Bärenzeremonien der Wogulen / Ártturi Kannisto // Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1938. XXX. – S. 216–236.
301. Korhonen, J. Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen I /

- J. Korhonen. – Bochum: Universitetsverlag Dr. N. Brochmeyer, 1995. – 410 s.
302. Korhonen, J. Studien zur Phraseologie des Deutschen und des Finnischen II / J. Korhonen. – Bochum: Universitetsverlag Dr. N. Brochmeyer, 1995a. – 533 s.
- Kövecses, Z. A metafora: Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe / Z. Kövecses. – Budapest: Typotex, 2005. – 284 l.
303. Korhonen, J. Probleme der kontrastiven Phraseologie // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook of contemporary research / J. Korhonen; Ed. by H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, N.R. Norrick. Vol. 1. – Berlin, New York, 2007. – S. 574–589.
304. Krikmann, A. Finnic Paremiology: Past, Present, Future / A. Krikmann // Tõnu Seilenthal (ed.) Congressus Novus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.13.8.2000, Tartu. – Tartu: Ülikool, VII, 2001. – S. 516–520.
305. Krikmann, A. Proverbs on animal identity: typological memoirs / A. Krikmann // Folklore. – Vol. 17. – Tartu, 2001a. – 84 s. – URL: <http://haldjap.folklore.ee/folklore> (дата обращения: 22.05.2019).
306. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Gesammelt von Ártturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von E. A. Virtanen und Matti Liimola (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. Vol. 113). – Helsinki, 1958. – 444 s.
307. Mellado Blanco, C. Die Frage der Äquivalenzkriterien in der kontrastiven Phraseologie / C. Mellado Blanco // Puente entre dos mundos: Últimas tendencias en la investigación traductológica alemán-español / Ed. by B. Santana, S. Roiss, Á. Recio. – Salamanca, 2007. – S. 261–272.
308. Mollay, E. Holland-flamand-magyar frazeologizmusok egybevető vizsgálata / E. Mollay. – Bp., 1994. – 198 o. Kandidátusi értekezés.
309. Munkácsi, Bernát. Vogul népköltési gyűjtemény / Bernát Munkácsi. – Budapest, 1892. – K. I. – 291 lap.
310. Munkácsi, Bernát. Vogul népköltési gyűjtemény. Medveénekek. Vogul szövegek és fordításaik / Bernát Munkácsi. – Budapest, 1893. – K. III. – 539 lap.

311. Munkácsi, Bernát. Vogul népköltési gyűjtemény / Bernát Munkácsi. – Budapest, 1896. – K. IV. – 440 lap.
312. Munkácsi, Bernát. Vogul népköltési gyűjtemény / Bernát Munkácsi. – Budapest, 1910. – K. II. – 756 lap.
313. Munkácsi, Bernát. Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény / második rész, K. IV. / Bernát Munkácsi, Béla Kálmán. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1963. – 314 lap.
314. Nagy, O. G. A magyar frazeológiai kutatások története / Írta O. Nagy Gábor. Nyelvtudományi Értekezések. 95. sz. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. – 98 l.
315. Nagy, O. G. Mi fán terem?: Magyar szólásmondatok eredete. 3, bővített kiadás / O. G. Nagy. – Budapest: Gondolat Kiadó, 1979. – 514 l.
316. Nenonen, M. Representation and Processing of Idioms: Evidence from Aphasia / M. Nenonen, J. Niemi, M. Laine // Journal of Neurolinguistics 15. – 2002. – S. 43–58.
317. Nenonen, M. Prototypical Idioms: Evidence from Finnish / M. Nenonen // SKY Journal of Linguistics 20. – 2007. – S. 309–330.
318. Penttilä, E. English Gatecrashers in Finnish: Directly Translated English Idioms as Novelities of Finnish / E. Penttilä, P. Muikku-Werner / E. Penttilä // Beyond Borders. Translation Moving Language, Literatures and Cultures / Toim. P. Kujamäki, L. Kolehmainen, E. Penttilä, H. Kemppanen. – Berlin: Franck & Timme, 2011. – S. 247–263.
319. Petrova, O. Of pearls and pigs: a conceptual-semantic Tiernet approach to formal representation of structure and variation of phraseological units / Oksana Petrova. – Åbo: Åbo akad. univ. press, 2011. – 412 p.
320. Somhegyi, Gy. Szerbhorvát és magyar frazeológiai egységek összevető vizsgálata / Gy. Somhegyi. – Bp, 1994. – 178 o. Kandidátusi értekezés.
321. Whorf, B. L. Language, thought and reality / B. L. Whorf; Ed. J. B. Carroll. – Cambridge, Mass.: M. I. T. Press, 1956. – 289 p.
322. Wogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Ártturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Helsinki. Band I. Texte

- mythischen Inhalts (SUST. Vol. 101). – 1951. – XLII + 483 S.; Band II. Kriegs- und Heldensagen (SUST. Vol. 109). – 1955. – IV + 831 S.; Band III. Märchen (SUST. Vol. 111). – 1956. – 262 S.; Band IV. Bärenlieder (SUST. Vol. 114). – 1958. – 552 S.; Band V. Aufführungen beim Bärenfest (SUST. Vol. 116). – 1959. – 363 S.; Band VI. Schicksalslieder, Kinderreime, Rätsel, Verschiedenes (SUST. Vol. 134). – Helsinki, 1963. – 335 S. 10.
323. Wogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Ártturi Kannisto. Bearbeitet von Matti Liimola, Vuokko Eiras. Herausgegeben von Vuokko Eiras. Band VII. Vörterverzeichnis zu den Bänden I–VI (SUST. Vol. 180). – Helsinki, 1982.
324. Zékány, Imre. A magyar frazeologizmusok nyelvtani szerkezetének vizsgálata / Imre Zékány. – 1975. – 193 o.

Список словарей

325. Академический словарь русской фразеологии / [А. Н. Баранов и др.] ; под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского ; Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова Российской акад. наук. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЛЕКСПУС, 2015. – 1164 с.
326. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 469 с.
327. Баландин, А. Н. Мансийско-русский словарь / А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева. – Л.: [б. и.], 1958. – 227 с.
328. СРФ 1998 – Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Бирих А. К., В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

329. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Бирих А. К., В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М.: АСТ, 2007. – 928 с.
330. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Бирих А. К., В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М.: АСТ-ПРЕСС. 2009. – 448 с.
331. БФСРЯ 2006 – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / ответственный редактор В. Н. Телия. – М.: АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.
332. Булыко, А. Н. Фразеологический словарь русского языка: около 7000 фразеологизмов / А. Н. Булыко. – Минск: Харвест, 2007. – 444 с.
333. Вахрушев, В. М. Синонимъёсын удмурт-зуч кылбугор = Удмуртско-русский словарь синонимов: Около 3200 синонимических рядов / В. М. Вахрушев. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 280 с.
334. Даль, В. И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2 т. Т. 1 / В. И. Даль. – М.: Худож. литература, 1984. – 383 с.
335. Дзюина, К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь / К. Н. Дзюина. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – 132 с.
336. Добровольский, Д. О., Караулов, Ю. Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. – М.: Помовский и партнёры, 1994. – 120 с.
337. Жуков, В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синонимических рядов / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко и др. – М.: Русский язык, 1987. – 448 с.
338. Жуков, В. П. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 5000 фразеол. единиц: Около 730 синоним. рядов / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляр; Под ред. В. П. Жукова. 2-е изд., стер. – М.: Астрель: АСТ: Ермак, 2005. – 443 с.
339. Кельмаков, В. К. Удмурт синоним кыллюкам: Дышетскисьёс но дышетӥсьёс понна / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Удмуртия, 2009. – 296 б.

340. Коми-пермяцко-русский словарь: Около 27 000 слов / [Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман]. – М.: Рус. яз., 1985. – 624 с.
341. Кулакова, Н. А. Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс / Н. А. Кулакова, В. Ф. Рогожина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 200 с.
342. Ларионова, Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка: 7 000 выражений и словосочетаний / Ю. А. Ларионова. – М.: «Аделант», 2014. – 512 с.
343. Лесникова, Г. Н. Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужьюрттос / Г. Н. Лесникова. – Ижкар–Будапешт, 2003. – 130 с.
344. Мансийские пословицы и поговорки / сост. С. А. Герасимова. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2017. – 16 с.
345. Марий калык ойпого: Калыкмут-влак = Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки / Сост. А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола: Мар. НИИЯЛИ, 2004. – 208 с.
346. НСРЯ 2001 – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – Т. 1: А–О. – 1232 с.
347. НСРЯ 2011а – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001а. – Т. 2: П–Я. – 1088 с.
348. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
349. Плесовский, Ф. В. Коми кывтэчасъяс = Коми фразеологизмы / Ф. В. Плесовский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 176 с.
350. Попова, О. А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь / О. А. Попова. – Пермь: Пермск. гос. пед. ун-т, 2010. – 344 с.

351. РМС 2005 – Ромбандеева, Е. И. Русско-мансийский словарь: Учеб. пособие для уч-ся 5–9 кл. общеобраз. учрежд. / Е. И. Ромбандеева. – СПб.: ООО «Миралл», 2005. – 360 с.
352. СМРРМ 1982 – Ромбандеева, Е. И. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: Пособие для учащихся начальной школы / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. – Л.: Просвещение, 1982. – 360 с.
353. Рябчикова, З. С. Словарь образных слов и выражений хантыйского языка (казымский и шурышкарский диалекты): 5–9 кл.: Учеб. пособие для общеобраз. учрежд. / З. С. Рябчикова, М. А. Рачинская. – СПб.: Алмаз-Граф, 2011. – 80 с.
354. Самородов, К. Т. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / К. Т. Самородов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. – 280 с.
355. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языка русской культуры», 1997. – 824 с.
356. Тарабукин, И. И. Краткий коми-русский фразеологический словарь / И. И. Тарабукин; Под ред. проф. В. И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1959. – 149 с. URL: http://foto11.com/komi/vocabular/idioms_enter.php (дата обращения: 25.11.2018).
357. Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «ЛЕКСРУС», 2018. – 888 с.
358. Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 276 с.
359. Удмуртско-русский словарь: Около 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ист., яз. и лит.; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.
360. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. – 960 с.

361. Федотова, В. П. Фразеологический словарь карельского языка: Справочное издание / Отв. ред. А. С. Степанова, ред. ливвиковских текстов Т. П. Бойко. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.
362. Федотова, В. П. Краткий фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 2001. 240 с.
363. ФОСРЯ 2009 – Фразеологический объяснительный словарь русского языка : более 1000 идиом (2000 значений) / [Баранов А. Н. и др.] ; под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского ; Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Эксмо, 2009. – 700 с.
364. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 880 с.
365. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров; под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
366. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35 000 фразеол. единиц: в 2 т. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 830 с.
367. Храмцова, О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги = Suomalaisia sananlaskuja ja sananparsia. Venäläisine vastineineen / О. А. Храмцова. – СПб.: КАРО, 2011. – 238 с.
368. Храмцова, О. А. Финско-русско-финский словарь библейских фразеологизмов = Raamattuperäisten fraasien suomi-venäjä-suomi sanakirja / О. А. Храмцова. – 2012. – 371 с. URL: avtor.karelia.ru/elbibl/hramtsova/fin_rus_fraz.pdf (дата обращения: 25.01.2019).
369. Чернецов, В. Н. Краткий мансийско-русский словарь: с приложением грамматического очерка / В. Н. Чернецов, И. Я. Чернецова. – М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. – 114 с.

370. Ширманкина, Р. С. Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков / Р. С. Ширманкина. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1973. – 221 с.
371. Ширманкина, Р. С. Фразеологиянь валкс: Кемекставозь меревксэнь / Р. С. Ширманкина – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 216 с.
372. Яранцев, Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник: Около 1500 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – М.: Русский язык, 1997. – 845 с.
373. Hanko, U. *Inglise-eesti idioomisõnaraamat = English-Estonian Dictionary of Idioms* / U. Hanko, G. Liiv / G. Toim. B. Betlem. Tallinn: Valgus, 1998. 896 lk.
374. Kari, E. *Naulan kantaan: nykysuomen idiomisanakirja* / E. Kari. – Helsinki : Otava, 1993. – 231 s.
375. Kari, E. *Svenska här och nu. Ruotsalais-suomalainen idiomisanakirja* / E. Kari. – Helsinki: Otava, 1993a. – 159 s.
376. Kokko, O. *Suurella sydämellä ihan sikana. Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja* / O. Kokko, P. Muikku-Werner, J. H. Jantunen. – Jyväskylä: Gummerus Kustannus OY, 2008. – 467 s.
377. Kozmäcs, I. *Udmurt-magyar szotár*. Szombathely: Savaria University Press, 2002. 540 l.
378. Kuusi, M. *Towards an International Type-System of Proverbs* / M. Kuusi // *Proverbium* 19. – Helsinki, 1972 – S. 699–736.
379. Kuusi, M. *Proverbia septentrionalia: 900 Balto-Finnic proverb types with Russian, Baltic, German and Scandinavian parallels* / M. Kuusi; M. Joalaid, E. Kokare, A. Krikmann, K. Laukkanen. – Helsinki: Suomalainen Tiedea Akatemia = Academia Scientiarum Fennica, 1985. – 1 vol. – 451 p.
380. Lauhakangas, O. *The Oldest Finnish Proverb poems in Relation to the Matti Kuusi International Database of Proverbs* / O. Lauhakangas // *Acta Ethnographica Hungarica*. – 2000. – №45 (3–4). – S. 401–419.
381. Lauhakangas, O. *The Matti Kuusi International Type System of Proverbs* / O. Lauhakangas. – Helsinki: Academia Scientarium Fennica. – 2001. – 158 s.

382. Laukkanen, K. Sananlaskut / K. Laukkanen, P. Hakamies. – Helsinki: Suomalainen kirjallisuuden seura, 1984. – 491 s.
383. Liiv, V. Saksa-eesti fraseologismide ja väljendite sõnaraamat / V. Liiv, A. Haberman, M. Paivel / Toim. F. Vakk. Tallinn, 1973. – 517 l.
384. Litovkina, A. T. Magyar közmondástár: Közmondások értelmező szótára példákkal szemlélítve / A. T. Litovkina. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2005. – 822 l.
385. Magyar szólástár: Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező és fogalomköri szótára / Főszerk.: Bárdosi V. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2004. – 952 l.
386. WW 1986 – Munkácsi, Bernát. Wogulisches Wörterbuch / B. Munkácsi, B. Kálmán. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. – 950 lap.
387. Nagy, O. G. Magyar szólások és közmondások. 8. kiadás / O. G. Nagy. – Talentum, 1999. – 863 l.
388. Õim, A. Fraseoloogiasõnaraamat / A. Õim. – Tallinn: Eesti Teaduste Akad., Keele ja Kirjanduse Inst., 1993. – 588 l.
389. Paczolay, Gy. A Comparative Dictionary Of Hungarian-Estonian-German-English-Finnish and Latin Proverbs / Paczolay Gyula. – Pannon Press, 1987. – 324 p.
390. Paczolay, Gy. Magyar-észt-német-angol-finn-latin közmondások és szólások: Cseremisiz és zürjén függelékkel / Paczolay Gyula. – 2. bőv. kiad. – Veszprém: VEAB, 1987a. – 300 l.
391. Paczolay, Gy. European Proverbs in 55 Languages = Európai közmondások 55 nyelven arab, perzsa, szanszkrit, kínai és japán megfelelőikkel / Paczolay Gyula. – Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. – 528 p.
392. PHRASEOLOGIA MORDUINICA: Valikoima ersämordvalaisia fraaseja, idiomeja ja muita sanontoja venäläisin, virolaisin ja suomalaisin vastinein (n. 930 sanontaa). Helsinki, 2010. IX+140 s.

393. Reitsak, A. V. Vene fraseologisme eesti vastetega / A. V. Reitsak. – Tallinn: Valgus, 1975. – 702 l.
394. Szemerkenyi, Á. Szólások és közmondások / Á. Szemerkenyi. – Budapest: Osiris Kiadó, 2009. – 1462 l.
395. Újváry, Z. Szólásgyűjtemény / Z. Újváry. – Budapest: Osiris Kiadó, 2001. – 668 l.
396. Virkkunen, S. Suomalainen fraasi-sanakirja: Kivestä Kekkoseen / S. Virkkunen. – Helsinki: Otava, 1974. – 656 s.
397. Virkkunen, S. Suomalainen fraasi-sanakirja / S. Virkkunen. – Keuruu: Kustannusosakeyhtiö Otavan painolaitokset, 1981. – 420 s.

Приложения

Приложение I. Список условных сокращений

ФКМ – фразеологическая кратина мира

ЯКМ – языковая картина мира

ФЕ – фразеологическая единица

СФЕ – соматическая фразеологическая единица

КК – код культуры

СКК – субкод культуры

манс. – мансийский язык

рус. – русский язык

заим. – заимствование

Приложение II. Список информантов

Двинянинова (Номина) Мария Тихоновна, пенсионер, 5 апреля 1951 г. р., место рождения: п. Няксимволь Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, место проживания: п. Хулимсунт Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области (верхнесосьвинский говор).

Динисламова (Садомина) Светлана Силивёрстовна, ведущий научный сотрудник БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», кандидат филологических наук, 17 марта 1960 г. р., место рождения: п. Сосьва Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, место проживания: г. Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области (среднесосьвинский говор).

Иванова (Садомина) Валентина Силивёрстовна, доцент Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук, 22 апреля 1950 г. р., место рождения: п. Сосьва Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, место проживания: г. Санкт-Петербург (среднесосьвинский говор).

Ларионова (Вьюткина) Галина Николаевна, библиотекарь Саранпаульской библиотеки, участник фольклорного коллектива «Эргин сым», 25 сентября 1962 г. р., место рождения: д. Щекурья Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, место проживания: с. Саранпауль Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области (сыгвинский (ляпинский) говор).

Лисова (Остерова) Дина Тимофеевна, пенсионер, 26 октября 1940 г. р., место рождения: д. Потрасуй Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, место проживания: пгт. Берёзово Ханты-

Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области (среднесосьвинский говор).

Панченко (Хозумова) Людмила Николаевна, научный сотрудник БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», 12 июня 1976 г. р., место рождения: п. Саранпауль Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, место проживания: г. Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области (сыгвинский (ляпинский) говор).

Садомин Павел Селиверстович, пенсионер, 5 октября 1957 г. р., место рождения: п. Сосьва Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, место проживания: п. Сосьва Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области (среднесосьвинский говор).

Самбиндалов Тимофей Константинович, пенсионер, 17 октября 1952 г.р., место рождения: п. Яныгпавыл Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, место проживания: п. Няксимволь Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области (верхнесосьвинский говор).

Самбиндалова (Номина) Галина Петровна, пенсионерка, 30 сентября 1953 г., место рождения: п. Верхненильдино Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, место проживания: п. Няксимволь Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области (среднесосьвинский говор).

Слинкина (Ендырева) Татьяна Дмитриевна, (18 декабря 1947 г. – 28 августа 2020 г.), место рождения: д. Хошлог Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области (сыгвинский (ляпинский) говор).

Приложение III. Фразеологизмы мансийского языка

Фразеологизмы группы «естественный мир»:

Фразеологизмы с компонентами соматического кода культуры:

1. (аквтоп) вօртыпал лօглыл лօлис ‘проснулся не в духе (кто-либо) (букв.: (будто) левой ногой встал)’
2. (аквтоп) мօт лօглօтыл нօх-лօлис ‘проснулся не в духе (кто-либо) (букв.: (будто) другой ногой вверх встал)’
3. (аквтоп) нօлме юв-таяпастօ ‘молчаливый, неразговорчивый человек (букв.: (будто) язык=свой внутрь съел)’
4. (аквтоп) пуңке тыпылтастօ ‘глупый человек (букв.: (будто) голову=свою потерял)’
5. (аквтоп) сым ат оньси ‘злой человек (букв.: (будто) сердца не имеет)’
6. аквтоп пуңктօл ‘глупый человек (букв.: будто безголовый)’
7. алпитօ нас тօрыгтаве ‘дрожит от страха (кто-либо) (букв.: тело=его просто трясут)’
8. асың пуңк ‘1) забывчивый человек; 2) глупый человек (букв.: дырявая голова)’
9. вօгтօл улысьлув ‘человек, говорящий невнятно (букв.: бессильная челюсть)’
10. вօнның-консың ‘здоровый, коренастый мужчина (букв.: плечистый-когтистый)’
11. вօльттօл патыс ‘лица нет (у кого-либо) (от страха, потрясения) (букв.: безликим стал)’
12. вօльтօ ломырлам ‘морщинистый человек (от возраста) (букв.: лицо=его складочками сложилось)’
13. вօльтօ мօтаныг ёмтапас ‘изменился в лице (кто-либо) (от страха, потрясения, гнева) (букв.: лицо=его другим вдруг стало)’
14. вօльтօ сօви хартхатас ‘лицо перекосилось (у кого-либо) (от страха, гнева) (букв.: лицо=его криво стянулось)’
15. вօльтօ хасьтօлыг вօрапахтас ‘изменился в лице (кто-либо) (от страха, гнева) (букв.: лицо=его незнакомым (неузнаваемым) сделалось)’
16. вօльтօ хот-нуумтахтас ‘изменился в лице (кто-либо) (от страха, гнева) (букв.: лицо=его сдёрнулось)’
17. вօсьраме кон ты паты ‘свирепствует, неистовствует (кто-либо) (букв.: желчь=его вот-вот наружу выпадет)’

18. восьраме нас п̄асги ‘свирепствует, неистовствует (кто-либо) (букв.: желчь=его так и капает)’
19. ёмас сымыл олуңкве ‘быть добрым (букв.: хорошим сердцем жить)’
20. ёмас сымың ‘добрый человек, добряк (букв.: доброе (хорошее) сердце имеющий)’
21. исе хот-рагатас ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: душа=его выпала)’
22. исхоранэ ёхтысыт ‘вздрогнул от неожиданности (кто-либо) (букв.: души=его вернулись)’
23. исхоре ми́нас (о́яс) ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: душа=его (одна из душ) ушла (сбежала)’
24. кавалиң пуңк ‘плешивый, лысый человек (букв.: камень-голыш голова)’
25. кантэ ма́йтын ёхтыс ‘сильно злится, свирепеет (кто-либо) (букв.: злость=его до печени дошла)’
26. кантэн та́нанэ хосаг нюнславет ‘сводит от злости (кого-либо) (букв.: зло сухожилия=его в длину растягивает)’
27. ка́миныт сым ‘1) добрый, уступчивый человек; 2) ранимый человек (букв.: мягкое сердце)’
28. ка́таге у́ри ‘лентяй, бездельник (букв.: руки охраняет)’
29. ка́таге хосаг ‘вор (букв.: руки=его длинные)’
30. ка́таге-ла́глаге хот-вуськасамаге ‘устал до изнеможения (кто-либо) (букв.: руки-ноги=свои уже выбросил)’
31. ка́ттә́л-ла́гылтә́л ‘неуклюжий, неловкий человек (букв.: без рук-без ног)’
32. ка́тэ тактапитэ ‘человек, готовый прийти на помощь (букв.: руку=свою сам (быстро) подаст)’
33. ла́глыг се́приныл виңкве ‘мчатся сломя голову (букв.: из затылка ноги брать)’
34. ла́глыл се́прин хоюңкве ‘мчатся сломя голову (букв.: ногами затылок задевать)’
35. ласкат сымпа ‘1) добрый человек; 2) щедрый человек (букв.: с щедрым сердцем)’
36. луве-саме у́нтум хо́тпа ‘возмужавший человек (букв.: костями-частями окрепший человек)’
37. лувта́л-не́выльта́л ‘тощий, болезненный человек (букв.: без костей-без мяса)’
38. лувың-самың ‘здоровый, крепкий, сильный мужчина (букв.: с костями-с частями)’
39. лылытэ ат са́литы ‘жертвенный человек (букв.: души-дыхания (=жизни)=своей не пожалеет)’

40. лылытэ кон ала патыс ‘испугался (кто-либо) (букв.: душа-дыхание=его чуть наружу не выпала)’
41. лылытэ миңкве вёрми ‘жертвенный человек (букв.: душу-дыхание (=жизнь)=свою отдать может)’
42. лылытэ нэҗлыс ‘едва живой (кто-либо) (от страха) (букв.: душа-дыхание=его спаслась)’
43. лылытэ тув марыс ‘дыхание перехватило (от страха) (букв.: дыханию=его тесно стало)’
44. лылытэ а́тим ‘ни жив, ни мёртв (кто-либо) (букв.: души-дыхания=его нет)’
45. ла́глаге ёл-ханасы́г ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его вниз прилипли)’
46. ла́глаге тув ка́ртсы́г ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его недвижимыми стали)’
47. ла́глаге тув са́йтсы́г ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги=его онемели)’
48. ла́глаге-ка́таге хот-нёвламасы́т ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: ноги-руки=его обмякли)’
49. ла́гыл нёл тальхыл ёл ваңкласаптуңкве вёрми ‘подлый человек (букв.: ноги кончиком носка уронить может)’
50. ла́гыл-ка́т та́нанэ нас то́ргёгы́т ‘дрожит от страха (кто-либо) (букв.: на ногах-руках=его сухожилия так и трясутся)’
51. ла́ге лёньсь турн яктувес ‘чуть не заплакал (кто-либо) (букв.: хвост=его плачущим горлом перехватило)’
52. лёль (кантың) самыл сунсуңкве (аңкватаңкве) ‘злобно смотреть (букв.: плохими (злыми) глазами смотреть (взглянуть)’
53. лёль ка́туп ‘вор (букв.: плохие руки имеющий)’
54. лёль сымыл о́луңкве ‘быть злым (букв.: плохим сердцем жить)’
55. лёль турыл ро́ңхуңкве ‘кричать от страха (букв.: плохим горлом кричать)’
56. лёньсь пуки ‘плакса (букв.: плачущий живот)’
57. ма́нь ка́туп-ла́глуп нэ́кве ‘маленькая, невысокая женщина (букв.: с маленькими руками-ногами женщина)’
58. ма́нь нёлп-сампа нэ́кве ‘женщина с красивыми, утончёнными чертами лица (букв.: с маленькими носом-глазами женщина)’
59. мара́ви пу́нкуп ‘глупый человек (букв.: с непроходимой (не воспринимающей) головой)’
60. му́ңи те́р нёлэ́т ханы ‘1) ребёнок маленького возраста; 2) молодой, неопытный человек (букв.: яйца скорлупа под носом=его висит)’
61. ма́нь сым ‘холодный, чёрствый человек (букв.: маленькое сердце)’

62. м̄от совын патуңкве ‘испытать сильный страх (букв.: в другую шкуру (кожу) попасть)’
63. н̄ёл ёлы-п̄алэ иңыт туситаве ‘юный, неопытный молодой человек (букв.: под носом=его ещё не выросла борода)’
64. н̄ёл талих кант ‘отходит от злости (кто-либо) (букв.: злость=его на кончике носа)’
65. н̄ёл хосыт ӯнлуңкве ‘сидеть без дела (букв.: по длине носа сидеть)’
66. н̄ёлагм̄ён акван-хоясыг ‘неожиданно встретились (мы) (букв.: носы=наши (двоих) друг в друга стукнулись)’
67. н̄ёлэ сака хоса ‘любопытный человек (букв.: нос=его очень длинный)’
68. н̄ёлэ ёхтуңкве патыс ‘обижается (кто-либо) (букв.: нос=свой отворачивать стал)’
69. н̄ёлэныл элаль ат к̄асалы ‘глупый, недальновидный человек (букв.: носа=своего дальше не видит)’
70. н̄ёлме аквтоп ёл-ханас ‘потерял дар речи, онемел (от страха) (кто-либо) (букв.: язык=его словно прилип (прилепился)’
71. н̄ёлме аквтоп хот-яктапавес ‘потерял дар речи, онемел (от страха) (кто-либо) (букв.: язык=его словно срезали)’
72. н̄ёлме луйгуңкве м̄асьтыр ‘чрезмерно говорливый человек, болтун (букв.: язык=его щебетать мастер)’
73. н̄ёлме сака лосьги ‘1) сплетник; 2) болтун (букв.: язык=его сильно чешется)’
74. н̄ёлме с̄айтт̄ал патыс ‘онемел (от страха) (кто-либо) (букв.: язык=его онемевшим стал)’
75. н̄ёлме с̄ови патум ‘лжец, обманщик (букв.: язык=его набок упал)’
76. н̄ёлме тагапаңкве патыс ‘онемел (от страха) (букв.: язык=его застревать стал)’
77. н̄ёлме хоса ‘1) сплетник; 2) болтун (букв.: язык=его длинный)’
78. н̄ёлме хот-тосас (янтыс) ‘онемел (от страха) (кто-либо) (букв.: язык=его высох)’
79. н̄ёлмыт ты кос суйты (о̄лы) ‘вертится на языке (букв.: на языке=его вроде и слышится (есть)’
80. н̄ёрың супыл р̄оңхуңкве ‘яростно кричать (ругаться) (букв.: пенным ртом кричать (ругаться)’
81. н̄ёвле нас т̄орги ‘дрожит, трясётся (кто-либо) (букв.: мясо (мышцы)=его так и трясётся (дрожит)’
82. н̄ёвлиң-т̄эпың ‘располневший, упитанный, толстый человек (букв.: мясистый-питательный)’

83. нѐматыр пуңкыт ат суйты ‘не идёт на ум (букв.: ничего в голове не слышно)’
84. нѝлың пуки ‘обжора (букв.: ненасытный живот)’
85. оссам пап ‘глупый, тупой человек (букв.: глупая задница)’
86. оссам пўйтуп ‘глупый, тупой человек (букв.: глупая задница)’
87. осың совын хōтпа ‘толстокожий, бесчувственный человек (букв.: с толстой кожей человек)’
88. осэ хот-нуумтавес ‘побледнел от страха (кто-либо) (букв.: лица кожу=его сдёрнули)’
89. пѝйтаге нас лѝсьлѝг ‘румяный, розовощѝкий человек (букв.: щѝки=его так и блестят)’
90. пѝлсѝйтуп пуңк ‘глупый, тупой человек (букв.: с половиной соображения (ума) голова)’
91. пап наскѝссыг консуңкве ‘врать, лгать, обманывать (букв.: зад понапрасну чесать)’
92. пиласи сым ‘трусливый человек (букв.: трусливое сердце)’
93. питьми тōвтуңкве (тōвмуңкве) ‘губы поджимать (от недовольства) (букв.: губы жевать (прикусывать)’
94. полхың нѝл ‘1) ребёнок маленького возраста; 2) молодой, неопытный человек (букв.: сопливый нос)’
95. пункың хōтпа ‘умный человек (букв.: с головой человек)’
96. пуныл иң ат нѝглыма ‘юный, неопытный молодой человек (букв.: шерсть=его ещё не появилась)’
97. пуңк тыпылтаңкве ‘потерять контроль (букв.: голову потерять)’
98. пуңк тѝрвитыл пинвѝсум ‘клонит ко сну (кого-либо) (букв.: головную тяжесть положили)’
99. пуңк ѝтанѝ вōтвѝсыт ‘поседел от страха (букв.: головы волосы=его обветрились)’
100. пуңканѝтыл нас тōрги ‘стучит зубами (от страха) (кто-либо) (букв.: зубами=своими так и стучит)’
101. пуңке ат рўпиты ‘несообразительный, глупый человек (букв.: голова=его не работает)’
102. пуңке ѝмас ‘умный, сообразительный человек (букв.: голова=его хорошая)’
103. пуңке лўль ‘глупый человек; дурак, тронутый (букв.: голова=его плохая)’
104. пуңке пасапам ‘глупый человек (букв.: голова=его продырявилась (прохудилась)’
105. пуңке рупиты ‘умный, сообразительный человек (букв.: голова=его работает)’
106. пуңке тыпылтастѝ ‘глупый человек (букв.: голову=свою потерял)’

107. пуңке т̄ара в̄отаве ‘глупый, рассеянный человек (букв.: голову=его насквозь продувает)’
108. пуңкен т̄ара паты ‘умный, сообразительный человек (букв.: в голову=его сразу падает)’
109. пуңкет мось ат товылхаты ‘слабоумный человек (букв.: в голове=его немного не хватает)’
110. пуңкп̄алум р̄аты ‘предчувствует (кто-либо что-либо) (букв.: половина головы=его стучит (к чему-то)’
111. пуңкт̄ал-номтт̄ал ‘глупый человек (букв.: без головы-без ума)’
112. пуңкын тув ул м̄аелын ‘не влезай не в своё дело (букв.: голову=свою туда не вталкивай)’
113. п̄елуп сам ‘человек с хорошим зрением (букв.: острый глаз)’
114. п̄олям сым ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: холодное сердце)’
115. самаге кон ал рагатас̄ыг ‘глаза чуть не выпали (у кого-либо) (букв.: глаза=его чуть наружу не выпали)’;
116. самаге кон ты пат̄эг ‘вытарашил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его вот-вот выпадут наружу)’
117. самаге лап та минвес̄ыг ‘в глазах помутилось (у кого-либо) (букв.: глаза=его совсем чем-то зашлись (прикрылись)’
118. самаге т̄елпыл обумлав̄ег ‘свирепеет (кто-либо) (букв.: глаза=его кровью наливаются)’
119. самаге янгыг хартхартс̄ыг ‘вытарашил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его большими растянулись)’
120. саме-пале маныгты ‘подслушивает (кто-либо) (букв.: глаза-уши=свои так и рвёт)’
121. сампал-с̄уппал х̄отпа ‘некрасивый человек (букв.: без (одного) глаза-без (половины) рта человек)’
122. самыг кантыңыг в̄аруңкве ‘сердито, зло смотреть (букв.: глаза сердитыми делать)’
123. самыг кантыңысь хартумтаңкве ‘сердито посмотреть (букв.: глазами сердито дёрнуть)’
124. самыг сюрхилтаңкве ‘злобно смотреть (с прищуром) (букв.: глаза (злобно щурить)’
125. самын патыс ‘родился (кто-либо) (букв.: на глаза попал)’
126. самың-палиң ‘умный, смышл̄еный человек (букв.: глазастый-ушастый)’
127. самыт он̄сьюңкве ‘оберегать, охранять (кого-либо) (букв.: на глазах держать)’
128. санс накане тув к̄артсыт ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: коленные суставы=его недвижимыми стали)’

129. саран нёл, пуның нёл ‘зырянин (букв.: зырянский нос, волосатый нос)’
130. сома сысән, соргән хартыглаве ‘трясётся от переживания, волнения (кто-либо) (букв.: словно спину=его, живот=его дёргают)’
131. суп āтим, нёлм āтим ‘потерял дар речи (от страха) (кто-либо) (букв.: рта нет, языка нет)’
132. супе нёрыл паялты ‘кричит, ругается (кто-либо) (букв.: рот=его пеной кипит)’
133. суптāl-нёлмтāl хōтпа ‘тихий, скромный человек (букв.: без рта-языка человек)’
134. супың-нёлмың хōтпа ‘разговорчивый, словоохотливый человек (букв.: со ртом-языком человек)’
135. сым оңтас вārнэ хōтпа ‘сердечный, сопереживающий человек (букв.: сердечную помощь делающий человек)’
136. сые (номтэ) рōтмалтахтас ‘успокоился (кто-либо) (букв.: сердце=его (мысль=его) успокоилось)’
137. сые аквтоп тув тосыс ‘равнодушный, чёрствый человек (букв.: сердце=его будто высохло)’
138. сые аквтоп тыпылтастэ ‘равнодушный, чёрствый человек (букв.: сердце=своё будто потерял)’
139. сые ат вёриты ‘заводится, раздражается (кто-либо) (букв.: сердце=его не терпит)’
140. сые ат сāлиты ‘жертвенный человек (букв.: сердца=своего не пожалеет)’
141. сые ёл рагатас (патыс) ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его вниз выпало (упало)’
142. сые ёл-ойматас ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его соскользнуло)’
143. сые ёмасыг (кўпнитыг) ёмтыс ‘успокоился, почувствовал лёгкость (кто-либо) (букв.: сердце=его хорошим (лёгким) стало)’
144. сые кантлы ‘сердится, злится (кто-либо) (букв.: сердце=его сердится)’
145. сые каректāl ‘безгрешный, без плохих помыслов человек (букв.: сердце=его без греха)’
146. сые кон ала минас ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его чуть наружу не ушло)’
147. сые кон ты повари (нёглы) ‘сильно боится (кто-либо) (букв.: сердце=его словно сейчас наружу выкатится (вылезет)’
148. сые кон ты порыгми ‘боится, испытывает страх (кто-либо) (букв.: сердце=его вот-вот выпрыгнет наружу)’
149. сые котралаве ‘мучается от изжоги (кто-либо) (букв.: сердце=его жжёт)’
150. сые курги ‘проголодался (кто-либо) (букв.: сердце=его гремит)’

151. сыме лавыл нэглы ‘ненавидит (кто-либо кого-либо) (букв.: сердце=его ненавистью исходит)’
152. сыме лап-минас ‘сердце сжалось (у кого-либо) (букв.: сердце=его захлопнулось)’
153. сыме лап-тотыгпавес ‘сердце сжалось (у кого-либо) (букв.: сердце=его сжало)’
154. сыме лэваты ‘жертвенный человек (букв.: сердце=своё вытаскивает)’
155. сыме люльмыс ‘мучается от тошноты (кто-либо) (букв.: сердцу=его плохо стало)’
156. сыме манумтас ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его рванулось)’
157. сыме миңкве (мүйлуптаңкве) вёрми ‘жертвенный человек (букв.: сердце=своё отдать (подарить) может)’
158. сыме мотан ‘чёрствый человек (букв.: сердце=его другое)’
159. сыме нас тёрги ‘боится (кто-либо) (букв.: сердце=его так и дрожит)’
160. сыме нёвумтас ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его сдвинулось (резко)’
161. сыме нох-лапи ‘радостный, счастливый человек (букв.: сердце=его вверх взлетает (поднимается)’
162. сыме няврам сым хурипа ‘искренний, чистый человек (букв.: сердце=его подобно сердцу ребёнка)’
163. сыме пылысьмал тагиньтас ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его страхом наполнилось)’
164. сыме пелялаве ‘становится беспокойным, нервничает (кто-либо) (букв.: сердце=его колют)’
165. сыме рохтыс ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его испугалось)’
166. сыме рёгың-посың ‘добрый человек (букв.: сердце=его тёплое-светлое)’
167. сыме саватан ут ‘мучитель, причиняющий кому-либо страдания человек (букв.: сердце=его мучающий некто)’
168. сыме сорнятас ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его вздрогнуло)’
169. сыме сыстам ‘искренний, чистый человек (букв.: сердце=его чистое)’
170. сыме сяр лагыл тулёвылн ёхтыгпалыс ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его очень близко к пальцу ноги доходило)’
171. сыме сягты ‘радуется (кто-либо) (букв.: сердце=его радуется)’
172. сыме сялтнэ ‘любимый человек (букв.: в сердце=его вошедший)’
173. сыме телпыл пүтги ‘накаляется, злится (кто-либо) (букв.: сердце=его кровью стучит)’
174. сыме та тыпылтастэ ‘испугался (кто-либо) (букв.: сердце=своё потерял)’
175. сыме таңыртаве (таңралаве) ‘сердце сжимается (у кого-либо) (букв.: сердце=его жмут (мнут)’

176. сѳме титтыг ты паты (толматы) ‘испытывает сильный страх (кто-либо) (букв.: сердце=его вот-вот надвое разделится (разорвѳтся)’
177. сѳме тув к̄артыс ‘сердце замирает (у кого-либо) (букв.: сердце=его обмерло (окаменело)’
178. сѳме ты покапи ‘боится (кто-либо) (букв.: сердце=его сейчас лопнет (треснет)’
179. сѳме ты покматы (толматы) ‘печалится, горюет, страдает (кто-либо) (букв.: сердце=его вот-вот лопнет (разорвѳтся)’
180. сѳме т̄рвитыл ѳхтувес ‘печалится, тоскует (кто-либо) (букв.: на сердце=его тяжесть пришла)’
181. сѳме тѳлпыл х̄улиглы ‘злится (кто-либо) (букв.: сердце=его кровью наполняется)’
182. сѳме хаңра паттан хояс ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его пяток коснулось)’
183. сѳме хот-л̄юльмыс ‘тошнит (кого-либо)’ (букв.: сердце=его плохим стало)’
184. сѳме хотталь та ояс (с̄улттыс) ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его куда-то (неожиданно) сбежало (умчалось)’
185. сѳме хотталь та с̄ялтапас ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: сердце=его куда-то спряталось (исчезло)’
186. сѳме хурахлы ‘боится (кто-либо) (букв.: сердце=его боится)’
187. сѳме ѳр ‘волевой, душевно сильный человек (букв.: сердце=его сильное)’
188. сѳме ѳрги ‘радуется, ликует (кто-либо) (букв.: сердце=его поѳт)’
189. сѳме ѳтгалаве ‘мучается от голода (кто-либо) (букв.: сердце=его проголодалось)’
190. сѳмен матыр пѳлхатас ‘сердце кольнуло (у кого-либо) (букв.: что-то в сердце=его воткнулось (вонзилось)’
191. сѳмет л̄юль ат ѳн̄ьси ‘открытый, искренний человек (букв.: в сердце=своѳм плохого не имеет)’
192. сѳмт̄ал ала патыс ‘чуть не умер (от страха) (кто-либо) (букв.: без сердца чуть не остался)’
193. сѳмт̄ал-м̄айтт̄ал ‘бессердечный, жестокий человек (букв.: без сердца-печени)’
194. сѳмың х̄ѳтпа ‘добрый человек (букв.: сердце имеющий человек)’
195. сѳслуѳ (сѳплуѳ) а̄гитѳ ‘дочь, сидящая на шее, нахлебница (букв.: позвоночника (спинной кости) (шеи) дочь=его)’
196. с̄яр в̄ильтт̄ал хультыс (ѳмтыс) ‘испугался (кто-либо) (букв.: совсем без лица остался=он (стал)’
197. с̄яр к̄атт̄ал ‘неуклюжий, неосторожный человек (букв.: совсем без рук)’

198. с̄аюм л̄эг ‘старый, дряхлый мужчина (букв.: сгнивший хвост)’
199. с̄орге таңралаве ‘болит живот (у кого-либо) (букв.: живот=его мнёт (кто-то))’
200. с̄ягтың к̄атын-л̄аглын патуңкве ‘обрадоваться (букв.: с радостными руками-ногами стать)’
201. т̄арс пуңк ‘плешивый, редковолосый человек (букв.: редкая голова)’
202. т̄осам лув кварак ‘худой, тощий, костлявый человек (букв.: сухих костей связка)’
203. т̄осам лувнар ‘худой, тощий, костлявый человек (букв.: сухой скелет)’
204. т̄осам п̄есь ‘худой, тощий, костлявый человек (букв.: высохшее бедро)’
205. такви пуңкетыл о̄лы ‘своим умом живёт (кто-либо) (букв.: своей головой живёт)’
206. т̄иврет лю̄ль ‘заводится, сердится (кто-либо) (букв.: во внутренностях=его плохо)’
207. тул̄евланэ ловиньтаңкве ат в̄ерми ‘глупый человек (букв.: пальцы=свои сосчитать не может)’
208. туп самаге хультс̄ыг ‘тощий, болезненный человек (букв.: только глаза остались)’
209. туре лап-ӯнтвес ‘дыхание перехватило (у кого-либо) (букв.: горло=его закрылось)’
210. туре тув марыс ‘дыхание перехватило (от страха) (букв.: горлу=его тесно стало)’
211. турың ёхтуңкве ‘быть на грани, в раздражении (букв.: к горлу подойти)’
212. турың ёхтуптытэ ‘раздражает (кто-либо кого-либо) (букв.: до горла доводит)’
213. т̄ан хартуңкве ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: сухожилия тянуть)’
214. т̄атыл пуңк ‘глупый, тупой человек (букв.: пустая голова)’
215. т̄елп атыл пасматас ‘(букв.: запахом крови запахло)’ – о предчувствии беды
216. т̄елпе нас п̄айтахты ‘злится (кто-либо) (букв.: кровь=его так и кипит)’
217. улысь пуңкытыл яхыртаңкве (сихиртаңкве) ‘скрипеть зубами (букв.: коренными зубами скрипеть (скрежетать))’
218. ханлпаттаге я̄ге о̄ньсям хурит̄энтыл ‘здоровый, целый, невредимый человек (букв.: подмышки=его в том же виде, как и при отце=его были)’
219. хас̄т̄ал турыл р̄оңхуңкве ‘громко кричать (от страха) (букв.: неузнаваемым горлом кричать)’
220. яныг сым ‘добрый человек (букв.: большое сердце)’
221. яныг тур ‘крикливый, громкоголосый человек (букв.: большое горло)’

222. яныг турыл р̄оңхуңкве ‘громко кричать (от страха) (букв.: большим горлом кричать)’
223. āтанэ аквтоп нас нювсалтавет ‘волосы на голове шевелятся (от страха) (букв.: волосы=его будто кто-то качает)’
224. āтанэ н̄ох-алмхатсыт (н̄ох-л̄юльсыт) ‘волосы встали дыбом (от страха) (букв.: волосы=его вверх поднялись (встали))’

**Фразеологизмы с компонентами
природного кода культуры:**

225. (аквтоп) в̄отн тотыглаве ‘пьяный человек (букв.: (будто) ветром носит=его)’
226. (аквтоп) м̄ан с̄ялты ‘стыдится (кто-либо) (букв.: (будто) в землю зарывается)’
227. акв л̄аглэ в̄оңхат л̄юли ‘старый, преклонных лет человек (букв.: одна нога=его в яме стоит)’
228. акв п̄айтэт этпос, м̄от п̄айтэт х̄отал ‘добрый человек (букв.: на одной щеке луна, на другой щеке солнце)’
229. акв о̄влэ с̄эил сульги ‘старый человек (букв.: с одного конца песок сыплется)’ *заим.*
230. в̄ильтэ т̄уйт хурипаг ёмтыс ‘побледнел от страха (кто-либо) (букв.: лицо=его как снег стало)’
231. в̄ильтэ т̄унра āврах хольт ёмтыс ‘изменился в лице (кто-либо) (букв.: лицо=его цвета торфяного обрыва стало)’
232. вит ат н̄ёвумтапты, пумтар ат хасумты ‘тихий, скромный человек (букв.: воды не колыхнёт, траву не качнёт)’
233. витыг тотуңкве ‘уничтожить (кого-либо) (букв.: в воду превратить)’
234. в̄ор э̄ссырман пинвес ‘застыдился (кто-либо) (букв.: с лес стыд (позор) положили)’
235. исум витыл равтасавес ‘испугался (кто-либо) (букв.: горячей водой плеснули)’
236. исхоретыл пи́лы ‘трусливый, боязливый человек (букв.: тени=своей боится)’
237. кантың-с̄эңквың хум ‘буйный, яростный (человек) (букв.: злой-затуманенный человек)’
238. котрың вит ‘спиртные напитки (букв.: жгучая вода)’
239. л̄аглаге аквтоп м̄анн ёл-пуввесыг ‘ноги оцепенели (у кого-либо) (букв.: ноги=его будто земля вниз поймала)’

240. лусъвитыл (луњсьвитыл), полхвитыл тыттуңкве ‘скудной едой накормить (букв.: слюнной водой, сопливой водой накормить)’
241. мол тэлы (букв.: вчера зимой) – употребляется в качестве отвязки от разговора
242. мәнл туп нэглум ‘ребёнок маленького возраста (букв.: из-под земли чуть появился)’
243. номтэ вит хольт ови ‘хорошо думается (кому-либо) (букв.: мысль=его как вода течёт)’
244. нёр хольт конгуңкве ‘неистовствовать, буйствовать (букв.: как пена кипеть)’
245. пәнкын лоп-лоп ‘чумазый, грязный человек (букв.: грязный лоп-лоп (звукоподражание)’
246. посиң номт ‘умный человек (букв.: светлый ум)’
247. посиң пуңк ‘умный человек (букв.: светлая голова)’
248. пуңке (аквтоп) ахвтасыл тохрувес ‘глупый, несообразительный человек (букв.: голову=его (будто) камнями набили)’
249. пуңке сэңквың ‘голова кружится (у кого-либо) (букв.: голова=его туманная)’
250. пуңкет вѳт вѳты (яласы) ‘легкомысленный, несерьёзный, глупый человек (букв.: в голове=его ветер дует (гуляет)’
251. пәнк хольт ови (букв.: как грязь течёт) – для обозначения большого числа или количества кого-либо или чего-либо
252. пѳлям (яңкын) витыл равтасавес (сѳсыгпавес) ‘испугался (кто-либо) (букв.: холодной (ледяной) водой плеснули (облили)’
253. пѳлям рѳг витын пѳрыглас ‘испугался (кто-либо) (букв.: холодным потом (=горячей водой) завернуло)’
254. рѳгыл пинвес ‘испугался (кто-либо) (букв.: жаром положило)’
255. самаге сэңквын ваглувесыг ‘в глазах помутилось (у кого-либо) (букв.: на глаза=его туман спустился)’
256. самаге ўлял сэлѳг (пѳсгѳг) ‘злобно глядит (кто-либо) (букв.: глаза=его огнём вспыхивают (капают)’
257. самыг сэңквыл хартвесыг ‘в глазах помутилось (у кого-либо) (букв.: глаза=его туманом затянуло)’
258. султум хольт яласы ‘подвижный, шустрый человек (букв.: подобно искре двигается)’
259. супе нѳй хольт ‘болтун (букв.: рот=его как огонь)’
260. сыме пос ѳньси ‘добрый, ласковый человек (букв.: сердце=его свет имеет)’
261. сыме сома хот-хассыгтавес ‘чѳрствый, равнодушный человек (букв.: сердце=его словно заплесневело)’

262. сымет (аквтоп) яңк поталы ‘жестокий, бессердечный человек (букв.: в сердце=его (будто) комок (кусок) льда)’
263. сымет рѐг ѓньси ‘добрый, внимательный человек (букв.: в сердце=своём жар имеет)’
264. сьумплы-хумплы ‘несерьѐзный, легкомысленный человек (букв.: волнуется (рябь воды), плещется (вода от волн)’
265. сяхлыг кургуңкве ‘злобно ругаться (букв.: грозой греметь)’
266. сѐңквын ат сѐйтаве, вѓтн ат сакватаве ‘крепкий, здоровый человек (букв.: туман не скроет, ветер не сломит)’
267. тѓврет сыстам виткве ови ‘искренний, чистый человек (букв.: во внутренностях=его чистая водичка течѓт)’
268. тыгыл тѓрын вѓглы ‘старый, преклонных лет человек (букв.: скоро в озеро спустится)’
269. тѓлп тѓрсанѓ сома яңкын хартумтавѓсыт ‘испугался (кто-либо) (букв.: кровеносные сосуды=его словно льдом затянуло)’
270. тѓлпе сома тув пѓлис ‘испугался (кто-либо) (букв.: кровь=его словно заледенела)’
271. ѓр ѓссырман пинвес ‘застыдился (кто-либо) (букв.: с гору стыд (позор) положили)’
272. ѓрың нѓл ‘человек с горбатым носом (букв.: гористый нос)’
273. ѓхвтас сым ‘бессердечный, чѓрствый человек (букв.: камень сердце)’
274. ѓхвтасыг овумлас ‘оцепенел от страха (кто-либо) (букв.: камнем обтѓк)’
275. ѓтѓ-хѓталѓ суснувум ‘не налюбуеться (кем-либо) (букв.: ночь-день смотрел бы)’

**Фразеологизмы с компонентами
фитоморфного кода культуры:**

276. алпихаре (аквтоп) поналын хусатаве ‘покрывается мурашками (кто-либо) (букв.: тело=его (будто) крапивой жалят)’
277. йѓвсуп хурипа ‘глупый человек (букв.: похожий на бревно)’
278. ломырлам пилсам ‘человек с морщинистым лицом (от старости) (букв.: сморщенная ягода)’
279. лѓглаге ѓңквалыг ѓмтапасѓг ‘ноги оцепенели (у кого-либо) (букв.: ноги=его пнями сделались)’
280. мѓтум курсип ‘старый, преклонных лет человек (букв.: старый (сплюснутый трухлявый полый) пень)’
281. мѓтум ѓңквал ‘старый мужчина (букв.: старый пень)’
282. мѓнь пум ‘молодѓжь, молодые люди (букв.: молодая (маленькая) трава)’
283. пумтар наскѓсыг ат манумты ‘спокойный, добрый человек (букв.:

- травинку зря не сорвёт)’
284. пуҥк пѐнтсылэ (аквтоп) ййв поталы ‘глупый, несообразительный человек (букв.: вместо головы (будто) кусок дерева (полено))’
285. п̄акв о̄н̄си ‘беременная женщина (девушка) (букв.: шишку (кедровую) имеет)’
286. с̄ас с̄ярнэ хольт е̄хсы ‘врёт, изворачивается, говорит неправду (кто-либо) (букв.: как горящая береста вертится)’
287. самың а̄ңквал ‘глупый, тупой человек (букв.: глазастый пень)’
288. с̄агум а̄ңквал ‘старый мужчина (букв.: прогнивший пень)’
289. с̄ас н̄ёл ‘1) некрасивый человек; 2) кривляка (букв.: берестяной нос)’
290. с̄ас хольт е̄ңхи ‘врёт, изворачивается, говорит неправду (кто-либо) (букв.: как береста крутится)’
291. талква п̄акиль ‘низкий, невысокий, приземистый человек (букв.: низкий ствол)’
292. х̄аль ййв с̄ас халюп хольт т̄оргуҥкве ‘дрожать (трепетать) от страха (букв.: берёзовой бересты плёнке подобно трепетать)’
293. х̄аль а̄ңквал сома ‘глупый, тупой человек (букв.: словно берёзовый пень)’
294. х̄апка л̄үпта хольт т̄оргуҥкве ‘дрожать (трепетать) от страха (букв.: осины листу подобно дрожать (трепетать))’
295. а̄ңквал хольт л̄юлюҥкве ‘оцепенеть (от страха) (букв.: пню подобно стоять)’

**Фразеологизмы с компонентами
зооморфного кода культуры:**

296. а̄гм т̄үлмах хольт е̄хты ‘болезнь приходит неожиданно (букв.: болезнь крадётся как росомаха)’
297. а̄кар хурипа ‘злой человек (букв.: овчарке подобный)’
298. а̄мп вйльтуп ‘злой человек (букв.: с собачьим лицом (мордой))’
299. а̄мп вит х̄алт о̄луҥкве ‘жить в состоянии ссоры, ругани с окружающими (букв.: среди воды (=мочи) собачьей жить)’
300. а̄мп пыг ‘злой мужчина (букв.: собачий сын)’
301. а̄мп хола ‘негодяй (букв.: собачий мертвец)’
302. а̄мп хольт каргуҥкве ‘злобно ругаться (букв.: собаке подобно рычать)’
303. а̄мп хольт пурхатуҥкве ‘постоянно ссориться (со всеми) (букв.: собаке подобно кусаться)’
304. а̄мп хольт о̄луҥкве ‘постоянно ссориться (со всеми) (букв.: собаке подобно жить)’
305. а̄мп а̄ги ‘злая женщина (букв.: собачья дочь)’

306. аквтоп с̄эмыл к̄үтюв х̄айтыс ‘неожиданно возникла неприязнь, отчуждение, недоброжелательность по отношению друг к другу (букв.: будто чёрная собака пробежала)’
307. в̄ор сяңси ‘слабохарактерный человек (букв.: лесной воробушек)’
308. к̄ами-т̄улмах в̄ати ӯсылаквел ё̄муңкве ‘подкрадываться (к кому-либо) (букв.: (мягкими) короткими шагами росомахи-самки подходить)’
309. кол ӯрнэ а̄кар ‘домосед (букв.: дом охраняющая овчарка)’
310. к̄үтюв хурипа ‘злой человек (букв.: собаке подобный)’
311. лув хурипа ‘здоровый, крепкий человек (букв.: лошади подобный)’
312. л̄атҗе х̄ул хольт ё̄нги ‘человек, обладающий даром красноречия (букв.: слово=его рыбе подобно играет)’
313. л̄ёмвой хурипа ‘скромный, застенчивый, тихий человек (букв.: комару подобный)’
314. м̄атум лувэква ‘старая женщина (букв.: старая лошадь)’
315. мансын моссяртн ты йисы ‘засыпает (о ребёнке) (букв.: глухарь скоро уже приземлится)’
316. мис э̄ква ‘неповоротливая, грузная женщина (букв.: корова женщина)’
317. н̄елм ӯит хосыгхатуңкве патсыт ‘проголодался (букв.: язычные червячки пошевеливаться стали)’
318. н̄ёхыс пити ‘дом, в котором царит мир и покой (букв.: соболиное гнездо)’
319. охсар н̄елпа э̄ква ‘хитрая, пронырливая женщина (букв.: с лисьим носом женщина)’
320. охсар э̄ква ‘хитрая, пронырливая женщина (букв.: лиса женщина)’
321. пальт̄ал с̄ёпыр ‘плохо слышащий человек, глухой человек (букв.: безухий глухарь)’
322. пись-пись к̄атыл, пись-пись л̄аглыл ё̄мыгтаңкве ‘ходить тихо, незаметно (букв.: с мышинными руками, мышинными ногами передвигаться)’
323. пити патта няврам ‘младший ребёнок в семье (букв.: гнёздышка дна ребёнок)’
324. полсиң к̄асэв ‘сплетник, сплетница (букв.: сплетничающая сорога)’
325. пуңкт̄ал а̄лн ‘глупый человек (букв.: безголовый таймень)’
326. пурхатнэ а̄мп ‘злой человек (букв.: кусающаяся собака)’
327. п̄ұрысь сампа ‘человек с маленькими глазами (букв.: свиные глазки имеющий)’
328. савың т̄ұрхул ‘ленивый человек (букв.: ленивый карась)’
329. сиськурек пуңк ‘глупый человек (букв.: куриная голова)’
330. супе ӯйрись хольт л̄уйги ‘говорит без умолку (кто-либо) (букв.: рот=его птичке подобно щебечет)’
331. сяр няхсям ‘бесхарактерный человек (букв.: совсем жабры)’

332. с̄алы с̄ёр яныт (букв.: в количестве одной оленьей фекалии) – для обозначения малого количества чего-либо
333. с̄овыр сым ‘трусливый, боязливый человек (букв.: заячье сердце)’
334. с̄овыр сым т̄эсын ‘боязливый, трусливый человек (букв.: заячье сердце съел)’
335. т̄осам т̄арка ‘тощий, худой человек (букв.: сушёный ёрш)’
336. товлыңыг ёмтыс ‘обрадовался, стал счастливым (кто-либо) (букв.: крылатым стал)’
337. т̄ұлмах хольт сунсы ‘злобно смотрит (кто-либо) (букв.: как росомаха смотрит)’
338. т̄ұлмах хурипа ‘злой человек (букв.: росомахе подобный)’
339. т̄ұрхул хольт н̄ёвсы ‘медлительный, неповоротливый человек (букв.: как карась ворочается (шевелится)’
340. т̄акум наск̄ассыг ат с̄ёнасы ‘спокойный, добрый человек (букв.: вошь зря не раздавит)’
341. т̄ёрың хомлах ‘злодей, негодяй (букв.: железный жук-стригун)’
342. т̄ёпың т̄акум хурипа ‘толстый человек (букв.: на откормленную вошь похожий)’
343. уиң пирва ‘вертлявый, неусидчивый человек (букв.: с червями чирок (утка)’
344. ұрин̄эква хольт р̄оңхи ‘громко ругается, кричит (кто-либо) (букв.: как ворона кричит)’
345. уркың к̄асэв ‘лжец, обманщик (букв.: обманывающая сорога)’
346. х̄ар Щеня ‘мужчина с необузданным, диким нравом (букв.: бык Сеня)’
347. халэв тур ‘крикливый, громкоголосый человек (букв.: чайки горло)’
348. хор-хор ворсик ‘подвижный, шустрый человек (букв.: хор-хор (звукоподражание) трясогузка)’
349. хотаң сыплув ‘тонкая длинная шея (у кого-либо) (букв.: лебединая шея)’
350. х̄ұл охса ‘человек маленького роста (букв.: рыбы кусочек (половина рыбы)’
351. хумыг-ўиг ёмтум ‘заматерел, возмужал (мужчина) (букв.: мужчиной-зверем стал)’
352. х̄армис самыл аңкватаңкве (сунсуңкве) ‘злобно смотреть (букв.: бычьими глазами глядеть (смотреть)’
353. х̄армис хольт сунсы ‘злобно смотрит (кто-либо) (букв.: как бык смотрит)’
354. х̄армис хурипа ‘злой человек (букв.: быку подобный)’
355. х̄армисыг ёмтапас ‘разозлился (кто-либо) (букв.: быком стал)’

**Фразеологизмы с компонентами
цветового кода культуры:**

356. вильтэ яңкыг сёнхатас ‘побледнел от страха (кто-либо) (букв.: лицо=его белым побледнело)’
357. сөрниң кәтуп ‘умелец, мастер (букв.: золотые руки имеющий)’
358. сөрниң сым ‘добрый человек (букв.: золотое сердце)’
359. сәмыл вильтуп ‘злой, злодей (букв.: чёрное лицо имеющий)’
360. сәмыл сымпа ‘злой, злодей (букв.: чёрное сердце имеющий)’

Фразеологизмы группы «искусственный мир»:

**Фразеологизмы с компонентами
артефактивного кода культуры:**

361. (аквтоп) āкань колт олы ‘кроткий, тихий человек (букв.: (будто) в кукольном домике живёт)’
362. (витың) партныл сылвес ‘толстый человек (букв.: из (сырой) доски вырезанный)’
363. (ты маныр) сопра пұпыг ‘(что за) чудо (диво) (букв.: (что за) странный идол)’
364. кант хұрыг ‘1) злой, сердитый человек; 2) постоянно злой человек (букв.: мешок со злостью)’
365. кант хусап ‘1) злой, сердитый человек; 2) постоянно злой человек (букв.: коробка со злостью)’
366. колыг хал лотых сунсовың эква ‘сплетница (букв.: между двумя домами санки с углём перевозящая женщина)’
367. корпин хурип ‘острый на язык человек (букв.: бруску точильному подобный)’
368. куңар хольт ўнлы ‘бездельничает (кто-либо) (букв.: чучелу подобно сидит)’
369. кўр аланыл ат нәглы ‘ребёнок маленького возраста (букв.: до верха печки не достаёт)’
370. кәсе ёл-лаквн ‘престарелый человек (букв.: штаны=его спадают)’
371. кәсин пинуңкве ‘наложить в штаны (от страха) (букв.: в штаны положить)’
372. кәсь паңктуңкве ‘наложить в штаны (от страха) (букв.: штаны замарать)’
373. кәсь паттатэ тәрвитыңыг ёмтыс ‘наложил в штаны (от страха) (букв.: штанов дно=его тяжёлым стало)’
374. лоньхатам хусап ‘старая, дряхлая женщина (букв.: развалившаяся коробка)’
375. лўль вәруңкве (вәрапаңкве) ‘наложить в штаны (от страха) (букв.: плохое сделать (быстро сделать)’

376. л̄юньсь х̄урыг ‘плакса (букв.: плачущий мешок)’
377. м̄атум ляңкви ‘старый мужчина (букв.: старый колун)’
378. м̄от āвип ӯт ‘никто, ничтожество (букв.: с чужих дверей некто)’
379. напар холът сялтсы (ēңхи) ‘шустрый, подвижный человек (букв.: как сверло сверлит (крутится))’
380. н̄яр сас н̄ялы ‘1) вертлявый, подвижный человек; 2) гибкий человек (букв.: из свежей бересты ложка)’
381. осься ю̄нтуп ‘худой высокий человек (букв.: тонкая игла)’
382. осэ п̄т хурипаг ēмтыс ‘изменился в лице (кто-либо) (букв.: кожа лица=его как котёл стала)’
383. пасан ёлы-п̄алт иң ēми ‘ребёнок маленького возраста (букв.: под столом ещё ходит)’
384. пасан пувуңкве (букв.: стол держать) – обычай держать край стола, когда уходят гости, чтобы хранить удачу в доме
385. потыр х̄урыг ‘разговорчивый, болтливый человек (букв.: разговоров мешок)’
386. пуңк п̄ентсылэ (аквтоп) т̄атыл т̄ер п̄т ‘глупый, тупой человек (букв.: вместо головы (будто) пустой железный котёл)’
387. п̄ўська хурипа ‘толстый человек (букв.: бочке подобный)’
388. п̄т в̄аруңкве ‘готовить пищу (букв.: котёл делать)’
389. п̄тсове ат пайтахты ‘глупый человек (букв.: котелок=его не кипит)’
390. п̄тсове ат р̄упиты ‘глупый человек (букв.: котелок=его не работает)’
391. п̄тсове р̄упиты ‘умный человек (букв.: котелок=его работает)’
392. п̄ерна пинуңкве ‘креститься (букв.: крест класть)’
393. самаге с̄яй āны пис хурипаг ‘вытаращил глаза (кто-либо) (букв.: глаза=его на чайные блюдца похожи)’
394. суве та т̄ўсьтыстэ ‘старый, преклонных лет человек (букв.: посох=свой уже поставил)’
395. сыме сома касаил яктаве ‘переживает, печалится, горюет (кто-либо) (букв.: сердце=его будто ножом режут)’
396. сымт̄ал-м̄йтт̄ал м̄олаң ‘бессердечный, жестокий человек (букв.: без сердца-печени чучело)’
397. с̄ай х̄урыг ‘плакса, нюня (букв.: с гноем мешок)’
398. с̄ат кол м̄еты ‘человек, ведущий праздный образ жизни (букв.: в семи домах метки ставит)’
399. с̄аюм н̄яра пал ‘старая дева (букв.: половина изгнившей пары обуви)’
400. с̄ови юнга ‘неопрятно, неаккуратно одетый человек, неряха (букв.: скосившаяся (кривая) пятка (обуви))’

401. с̄оргын л̄акв кв̄алгыл н̄эг̄елын ‘держи карман шире (букв.: живот=свой кольцом верёвки обвяжи)’
402. т̄атыл т̄ер п̄ут ‘глупый, тупой человек (букв.: вместо головы (будто) пустой железный котёл)’
403. т̄ер сым ‘злой, жестокий человек (букв.: железо сердце)’
404. т̄ерың в̄ильт ‘злой, жестокий человек (букв.: железное лицо)’
405. т̄орың а̄кань ‘нарядная, опрятная девушка (женщина) (букв.: кукла в платке)’
406. хасълум росахи ‘неопратно, неаккуратно одетый человек (букв.: рваные обноски (тряпье, рванина)’
407. хоса (т̄ерсоль) к̄ерсоль ‘человек высокого роста (букв.: длинный гвоздь)’
408. хоса х̄омся ‘человек высокого роста (букв.: длинная плётка)’
409. хум м̄ахум холт̄ал а̄нысуп ‘женщина лёгкого поведения (букв.: для мужчин-людей нескончаемая чашка)’
410. юи-ōвыл алпихар супе а̄ңхуңкве в̄ерми ‘жертвенный человек (букв.: последнюю нательную рубашку снять может)’
411. юи-ōвыл ёлысове (алпихар супе) а̄ңхуңкве в̄ерми ‘жертвенный человек (букв.: последние штаны=свои снять может)’
412. āсе ягпыг туля хална н̄ялэ пувумтаме ‘ловкий, хваткий человек (букв.: брат отца=его стрелу между пальцев поймал)’ (фольк.)
413. āсың в̄ётра ‘бездетная женщина (букв.: продырявленное ведро)’
414. опан Пащар-я̄ ұлтта т̄ұпт̄ал минастэ ‘упрямый, упорный человек (букв.: дед=твой Печору-реку без весёл пересёк)’

**Фразеологизмы с компонентами
гастрономического кода культуры:**

415. (саюм) х̄улың н̄янь ‘1) бесхарактерный человек; 2) медлительный, нерасторопный, вялый человек (букв.: (испорченный, тухлый) рыбный пирог)’
416. аквтоп майл сартым ‘нечто очень привлекающее внимание (букв.: будто мёдом мазано)’
417. м̄унт т̄эм п̄улэ т̄ара н̄аңки ‘стройный, статный (человек) (букв.: недавно съеденный кусочек насквозь просвечивает)’
418. н̄ялың ут ‘жадина (букв.: ненасытный некто)’
419. самаге т̄эг̄ыг-а̄ег ‘злобно, с яростью глядит (кто-либо) (букв.: глаза=его едят-пьют)’
420. сым талх л̄эстуңкве ‘утолить голод (букв.: кончик сердца подкормить)’
421. сьме в̄ойт ови ‘радостно, приятно на душе (у кого-либо) (букв.: сердце=его по маслу течёт)’

422. с̄ыме в̄ойт поваралы ‘радостно, приятно на душе (у кого-либо) (букв.: сердце=его в масле валяется (перекачивается))’
 423. т̄осам н̄ёвыль ‘худой, тощий человек (букв.: сушёное мясо)’
 424. т̄ёлп аюңкве ‘причинять страдания (кому-либо) (букв.: кровь пить)’

Фразеологизмы группы «общественный мир»:

425. (тав) хоталь суйты ‘никто, ничтожество (букв.: (его) нигде не слышно)’
 426. акв м̄ан картуңкве ‘оцепенеть от страха (букв.: в одном месте застыть)’
 427. акв м̄ан патыс ‘лежащий от старости человек (букв.: в одном месте стал (находиться))’
 428. аквтоп ёл-ханас ‘оцепенел от страха (кто-либо) (букв.: словно туда приклеился)’
 429. аквтоп л̄юльсан хуяс ‘раздражённый человек (букв.: будто плохо спал)’
 430. аквтоп нас х̄уйтаве (восгаве) ‘заводится (кто-либо) (букв.: будто его заставляют (нашёптывают))’
 431. аквтоп п̄ослувес ‘красивый человек (букв.: будто нарисовали)’
 432. в̄агт̄ал номтуп ‘слабоумный, глупый человек (букв.: слабый ум имеющий)’
 433. в̄ати номтуп ‘глупый, беспамятный человек (букв.: короткий ум имеющий)’
 434. ёл акваг та ойвес ‘умер (кто-либо) (букв.: вниз навсегда заснул)’
 435. ёлыл аквтоп нас пелялаве ‘ёрзает, не сидит спокойно на месте (кто-либо) (букв.: снизу как будто остриём колют=его)’
 436. кант о̄ньсюңкве ‘иметь злой умысел (букв.: злость иметь)’
 437. кантыл покматаңкве ‘сильно злиться, приходиться в ярость (букв.: от злости лопаться (взрываться))’
 438. кантың Т̄анв̄арп̄эква ‘злая, сердитая женщина (букв.: злая Танварпэква)’
 439. кантың явол ‘1) злодей, негодяй; 2) разъярённый, злой человек (букв.: злой дьявол)’ *заим.*
 440. кантэ ёт тотыглытэ ‘1) злой человек; 2) сердитый человек (букв.: зло=своё с собой носит)’
 441. кантэ ёт х̄айтыгты ‘злится (кто-либо) (букв.: со злостью=своей вместе бегают)’
 442. кантэ ляпат о̄ньситэ ‘1) злой человек; 2) сердитый человек (букв.: зло=своё близко держит)’
 443. кантэ ми́нас ‘успокоился (кто-либо) (букв.: злость=его ушла)’
 444. кантэ пойтыс ‘успокоился (кто-либо) (букв.: злость=его перестала)’
 445. кантэн та о̄вумлавес ‘злится (кто-либо) (букв.: злость=его окутывает)’
 446. кантэн титхал та паттувес ‘обезумел от ярости (кто-либо) (букв.: злость его надвое разделила)’

447. кантэн тотыглаве ‘злится, сердится (кто-либо) (букв.: злость=его носит (водит))’
448. кантэн т̄аратавес ‘успокоился (кто-либо) (букв.: злость=его отпустила)’
449. кантэн х̄айтыгтал̄аве ‘злится, сердится (кто-либо) (букв.: злость=его повсюду его бегом носит)’
450. каргуңкв хаснэ ут ‘злой человек (букв.: рычать умеющий некто)’
451. Кулиг ёмтыс ‘рассвирепел (кто-либо) (букв.: Кулем стал)’
452. Куль наер āги ‘злая женщина (девушка) (букв.: Куля духа дочь)’
453. куль хурипа ‘злой, лютой человек (букв.: кулю подобный)’
454. к̄урилам К̄уринька ‘неряшливая женщина (девушка) (букв.: неопрятная Куринька)’
455. лом-лом э̄ква ‘сплетница, болтуня (букв.: лом-лом (звукоподражание) женщина)’
456. лоп-лоп э̄ква ‘неопрятная женщина (букв.: лоп-лоп (звукоподражание) женщина)’
457. л̄ав т̄уйтуңкве ‘иметь злой умысел (букв.: ненависть спрятать)’
458. л̄аве т̄уйтнэ х̄отпа ‘коварный человек (букв.: ненависть скрывающий человек)’
459. л̄атың ат хартуңкве ‘немногословный человек (букв.: слова не вытянуть)’
460. л̄атың мус о̄лы ‘безотказный человек (букв.: до начала слова живёт)’
461. л̄атыңт̄ал-потырт̄ал х̄отпа ‘молчаливый, немногословный человек (букв.: без слова-без разговора)’
462. л̄юль (кантың) номт о̄ньсюңкве ‘иметь злой умысел (букв.: плохую (злую) мысль иметь)’
463. л̄юньсе ляпат о̄ньситэ ‘плакса (букв.: плач=свой близко держит)’
464. л̄юньсь э̄л тарматаңкве ‘громко заплакать (букв.: плач вдаль отпустить)’
465. м̄атум пыг ‘холостяк (букв.: старый мальчик (парень))’
466. матарын ёхтылаве ‘раздражается (кто-либо) (букв.: что-то к нему приходит)’
467. ми́нам х̄отал ул тинсэ̄лн ‘не живи вчерашним днем; не живи прошлым (букв.: прошедший день не ищи)’
468. мир ёт м̄усхалыг о̄лы ‘добрый, спокойный человек (букв.: с людьми аккуратно живёт)’
469. мире нупыл ёмасыг сунсы ‘добрый, спокойный человек (букв.: на людей по-хорошему смотрит)’
470. м̄от м̄а нупыл ми́нас ‘умер (кто-либо) (букв.: в сторону иного места ушёл)’
471. намың-суйиң х̄отпа ‘известный, именитый, знаменитый человек (букв.: именитый-звонкий человек)’

472. нёвиям Семан ‘мягкотелый человек (букв.: протухший (несвежий, затхлый) Семён)’
473. номтыт õньсюңкве ‘запомнить (букв.: в уме держать)’
474. номтэ ат товылхаты ‘слабоумный, глупый человек (букв.: ума ему не хватает)’
475. номтэ сови ми́нас (патыс) ‘свихнулся, сошёл с ума (кто-либо) (букв.: ум=его набок ушёл (упал))’
476. номтэ тэлыгтастэ ‘помутился разум (у кого-либо) (букв.: мысль=свою смешал)’
477. номтэ хот-устхатас ‘потерял рассудок (кто-либо) (букв.: ум=свой потерял)’
478. номтэн оссувлавёс ‘потерял самообладание (кто-либо) (букв.: память=его его оставила (покинула))’;
479. нявс-авс хõтпа ‘человек с невнятной речью (букв.: *нявс-авс* (звукоподражание) человек)’
480. няльсиң хõтпа ‘коварный, подлый человек (букв.: скользкий человек)’
481. оссам Ванька ‘бестолковый, глупый мужчина (букв.: глупый Ванька)’
482. оссам пāла ‘бестолковый, глупый человек (букв.: глупая половина)’
483. оссам Ру́ня ‘бестолковая, глупая женщина (букв.: глупая Груня)’
484. оссам хõла ‘бестолковый, глупый человек (букв.: глупый мертвец)’
485. оссамыг вāрхатуңкве ‘1) придуриваться; 2) дурачиться, делать глупости (букв.: глупым делаться (притворяться))’
486. осың-сāйтың ‘умный человек (букв.: со внешностью-с толком (соответствующими возрасту))’
487. пāлсāйтуп ут ‘глупый человек (букв.: некто на половину без ума (толка, сообразительности))’
488. потрытыл тыттын ут ‘болтун (букв.: разговорами кормящий некто)’
489. потыр суе таквитэн ат суйты ‘тихий, кроткий человек (букв.: произносимый звук самому не слышен)’
490. пу́ня ма́ня ‘великовозрастное дитя (о мужчине) (букв.: волосатый (пушистый) малыш)’
491. пё́нты́м ут ‘глупый человек (букв.: подменённый некто)’
492. пõри номт ‘дурные мысли (букв.: поперечные (кривые) мысли)’
493. пõяр хури́па ‘толстый, упитанный мужчина (букв.: боярину подобный)’
494. савың лоня́хи ‘бездельник, лентяй (букв.: ленивая развалина)’
495. савың хõла ‘бездельник, лентяй (букв.: ленивый мертвец)’
496. сам та пāлн патыс ‘умер (кто-либо) (букв.: на ту сторону глаз попал)’
497. самвитанэ ляпат õлэ́гыт ‘1) обидчивый человек; 2) плакса (букв.: слёзы=его близко расположены)’

498. сорум х̄онтт̄ал ут ‘престарелый человек (букв.: смерть не находящий некто)’
499. суил пи́лы ‘трусливый, боязливый человек (букв.: звука боится)’
500. суиң л̄атңыл ё́нгуңкве ‘говорить высокопарно (букв.: звонкими словами играть)’
501. сунсуңкве пыл ат х̄ойхаты ‘некрасивый человек (букв.: смотреть даже не годится)’
502. суттури патыс ‘обезумел (от ярости) (кто-либо) (букв.: поперёк разума упал)’
503. сыри-мори н̄э́рись ‘неаккуратная, несобранная женщина (девушка) (букв.: сыри – неправильная, иная, мори – небрежная женщина)’
504. с̄яма ала рагата́с ‘чуть не умер (от страха) (букв.: насмерть чуть не упал)’
505. с̄яма рохту́кве ‘умирать от страха (букв.: насмерть испугаться)’
506. с̄яр ма́ньси хури́па ‘хороший, добрый человек (букв.: совсем на манси похож)’
507. са́йтт̄ал маты́р ‘слабоумный, глупый человек (букв.: не имеющий ума (толка, сообразительности) некто)’
508. са́йтт̄ал пилу́кве ‘обезуметь от страха (букв.: без ума (соображения) бояться)’
509. са́йтэ холас ‘потерял сознание (букв.: разум закончился)’
510. са́ль ва́ру́кве ‘жалость вызывать (букв.: жаль делать)’
511. со́ви сунсу́кве (а́ңквата́кве) ‘недовольно смотреть (глядеть) (букв.: криво/косо смотреть (глядеть)’
512. с̄яне-а́се ат са́литы ‘жестокий человек (букв.: мать-отца не жалеет)’
513. такви ё́рыл о́лы ‘самостоятельный человек (букв.: со своей силой живёт)’
514. титхал патыс ‘обезумел от ярости (кто-либо) (букв.: надвое разделился)’
515. тот та хуи (букв.: вон там лежит) – в значении ‘ничего не получишь, не рассчитывай что-либо получить’ как насмешливо-иронический отказ дать или сделать что-либо
516. тув тосы́с ‘оцепенел (от страха) (кто-либо) (букв.: на месте засох)’
517. та́к номт ‘умный человек (букв.: крепкий ум)’
518. То́рум номт у́ртнэ ма́н ат а́лымас ‘глупый, бездарный человек (букв.: к месту, где Торум раздавал ум, не успел)’
519. То́румн номты́л ат са́литавес ‘умный, одарённый человек (букв.: Торум ума ему не пожалел)’
520. тэ́нэ-айнэ Куль ‘злодей, тиран, деспот (букв.: пожирающий-пьющий Куль)’
521. тэ́нэ-айнэ ут хольт сунсу́кве (а́ңквата́кве) ‘злобно, пожирающе смотреть (букв.: как пожирающее-пьющее существо смотреть (глядеть)’

522. утте-потте ‘человек с невнятной речью (букв.: утте-потте (звукоподражание)’
523. хомыл явол ‘1) злодей, негодяй; 2) разъярённый, злой человек (букв.: ничтожный дьявол)’ *заим.*
524. хоса ямсык ‘человек высокого роста (букв.: длинный ямщик)’
525. хōн ләнъ ‘лентяй (букв.: ханская (царская) лень)’
526. хōн савын ёхтувес ‘обленился (кто-либо) (букв.: ханская (царская) лень (к нему) пришла)’
527. хōтпа нупыл ёмас ‘добродушный человек (букв.: в сторону людей хороший)’
528. хōтпа тōпалэ яныг ‘подлый человек (букв.: человек большой подлости)’
529. юи-ōвыл пўл лōмтэ мыг ‘жертвенный человек (букв.: последний кусочек еды=своей отдаст)
530. яныг пилысьмал ёхтувес ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: большой страх пришёл (к нему)’
531. яныг пилысьмал пинвес ‘сильно испугался (кто-либо) (букв.: большой страх положили (на него)’
532. яныг хōтпа ‘почтенный, уважаемый человек (букв.: большой человек)’
533. āңквын тэм ‘негодяй, злодей (букв.: мать съевший)’
534. āтимыг ёмтыс ‘умер (кто-либо) (букв.: ничем (никем) стал)’
535. элалъ халмалтахтэг ‘продолжают ссориться, ухудшать отношения (кто-либо) (букв.: всё дальше между ними трещина появляется)’
536. эссермал пинвес ‘стыдится (кто-либо) (букв.: стыд положили)’
537. эссерматэн ёхтувес ‘стыдится (кто-либо) (букв.: стыд=его пришёл)’
538. этэ пōри ялуңкве ‘делать всё наоборот (букв.: ночь поперёк исходить)’

Фразеологизмы, буквальный перевод которых неизвестен:

539. мори-хори ‘несерьёзный, легкомысленный человек (букв.: *мори* – небрежный, *хори* (перевод неизвестен) человек)’
540. оссам тўйкуп ‘глупый, бестолковый человек (букв.: глупый *туйкуп* (перевод неизвестен)’
541. сола-сола ‘кривляка, любитель кривляться (перевод неизвестен)’
542. торси-морси ‘как попало, неаккуратно (перевод неизвестен)’
543. туйкуп хольт лўлюңкве ‘оцепенеть (от страха) (букв.: туйкупу (перевод неизвестен) подобно стоять)’
544. хослы-сыйлы ‘тихо, беззвучно (перевод не известен)’

Приложение IV. Фразеологизмы русского языка

Фразеологизмы группы «естественный мир»:

Фразеологизмы с компонентами соматического кода культуры:

1. (седина в бороду) бес в ребро
2. ангел без крылышек
3. ангельская душа
4. ангельское сердце
5. бежать, поджав хвост
6. бежать, сломя голову
7. без головы
8. без души
9. без царя в голове
10. бесталанная голова
11. богатырское тело
12. бросило в холодный пот
13. быть ослепленным от ярости
14. в глазах помутилось
15. в зобу дыханье спёрло
16. в ногах правды нет
17. в сердцах
18. валить с больной головы на здоровую
19. вертится в голове
20. вертится на языке
21. весь как на ладони
22. взять (брать) себя в руки
23. вкладывать душу
24. водить за нос
25. волосы становятся дыбом
26. волосы шевелятся
27. вставать не с той ноги
28. встал с левой ноги
29. втянуть голову в плечи
30. выжимать пот (из кого)
31. выматывать (вытягивать) (все) кишки
32. высасывать кровь
33. вытаращить глаза (от страха)
34. вытягивать все жилы
35. глаза на лоб лезут

36. голова два уха
37. действовать на нервы
38. держать сердце
39. добрая душа
40. доброе сердце
41. драть шкуру
42. дурная (дурья) голова
43. дух перехватило (захватило)
44. душа болит
45. душа в пятки ушла (уходит)
46. душа нараспашку
47. душа-человек
48. души не чаять
49. дырявая голова
50. еле душа в теле
51. еле стоять на ногах
52. живой (ходячий) скелет
53. зализывать раны
54. зарубить себе на носу
55. золотая душа
56. золотое сердце
57. зуб на зуб не попадает
58. зубы стучат
59. играть на нервах
60. идти в ногу
61. из пальца высосать
62. излить (изливать) желчь
63. измениться в лице
64. иметь зуб
65. иродова душа
66. испустил дух
67. как бельмо на глазу
68. кожа да кости
69. коленки трясутся
70. ком в горле застрял
71. костями гремит
72. кровь бросилась (ударил) в голову
73. лица нет
74. мозги набекрень
75. мозги не на месте
76. не видеть дальше своего носа
77. не выходит из головы
78. не сходить с языка

79. нет сердца
80. ни кровинки в лице нет
81. ноги не шевелятся
82. ноги отнялись
83. ноги подгибаются
84. ноги подкашиваются
85. одна извилина в мозгу и та прямая
86. опустить руки
87. перемывать косточки
88. под сердитую руку
89. подать (протянуть) руку помощи
90. поджать хвост
91. поджилки трясутся
92. подставлять ножку (кому, чему)
93. подставлять плечо
94. показывать зубы
95. показывать когти
96. портить кровь
97. пот прошибает (прошиб)
98. потирать руки
99. потупить глаза
100. праведная душа
101. пустая голова
102. пышное тело
103. расправить плечи
104. расти в глазах
105. с головой
106. с головой не дружить
107. с гулькин нос
108. с замиранием сердца
109. с мозгом
110. с пеной у рта
111. с раскрытым ртом
112. с упавшим сердцем
113. с царём в голове
114. сверкать глазами
115. святая душа
116. семь пядей во лбу
117. сердце в пятки ушло
118. сердце взыграло от радости
119. сердце выпрыгивает из груди
120. сердце ёкает
121. сердце закатывается (закатилось)

122. сердце замирает
123. сердце захолонуло
124. сердце оборвалось (оторвалось)
125. сердце опустилось
126. сердце сжимается
127. сердце упало (падает)
128. сидеть в печёнках
129. скалить зубы
130. сквозь зубы (говорить, бормотать)
131. скрежетать (скрипеть) зубами
132. стиснуть зубы
133. стоять над душой
134. стоять одной ногой в могиле
135. стоять поперёк горла
136. страх за душу берёт
137. страх исказил его лицо
138. точить зуб
139. трепать нервы
140. три извилины в мозгу (и все параллельные)
141. хорошие мозги
142. хоть глаз выколи
143. худая голова
144. цедить (процедить) сквозь зубы
145. человек большого сердца
146. человек большой души
147. человек доброй (добрейшей) души
148. чист душою
149. чист сердцем
150. широкая душа
151. язык не поворачивается
152. язык онемел
153. язык отнялся
154. язык отсох
155. язык проглотил от страха

**Фразеологизмы с компонентами
природного кода культуры:**

156. (пылать) воспылать гневом
157. бежать как ошпаренный
158. белый как снег
159. бояться собственной тени
160. бросает то в жар, то в холод

161. быть на седьмом небе
162. в жар бросает
163. ветер в голове (гуляет)
164. витать в облаках
165. воды (водой) не замутит
166. вспыхнуть от гнева
167. вывести на чистую воду
168. выпустить пар
169. голова садовая
170. грызть гранит науки
171. держать камень за пазухой
172. душа леденеет
173. ждать у моря погоды
174. задать жару
175. звёзд с неба не хватает
176. идти в огонь и в воду (за кого-либо)
177. из грязи да в князи
178. испепелять (испепелить) гневом
179. как в воду опущенный
180. как грязи
181. каменное сердце
182. камень на душе
183. кипеть от гнева (ярости)
184. кипит на сердце
185. кровь в жилах стынет (застывает, леденеет, холодеет)
186. кровь вскипает (закипает, кипит) в жилах
187. кто в лес, кто по дрова
188. леденеть от страха
189. ледяное сердце
190. метать гром и молнии
191. метать искру
192. метать перуны
193. мороз по коже продирает (пробегает)
194. мороз по спине (дерёт, продирает, пробегает, идёт)
195. мрачнее тучи
196. накипело на сердце
197. небо с овчинку кажется
198. обдало жаром
199. обливаться холодным потом
200. одна тень осталась
201. окаменеть от страха
202. опалиться гневом
203. от земли не видать (не видно)

- 204. песок сыпется (сыплется)
- 205. под горячую руку
- 206. поливать грязью
- 207. появился на свет
- 208. преградить дорогу (кому)
- 209. прирасти к земле от страха
- 210. светлая голова
- 211. светлый ум
- 212. сердце кипит (закипело)
- 213. со сквозняком в голове
- 214. сулить золотые горы
- 215. туча тучей
- 216. холодеть от страха
- 217. холодное сердце
- 218. хоть пруд пруди
- 219. чужими руками жар загребать

**Фразеологизмы с компонентами
фитоморфного кода культуры:**

- 220. балда осиновая
- 221. без сучка, без задоринки
- 222. божий одуванчик (о людях преклонного возраста)
- 223. большая шишка
- 224. голова еловая
- 225. голова мякиной (соломой) набита
- 226. дрожать (трястись) как осиновый лист
- 227. дубовая башка (голова)
- 228. мякинная голова
- 229. не лыком шит
- 230. одного поля ягода
- 231. опилки в голове
- 232. пень березовый
- 233. пень с глазами
- 234. сердце мхом обросло
- 235. тише воды и ниже травы
- 236. толоконный лоб
- 237. тупой как баобаб
- 238. тупой как бревно
- 239. тупой как дрова
- 240. тупой как полено
- 241. хуже горькой редьки
- 242. чурбан неотёсанный

243. чурка с глазами

**Фразеологизмы с компонентами
зооморфного кода культуры:**

- 244. баранья голова
- 245. беден как церковная мышь
- 246. белая ворона
- 247. бешеная собака
- 248. бирюком смотрит (глядит)
- 249. биться как рыба об лёд
- 250. божья коровка
- 251. бред сивой кобылы
- 252. букой смотрит (глядит)
- 253. быком (бычком) смотрит (глядит)
- 254. важная птица
- 255. волк в овечьей шкуре
- 256. волком смотрит (глядит)
- 257. волчье сердце
- 258. врать как сивый мерин
- 259. вставать с петухами
- 260. гад ползучий
- 261. глухой как тетерев
- 262. дразнить гусей
- 263. дрожать как заяц
- 264. ежовая голова
- 265. желторотый птенец
- 266. жестокий (свирепый) как волк
- 267. жестокий как зверь
- 268. заморить червячка
- 269. заячье сердце
- 270. заячья душа
- 271. зверь зверем
- 272. зверь просыпается (в ком-либо)
- 273. здоров как бык
- 274. злой (злбный) как хорёк
- 275. злой (злбный) как цепной пёс
- 276. злой как собака
- 277. змея/змеюка/гадюка подколотная
- 278. как кот наплакал
- 279. как разъярённый бык
- 280. как с цепи сорвался
- 281. коварный (хитрый, злбный) как змея (змей)

- 282. комар носу не подточит
- 283. комара (мухи) не обидит
- 284. кошки скребут (скребутся) на душе (на сердце)
- 285. кроткий как голубь
- 286. кроткий как овца
- 287. кроткий как телёнок
- 288. кроткий как ягнёнок
- 289. куриная башка
- 290. куриные мозги
- 291. лебединая шея
- 292. лютый зверь
- 293. мокрая курица
- 294. мурашки по спине ползают (бегают)
- 295. ни рыба ни мясо
- 296. покрыться гусиной кожей
- 297. птица высокого полёта
- 298. расправить крылья
- 299. робок как заяц
- 300. сердце дрожит как овечий хвост
- 301. склеил ласты
- 302. слепая курица
- 303. смотреть ежом
- 304. смотрит (глядит) зверем
- 305. собака на сене
- 306. собачье отродье
- 307. собачья душа
- 308. стреляный воробей
- 309. точно муху проглотил
- 310. труслив как заяц
- 311. тупой как осёл
- 312. чёрная кошка пробежала

**Фразеологизмы с компонентами
цветового кода культуры:**

- 313. белый как мертвец
- 314. быть бледным как смерть
- 315. быть бледным от страха
- 316. держать в чёрном теле
- 317. довести до белого каления
- 318. дойти (доходить) до белого каления
- 319. золотая голова
- 320. золотая молодёжь

- 321. золотое сердце
- 322. золотой человек
- 323. краска сползает с лица
- 324. лицо побелело от страха
- 325. на чёрный день
- 326. не взвидеть (невзвидеть, не видеть) света (белого)
- 327. позеленеть от злости (ярости)
- 328. посесть от страха
- 329. чёрная душа
- 330. чёрное сердце
- 331. чёрный день

Фразеологизмы группы «искусственный мир»:

Фразеологизмы с компонентами артефактивного кода культуры:

- 332. балбешка стоеросовая
- 333. башня поехала
- 334. бездонная бочка
- 335. белый как мел
- 336. белый как скатерть
- 337. бить баклуши
- 338. буря в стакане воды
- 339. в дверь не пролезет
- 340. в подмётки не годится
- 341. взорваться (взрываться) как порох
- 342. вилами по воде писано
- 343. винтиков в голове не хватает
- 344. вить верёвки из кого-либо
- 345. вставлять палки в колёса
- 346. второй дом
- 347. выпрыгивать из штанов
- 348. глуп как пробка
- 349. держать в ежовых рукавицах
- 350. держи карман шире
- 351. длинный как жердь
- 352. дубина стоеросовая
- 353. закинуть удочку
- 354. закусить удила
- 355. засучив рукава
- 356. как стёклышко
- 357. котелок не варит

358. крыша поехала
359. крышу снесло
360. курить фимиам
361. лезть в бутылку
362. лезть в пузырь
363. лезть на стенку
364. медный лоб
365. между молотом и наковальней
366. мешок костей
367. на ладан дышит
368. наложить (наделать) в штаны
369. не по Сеньке шапка
370. ноги стали ватными
371. палочка-выручалочка
372. плевать в потолок
373. под запал
374. под стол пешком ходит
375. пожарная каланча
376. попасть в сети
377. попасться на удочку
378. пороха не выдумает
379. резьбу сорвало
380. с пелёнок
381. сатана в юбке
382. сиять как начищенный самовар
383. слететь с катушек
384. снесло (сорвало, отвернуло) башню
385. снять (снимать) с себя последнюю рубашку
386. спустя рукава
387. стать бледным, как полотно
388. стереть в порошок
389. точить балясы
390. точить лясы
391. точить нож
392. тупой как валенок
393. тянуть (служебную) лямку
394. тянуть лямку
395. ума палата
396. устроить сцену
397. хоть кол на голове теши
398. хоть шаром покати
399. чаша терпения переполнилась
400. чёрт в юбке

- 401. чугунная голова
- 402. чугунные мозги

**Фразеологизмы с компонентами
гастрономического кода культуры:**

- 403. в самом соку
- 404. выжимать соки (сок) (из кого)
- 405. голова варит
- 406. голова не варит
- 407. делать кислую мину
- 408. за семь вёрст киселя хлебать
- 409. заварить кашу
- 410. запахло жареным
- 411. из мягкого теста
- 412. кавардак в голове
- 413. как (будто, словно, точно) маслом по сердцу
- 414. как сыр в масле кататься
- 415. каша в голове
- 416. кормить завтраками
- 417. котелок варит
- 418. кровь с молоком
- 419. лапшу на уши вешать
- 420. лопается с жиру
- 421. масло масляное
- 422. молоко на губах не обсохло
- 423. несолоно хлебавши
- 424. отрезанный ломоть
- 425. пальчики оближешь
- 426. подлить масла в огонь
- 427. портить всю обедню (кому)
- 428. профессор кислых щей
- 429. пуд соли съесть
- 430. сыпать соль на рану
- 431. чёрствая душа
- 432. чёрствое сердце

Фразеологизмы группы «общественный мир»:

- 433. ангел доброты (кротости)
- 434. ангел непорочный
- 435. Баба-яга

436. бабушка надвое сказала
437. Балда Ивановна
438. битый час
439. бог ума не дал
440. бог ума пожалел
441. Бог умом не обидел
442. богом обиженный
443. богом убитый
444. бросает в дрожь
445. быть вне себя
446. быть вне себя от радости
447. быть на верху блаженства
448. быть ни живым, ни мёртвым (ни жив, ни мёртв)
449. в детстве мамка ушибла
450. валять (ломать, корчить) ваньку
451. валять дурака (дурочку)
452. валяться со смеху
453. Василиса премудрая
454. верхушка общества
455. весь наружу
456. входить (войти) в раж
457. выводить из себя
458. выйти (выходить) из себя
459. выйти (выходить) из терпения
460. глядеть (смотреть) не на что
461. держать зло
462. доходить своим умом
463. дурак дураком
464. дыхание перехватило (от страха)
465. дышит (пышет) здоровьем
466. дьявольское отродье
467. замереть (застыть) от страха
468. затаить дыхание
469. затронуть за живое
470. захолонуло на душе
471. злой как чёрт
472. излить (изливать) гнев
473. испугаться до потери сознания
474. испугаться до смерти
475. исчадие ада
476. как швед под Полтавой
477. красная девица
478. кричать не своим голосом

479. кроткий как ангел
480. круглый дурак
481. лишиться дара речи
482. лопаться от злости
483. любви все возрасты покорны
484. набитый дурак
485. не в духе
486. не налюбуеться
487. не помнить себя
488. не робкого десятка
489. не сметь дохнуть
490. не учи учёного
491. непроходимый дурень
492. никому спуску не даёт
493. ничем (ни в чём) не замечен
494. ничтоже сумняшеся
495. ноги тяжелеют
496. обезуметь от страха
497. олух царя небесного
498. онеметь от страха
499. острый ум
500. отдавать (отдать) жизнь (за кого)
501. оцепенеть от страха
502. петый (отпетый) дурак
503. повисить голос
504. показать кузькину мать
505. попасть впросак
506. потерять дар речи
507. потерять рассудок
508. потерять себя
509. потерять терпение
510. потупить взор (взгляд)
511. прийти (приходить) в бешенство (ярость)
512. прийти в себя
513. разразиться негодованием
514. рассудок помутился
515. рвать и метать
516. родного отца (мать, брата) не пожалеет (не пощадит)
517. ростом не вышел
518. с бухты-барахты
519. сам дьявол вселился
520. сатане в дядьки годится
521. сатанинское племя

522. сделать доброе дело
523. смотреть исподлобья
524. смотрит (глядит) чёртом (дьяволом, лешим)
525. старая дева
526. старая карга
527. старый хрыч
528. стоять как вкопанный
529. страх заставил его содрогнуться
530. страх напал на него
531. страх овладел кем-либо
532. страх приковал к месту
533. сходить с ума
534. съежиться от страха
535. таить злобу
536. терять самообладание
537. трепетать (дрожать, вздрогнуть) от страха
538. умирать от страха
539. Фома неверующий
540. хоть отбавляй
541. цепкий ум
542. чуть не умер от страха
543. широкая натура